

Екатеринославъ 1917—22 г. г.

З. Ю. Арбатова

Въ большомъ губернскомъ городѣ Екатеринославѣ, имѣвшемъ тогда около полу-милліона жителей, среди которыхъ было до семидесяти пяти тысячъ рабочихъ металлостовъ, — февральскую революцію сдѣлали люди, пріѣхавшіе утреннимъ поѣздомъ изъ Харькова.

Они привезли вечерніе выпуски газеты «Южный Край», въ которыхъ сообщалось, что Императоръ Николай II отрекся отъ престола въ пользу Михаила Александровича. Сообщение это, сейчасъ-же перепечатанное мѣстными газетами, вышло экстреннымъ выпускомъ и было встрѣчено населеніемъ съ воодушевленіемъ и радостью...

Никто ничего не зналъ подробно о Михаилѣ Александровичѣ, но почему то всѣ были подъ внушеніемъ, что именно Михаилъ Александровичъ въ это тяжелое время нуженъ Россіи, и что спасеніе страна найдетъ только въ новомъ Романовѣ, который дастъ Россіи отвѣтственныхъ министровъ, разгонитъ всю нечисть Зимняго Дворца, и Россія, обновленная, принесшая въ жертву милліоны жизней своихъ сыновъ, станетъ Державой, очищенной отъ всякихъ Горемыкиныхъ, Штюмеровъ и Распутиныхъ.

А въ первыхъ дняхъ марта мѣстныя газеты получили телефонныя сообщенія изъ Харькова о томъ, что Михаилъ Александровичъ отказался отъ тяжелой шапки Мономаха, что «полковникъ Николай Романовъ» арестованъ, а вся власть въ странѣ переходитъ къ Временному Правительству съ Керенскимъ, Милюковымъ, Гучковымъ.

Тогда была организована настоящая манифестація, во главѣ которой, придерживая одной рукой длинную кавалерійскую саблю, спокойно и дѣловито шагаль помощникъ полиціймейстера, подполковникъ Бѣлоконь.

По телеграммѣ, полученной изъ Петербурга, предсѣдатель губернской земской управы К. Д. фонъ-Гесбергъ созвалъ большое совѣщаніе всѣхъ общественныхъ силъ города. Тутъ были врачи, адвокаты, представители рабочихъ больничныхъ кассъ... Засѣданіе продолжалось до разсвѣта, а къ утру была сформирована временная губернская власть, во главѣ съ Гесбергомъ.

Тогда-же было рѣшено всю полицію изолировать и профильтровать съ тѣмъ, чтобы рядовыхъ полицейскихъ выпустить, а въ чемъ либо провинившихся арестовать и предать суду.

Полицейскіе были загнаны въ большой залъ театра «Колизей», а одинъ изъ приставовъ, Борисъ Красовскій, заподозрѣнный въ провокаціи, былъ заключенъ въ тюрьму.

Работу по изоляціи полиціи продѣлалъ мѣстный гарнизонъ подъ руководствомъ директора завода Бѣлявскаго, взявшаго себѣ въ помощники одного изъ дѣятелей рабочей больничной кассы, рабочаго, социалиста-революціонера, Лавра Шаляхина.

Когда стало очевиднымъ, что Монархія провалилась и что Временное Правительство какъ будто и въ самомъ дѣлѣ является властью, тогда, къ концу первой половины марта, во многихъ учрежденіяхъ потихоньку и осторожно стали снимать и прятать на чердаки Царскіе портреты.

Полицейскія обязанности, вплоть до работъ по дѣламъ уголовного розыска взяли на себя студенты-юристы.

На заводахъ стали организовываться заводскіе комитеты. Появились меньшевики, эс-эры, большевики; пошли митинги, собранія; появились расцѣпочныя и контрольныя комиссіи; однимъ дыханьемъ былъ введенъ восьми-часовой рабочій день и замѣтно стала понижаться продуктивность рабочихъ. Были созданы какія-то спеціальныя рабочія комиссіи по провѣркѣ правильности предоставленныхъ военно-обязаннымъ отсрочекъ по призыву въ армію; какъ грибы послѣ дождя стали расти профессиональные союзы и объединенія; пошла въ ходъ рабочая оппозиція; вошли въ моду паритетныя начала; наиболѣе расторопные и толковыя рабочіе, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, отъ продуктивныхъ станковъ перешли въ различныя разговорныя комиссіи: организовался Совѣтъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ во главѣ съ предсѣдателемъ, рабочимъ Брянскаго завода, Орловымъ.

О провинціи никто не заботился. Всѣ эти маленькіе уѣздные Александровски, Павлограды и Бахмуты жили своей отдѣльной жизнью; какъ-то по своему передѣлывали житейскія формы на новый революціонный ладъ; забытые центромъ, лишеныя авторитетной и опредѣленной власти уѣзды быстро катились къ самой страшной анархіи.

Всякій уѣздъ, каждая волость создавали для себя особые имъ выгодные законы.

Губернская власть, занятая собственными заботами и, въ свою очередь, не получавшая никакихъ указаній изъ Петрограда, распространяла свои дѣйствія и мѣропріятія только въ масштабѣ губернскаго города и все видимо катилось къ пропасти.

Въ Городской Думѣ, состоявшей изъ выборныхъ различныхъ политическихъ партій, происходила ожесточенная грызня и борьба между фракціями и секціями, правыми и лѣвыми... Дѣловые вопросы оставались безъ движенія, или тонули въ политическихъ спорахъ, а вражда партій съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялась...

Тогда-же вполнѣ самостоятельной единицей стало село Гуляй-Поле, въ которомъ прочно засѣлъ вернувшійся съ каторги каторжанинъ Несторъ Махно, окружившій себя въ селѣ нѣсколькими десятками такихъ-же уголовныхъ каторжанъ.

Послѣ Корниловскихъ событій, изъ Петрограда особымъ поѣздомъ пріѣхало въ Екатеринославъ триста рабочихъ, присланныхъ какимъ-то центральнымъ профессиональнымъ органомъ съ мандатомъ за подписью какого-то военного инженера, съ указаніемъ, что мѣстное общество заводчиковъ обязано этихъ товарищей-рабочихъ немедленно распредѣлить по заводамъ съ предоставленіемъ имъ заработка по всѣмъ пунктамъ ставокъ, — и настроеніе въ заводскихъ кругахъ понизилось.

На мандатѣ этомъ, помимо подписи военного инженера, были еще какія-то двѣ подписи пролетарской каллиграфіи, и въ тихую лужу былъ брошенъ первый камешекъ.

Ни приказъ номеръ первый, ни роковое іюньское наступленіе, ни общая очевидная бессистемность въ управленіи Великой страной не произвели такого впечатлѣнія, какъ эта небрежно написанная бумажка съ двумя пролетарскими подписями...

Устроили совѣщаніе. На этомъ совѣщаніи впервые были услышаны слова о буржуахъ, капиталистахъ, кровопійцахъ-директорахъ и о наймитахъ французскаго капитала.

Начавъ свою рѣчь страннымъ обращеніемъ «товарищи-директора», представитель присланныхъ изъ Петрограда рабочихъ, пролетарій въ военной одеждѣ, произнесъ жуткую по бессмысленности рѣчь о мести рабочаго класса, о красномъ террорѣ и о социализаціи... Вся эта рѣчь произвела впечатлѣніе плохо заученной и перепутанной прокламаціи, которую пріѣхавшіе рабочіе привезли изъ Петрограда.

При страшном падении продуктивности, при катастрофической дезорганизации фабрично-заводских предприятий в смысле их административного управления, размещение присланных трехсот рабочих являлось поднесением спички к бочкѣ пороху. Но настойчивыя требованія питерских рабочих и начавшіяся съ ихъ стороны угрозы заставили заводчиковъ размѣстить этихъ гостей по предприятиямъ среди своихъ старыхъ спокойныхъ рабочихъ, сразу почувствовавшихъ приливъ свѣжей ярко-красной струи.

На заводахъ все чаще и чаще стали возникать тренія съ администраціей и высшимъ техническимъ персоналомъ, — который частенько стали вывозить изъ цеховъ на тачкахъ подъ общей шумъ и свистъ рабочихъ.

Появились воззванія и прокламаціи о сверженіи буржуазнаго Временнаго Правительства капиталистовъ; стали на заводахъ образовываться какія-то красногвардейскія ячейки; во время работъ давались тревожные гудки, пріостанавливались работы въ цехахъ и устраивались митинги; раздавались открытыя требованія къ удаленію администраціи и взятію фабрикъ въ руки рабочихъ; по какому либо простому случаю, а часто и безъ всякаго повода дѣлались попытки къ массовымъ выходамъ съ красными знаменами на улицу и во всѣхъ этихъ взвинчивающихъ и разжигающихъ сравнительно спокойную рабочую массу кучкахъ — всегда появлялись рабочіе изъ петроградской партіи.

Всѣ они, разсыпанные небольшими группами въ двадцать — тридцать человекъ по заводамъ, появлялись въ цехахъ только для того, чтобы произнести короткую зажигающую рѣчь, а сами быстро проникли въ различные рабочіе союзы и организациі, ведя открытую, вызывающую и смѣлую борьбу.

На заводахъ появились винтовки; организовалась запись въ красную гвардію; во время работъ тутъ-же на заводахъ производились оружейныя занятія и маршировки, руководимыя тѣми-же питерскими рабочими.

И когда, какъ-то осенью, Керенскій исчезъ — въ Екатеринославѣ съ поразительной быстротой и неожиданностью объявился Временный Революціонный Штабъ.

Занявъ большой особнякъ князя Урусова, Революціонный Штабъ, состоявшій изъ двухъ рабочихъ петроградской партіи, Каверина и Васильева, и одного рабочаго Брянскаго завода, Аверина, — сразу взялся за реквизиціи, аресты и разстрѣлы.

Отъ населенія вниманіе Штаба было случайно отвлечено, объявившимся въ одно время съ Революціоннымъ Штабомъ — Штабомъ анархистовъ. Потомъ выплылъ какой-то штабъ украинцевъ и все свелось къ тому, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами на улицахъ города происходили ружейныя и пулеметныя перестрѣлки: — то между Революціоннымъ Штабомъ рабочихъ и украинцами, то между анархистами и рабочими, а къ Рождеству вспыхнула общая свалка и по всему городу летали пули и трещали пулеметы...

Воспользовавшись общей свалкой, Махно, грабившій тогда только маленькіе уѣздные города, рѣшилъ побывать и въ «губерніи».

Подойдя къ пос. Амурь, Махно открылъ пулеметный огонь по желѣзнодорожной части города и, такъ какъ никто ничего не зналъ о новомъ участникѣ боя, то произошло замѣшательство и каждая сторона, участвовавшая въ бою, сократила свои боевыя дѣйствія.

Въ Революціонномъ Штабѣ рабочихъ было высказано предположеніе, что это на помощь рабочимъ Екатеринослава идутъ рабочіе Амурскаго и Нижне-Днѣпровска.

Когда Махновцы въ числѣ около трехсотъ человекъ вошли въ городъ и каждого встрѣчавшагося на улицѣ тутъ-же безъ всякихъ разспросовъ разстрѣливали, всѣ участники уличнаго боя попрятались.

И по городу весь день перваго января восемнадцатаго года разгуливали махновцы.

Ограбивъ крупнѣйшіе магазины Озернаго базара, махновцы подожгли зданія магазиновъ и вся привокзальная часть города озарилась яркимъ свѣтомъ пламени. Самъ Махно поставилъ посреди проспекта трехдюймовую пушку и въ упоръ

стрѣлялъ въ наиболѣе высокіе и красивые дома. Спѣшившій на поддержку дравшихся украинцевъ полковникъ Самокишъ, ворвался въ городъ со стороны Горяинова во главѣ около пятидесяти всадниковъ и большую часть махновцевъ перебилъ. Къ вечеру большевики, разобравшіеся въ боевой обстановкѣ, снова выступили и добили остатки Махновской шайки и отрядъ Самокиша.

Первое кровавое посѣщеніе Махно Екатеринослава прибавило къ общему числу жертвъ свыше трехсотъ труповъ...

Въ короткіе отъ боевыхъ столкновений перерывы, рабочій Аверинъ сорганизовалъ свой новый коммунистическій Совѣтъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ депутатовъ и, взявъ у украинцевъ штурмомъ домъ бывшій губернатора, загналъ туда пару десятковъ смущенныхъ и недоумѣвавшихъ депутатовъ-рабочихъ, выпустивъ тогда-же приказъ о полномъ подчиненіи Революціоннаго Штаба всѣмъ распоряженіямъ Совѣта.

Но анархисты не унимались; украинцы затаили чувство мести, и къ концу января снова вспыхнули уличные бои.

Оперировавшій тогда въ Харьковѣ Антоновъ, разстрѣлявшій тамъ же на седьмомъ пути харьковскаго вокзала губернатора Кошуру-Массальскаго, присылалъ Екатеринославу подкрѣпленія въ видѣ безработныхъ и вооруженныхъ рабочихъ и казалось, что вотъ Временный Революціонный Штабъ Аверина окончательно раздавить и анархистовъ, и украинцевъ. Но въ Екатеринославъ неизвѣстно какими путями изъ совершенно отрѣзаннаго Кіева прибылъ Центральный Исполнительный Комитетъ Украинскихъ Коммунистовъ, носившій сокращенное названіе «Цикука». Занявъ одну изъ большихъ залъ Англійскаго клуба, Цикука, состоявшая изъ трехъ рабочихъ, вооруженныхъ австрійскими ручными пулеметами, занялась примиреніемъ враждующихъ партій. Предсѣдатель Цикуки, Миронъ Трубный, заводскій конторщикъ, изъ Штаба Аверина велъ переговоры съ украинцами; изъ Штаба анархистовъ кто-то велъ мирные переговоры съ Штабомъ Аверина, а загнанные Аверинимъ въ Совѣтъ рабочіе уныло болтались по просторнымъ комнатамъ губернаторскаго дома, унося домой, отъ нечего дѣлать, попадавшіяся подъ руки мелкія вещи...

Лежавшій на полу большущій текинскій коверъ былъ миролюбиво разрѣзанъ на равныя части и каждый изъ депутатовъ отнесъ домой по куску ковра.

Но какъ-то въ апрѣлѣ, какъ разъ въ тотъ день, когда всѣ партіи пришли къ соглашенію и почти безоговорочно рѣшили подчиниться власти Совѣта, на Чечелевку, окраинную часть города, упалъ и разорвался шестидюймовый снарядъ.

По распоряженію Васьки Аверина всѣ заводскіе гудки тревожно загудѣли. Рабочимъ, состоявшимъ въ красно-гвардейскихъ ячейкахъ, были розданы винтовки, патроны и пара пулеметовъ.

Аверинъ произнесъ рѣчь о наступающихъ петлюровскихъ бандахъ, впереди которыхъ идутъ помѣщики и попы... Было надѣлено оружіемъ около шестисотъ человекъ.

Разбитые на нѣсколько отрядовъ рабочіе, красно-гвардейцы, заняли вокзальную часть города; прождавъ около часу, они рѣшили выйти навстрѣчу противнику и, оставивъ небольшой караулъ на вокзалѣ, вышли на версту за городъ, разбившись на небольшіе отряды. Продвинувшись глубже въ степь, они со страшной для нихъ неожиданностью съ трехъ сторонъ были засыпаны винтовочнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Никто изъ бывшихъ тамъ рабочихъ не вернулся въ городъ: легли всѣ.

Когда трескъ пулеметнаго и частаго оружейнаго огня донесся до города, всѣ Штабы исчезли. Аверинъ, Васильевъ и Каверинъ усѣлись въ автомобиль и бѣжали въ сторону Синельниково, а на разсвѣтѣ по центральной улицѣ города увѣренно и грузно шагали роты нѣмецкихъ солдатъ.

Къ утру въ помѣщеніи рабоче-крестьянскаго совѣта, какъ ни въ чемъ не бывало, работала нѣмецкая комендатура и по телеграфнымъ столбамъ нѣмецкіе солдаты спокойно проводили телефонные провода.

* * *

Никто ничего не понималъ.

Выяснилось, что сейчасъ городъ подъ властью Петлюры.

Къ обѣду перваго-же дня занятія города, въ саду игралъ нѣмецкій оркестръ военной музыки; по городу проѣхало нѣсколько платформъ съ трупами убитыхъ нѣмцами рабочихъ, захваченныхъ на вокзалѣ съ винтовками въ рукахъ.

И весь день безъ перерыва по мосту черезъ Днѣпръ, направляясь въ сторону Харькова, шли нѣмецкія войска.

А дня черезъ два появились въ городѣ какіе-то странные люди въ цвѣтныхъ широкихъ шароварахъ, яркихъ кафтанахъ, разговаривавшіе на ломанномъ русскомъ языкѣ, но дѣлавшіе видъ, что русскаго языка совершенно не понимаютъ.

На городъ нѣмцы наложили контрибуцію въ триста тысячъ рублей; созванная Дума контрибуцію разложила на населеніе.

Съ второго дня прихода нѣмецкихъ войскъ, начался сборъ военноплѣнныхъ нѣмцевъ, австрійцевъ и турокъ. Незначительное количество плѣнныхъ нѣмцевъ и турокъ, тысячи плѣнныхъ австрійцевъ, по два года проведенныхъ на заводахъ города и района, были переписаны, отправлены въ баню и частыми поѣздами въ теченіе трехъ дней, счастливые и довольные, уѣхали домой.

Отдѣльныя единицы изъ плѣнныхъ уклонились отъ возвращенія на родину, такъ какъ во время пребыванія въ городѣ различныхъ штабовъ занимали тамъ какіе-то посты и, производя реквизиціи и аресты, не забывали о черномъ днѣ и о «грядущей старости». Чувствуя возможность повторенія условій, при которыхъ снова смогутъ возникнуть Штабы, — эти плѣнные вмѣстѣ съ большевиками, застрявшими въ городѣ, ушли въ подполье, скрываясь и проживая подъ чужими документами.

Не успѣли мы порядкомъ познакомиться съ новой петлюровскою властью, какъ опять люди, пріѣхавшіе пароходомъ изъ Кіева, привезли намъ новую революцію и, кисло радуясь, поздравляли насъ съ новымъ покровителемъ гетманомъ Павло Скоропадскимъ. И тутъ-же показали манифестъ гетмана, въ которомъ онъ называлъ насъ «своимъ народомъ».

Въ городѣ все осталось по прежнему: тѣ-же нѣмецкія войска; та-же нѣмцами поставленная старая полиція; понемногу начали дымить заводскія трубы; отправился первый скорый поѣздъ на Кіевъ; потомъ пошелъ первый поѣздъ на Харьковъ и тогда только мы узнали, что Россія кончается за Харьковомъ — тамъ, — гдѣ начинается Бѣлгородъ...

Курскъ, Орель, Тула, Москва и Петербургъ остались за границей.

И столицей нашей сталъ Кіевъ.

Пока въ Кіевѣ Суозифъ (Соед. Укр. о-во заводчиковъ и фабрикантовъ) сокращалъ права Протофиса (Союзъ Пром., Торг., Фин., и Сельск. Хоз.), а Протофисъ пытался совсѣмъ уничтожить Суозифъ, украинское крестьянство, избиваемое помѣщиками и гетманскими приказными (нѣчто вродѣ полицейскихъ урядниковъ), потихоньку пускало скорый поѣздъ подъ откосъ или убивало нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ...

Потомъ, пробравшійся въ Кіевъ представитель красной Россіи, Раковскій ожесточенно торговался съ гетманскими министрами о границахъ; вель горячіе переговоры и споры о какомъ-то торговомъ и транзитномъ договорѣ между Украиной и красной Россіей, а тѣмъ временемъ, на украинской границѣ Дыбенко накоплялъ красныя части, а разсыпанныя по Украинѣ коммунистическія ячейки подстрекали крестьянъ и рабочихъ къ бунтамъ и возстаніямъ.

Вспыхнула революція въ Германіи. Подъ развалинами Вильгельмовскаго трона погибъ и гетманъ Скоропадскій. Появился снова Петлюра, но уже съ Директоріей.

Обезоруженные петлюровцами, опечаленные событіями на родинѣ, уныло пробирались съ Украины въ Германію остатки нѣмецкихъ войскъ.

И въ Екатеринославѣ опять появились анархисты; выползли изъ подполья большевики и, почью крадучись въ сторону Александровска, вышелъ изъ города начавшій формироваться восьмой офицерскій корпусъ.

Раковскій продолжалъ свой торгъ съ Петлюровскою Директоріей, а Дыбенко

по стопамъ откатывавшихся германскихъ войскъ вошелъ въ Харьковъ, занялъ Лозовую, придвинулся къ Синельниково и въ началѣ января уже девятнадцатаго года занялъ Екатеринославъ.

* * *

Послѣ пестрыхъ шароваръ петлюровскихъ «добродіівъ», умудрившихся изъ Воробьевыхъ стать Воробьями, а изъ Петровыхъ перекараситься въ Петренковыхъ; послѣ Цикуки съ одноглазымъ Мирономъ, по улицамъ города стройными рядами прошли русскіе люди, въ русскихъ шинеляхъ, съ русскими винтовками на плечахъ, громко и заливчато распѣвая «Соловья».

А впереди совѣтскихъ ротъ нормальнымъ пѣхотнымъ шагомъ шли наши русскіе поручики, капитаны, усталые и мрачные.

И тутъ-же на площади восторженный юноша, взобравшись на какую-то будку, сталъ произносить рѣчь, восхваляя непобѣдимую красную армію, пришедшую съ сѣвера на югъ освободить своихъ братьевъ, товарищей-рабочихъ.

Въ городъ съ войсками вошелъ главнокомандующій первой украинской красной арміей Дыбенко вмѣстѣ съ политическимъ комиссаромъ арміи Петровскимъ, впоследствии ставшимъ во главѣ Центрального Исполнительнаго Комитета Украины.

На устроенномъ въ Большомъ театрѣ митингѣ, Петровскій упрекалъ рабочихъ въ инертности и въ холодной встрѣчѣ, оказанной ими вошедшимъ въ городъ краснымъ войскамъ.

Рабочіе хмуро слушали Петровскаго и только зажигательная, чисто митинговая рѣчь Дыбенко нѣсколько подняла настроеніе рабочихъ, отчетливо помнившихъ послѣдніе дни власти Совѣта, когда Аверинъ послалъ рабочихъ на вокзалъ отбить банды петлюровцевъ, а самъ на автомобилѣ умчался въ противоположную сторону, подставивъ ничего не знавшихъ и довѣрившихся ему рабочихъ подъ четкій и косящій огонь нѣмецкихъ пулеметовъ.

Утромъ Дыбенко устроилъ парадъ войскамъ. Уныло плелись небольшія группы рабочихъ, неся красныя знамена, съ мертвыми, никого не волновавшими надписями: «вся власть совѣтамъ».

Когда-же рѣявшій надъ войсками красный аэропланъ при спускѣ перевернулся и пропеллеромъ сорвалъ головы у двухъ красныхъ кавалеристовъ, а самого летчика окровавленнаго и полуживого извлекли изъ подъ обломковъ аэроплана, всякій подъемъ окончательно пропалъ и рабочіе разбрелись на окраины, тихо что-то шепча о Божьемъ предзнаменованіи, о кровавой судьбѣ баламутящихъ жизнь коммунистовъ.

Появившіеся въ городѣ русскіе солдаты, старыя солдатскія пѣсни дали нѣсколько минутъ отдыха послѣ насильственной и принудительной украинизаціи, но когда къ утру изъ Москвы, черезъ Харьковъ, пріѣхалъ старый знакомый Васька Аверинъ въ городѣ стало жутко.

Съ первой-же минуты пріѣзда Аверина пошли аресты; въ тотъ-же день былъ созданъ прежній составъ Совѣта рабочихъ депутатовъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ Аверина, пробывшаго нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, отсутствовало его прежне разгильдяйство, исчезла грубость, виѣшняя некультурность, а чувствовалась какая-то планомѣрность въ проведеніи заранѣе составленнаго плана.

Въ теченіе двухъ недѣль Аверинъ, выступавшій какъ представитель Народнаго Комиссаріата Украины по внутреннимъ дѣламъ, создалъ всѣ учрежденія совѣтскаго аппарата, всюду давая руководящія указанія и самостоятельно назначая отвѣтственныхъ партійныхъ руководителей. Снова появился изъ подполья рабочій Шалахинъ, ставшій во главѣ отдѣла соціальной помощи; цеховой конторщикъ латышъ Квиригъ, впоследствии делегатъ въ Ригѣ при заключеніи мира съ Польшей, взялъ на себя веденіе Губернскаго отдѣла Совнархоза; извѣстный и нѣсколько разъ судившійся въ Окружномъ судѣ конокрадь цыганъ Николай Хавскій занялъ постъ завѣдывающаго

отдѣломъ Коммунальнаго хозяйства; латышь-слѣсарь Межлаукъ — опредѣлился на постъ комиссара Екатеринбургской желѣзной дороги; во главѣ военнаго губернскаго комиссаріата сталъ, пришедшій съ войсками, нѣкій Бергъ; политическимъ секретаремъ губерніи былъ назначенъ коммунистъ Эпштейнъ; во главѣ губернскаго отдѣла народнаго образованія сталъ капельдинеръ кинематографа въ Юзовкѣ безграмотный Карповскій, впоследствии смѣщенный студентомъ первокурсникомъ Митясовымъ; веденіе отдѣла народнаго здравоохраненія было поручено сыну проститутки Гурсину, а во главѣ Исполкома, какъ-то само по себѣ, на посту предсѣдателя остался Васька Аверинъ.

Тогда-же въ домѣ инженера Нѣпокойчицкаго послѣдней была организована Чека, предсѣдателемъ которой сталъ рабочій завода «Шодуарь» Валявка.

И государственный аппаратъ въ губернскомъ масштабѣ былъ налаженъ.

А къ веснѣ большевики все чаще стали устраивать митинги, проклиная царскаго генерала Деникина, холоповъ-казаковъ и призывая рабочихъ къ защитѣ Донецкаго бассейна.

Приѣхалъ въ Екатеринославъ Раковскій, доказывавшій на митингѣ рабочимъ, что Донбассъ является кочегаркой міровой революціи и что если пролетаріатъ потеряетъ Донбассъ, то погибнетъ и вся пролетарская революція.

Потомъ приѣхалъ Бубновъ — членъ Совѣта Оборонны Украины и до хрипоты призывалъ рабочихъ вступать въ ряды Красной Арміи.

Наконецъ приѣхалъ самъ Левъ Троцкій.

Та-же многотысячная толпа, съ восторгомъ встрѣчавшая въ пятнадцатомъ году Императора Николая II, выспала на улицы и молча встрѣтила краснаго диктатора.

Съ вокзала Троцкій направился въ Большой театръ, гдѣ уже съ ранняго утра набились тысячи рабочихъ.

Докладъ Троцкаго о положеніи Республикѣ продолжался четыре часа.

Проживавшая въ то время родная сестра Троцкаго, жена доктора Мейльмана, стремившаяся повидаться съ братомъ, не достигла цѣли, т. к. Троцкій не нашелъ свободной минуты, чтобы принять сестру.

На митингѣ Троцкій, заканчивая докладъ, объявилъ Екатеринославъ красной крѣпостью, и тогда всѣ облегченно вздохнули. Стало очевиднымъ, что Добровольцы приближаются и что избавленія отъ ежедневныхъ разстрѣловъ Валявки и отъ всей совѣтской власти осталось ждать недолго.

Уѣхалъ Троцкій и въ городъ въ спѣшномъ порядкѣ прибыла пѣхотная дивизія подъ командованіемъ капитана царской арміи Федотова, служившаго въ Красной арміи подъ украинской фамиліей Федько. Уѣхалъ и Дыбенко, передавъ командование всей I-ой Украинской Арміей Федько, ставшему Командармомъ.

Производились частые выѣзды штаба Федько за городъ; разставлялись въ разныхъ частяхъ города пушки; по ночамъ прорѣзали темноту, прощупывая небо, мутные лучи прожекторовъ.

Власть отъ Губернскаго Исполкома перешла цѣликомъ къ «Особой Тройкѣ по оборонѣ города отъ наступающихъ бандъ Деникина». Въ тройку вошли: Н. Хавскій, Ломовскій, бывший меньшевикъ, перешедшій къ коммунистамъ, и студентъ Бекъ.

Городъ былъ объявленъ на осадно-крѣпостномъ положеніи. Уже съ пяти часовъ вечера нельзя было не только появляться на улицахъ, но подъ угрозой разстрѣла запрещено было выглядывать съ балконовъ или изъ оконъ.

Ночами Валявка непрерывно и торопливо разстрѣливалъ содержавшихся въ Чека. Выпуская по десять-пятнадцать человекъ въ небольшой, спеціальнымъ заборомъ огороженный, дворъ, Валявка съ двумя-тремя товарищами выходилъ на середину двора и открывалъ стрѣльбу по этимъ совершенно беззащитнымъ людямъ. Крики ихъ разносились въ тихія майскія ночи по всему городу, а частые револьверные выстрѣлы умолкали только къ разсвѣту.

Опасаясь внезапнаго налета бѣлыхъ, Валявка рѣшилъ «вывести въ расходъ» всѣхъ, по его мнѣнію, контръ-революціонеровъ, и страшной тайной остались сотни

именъ тѣхъ людей, которыхъ озвѣрѣлый Валявка отправилъ на тотъ свѣтъ. Тамъ были и петлюровскіе офицеры, и офицеры бывшей царской арміи; случайно задержанные на улицѣ люди безъ документовъ; арестованные за контръ-революцію священники. И по какой-то кошмарной случайности удалось найти трупъ того самаго подполковника Бѣлоконя, который важно сопровождалъ манифестантовъ въ первые дни февральской революціи.

Когда поздно ночью грузовикъ отвозилъ на свалочное мѣсто за городъ первую партію разстрѣлянныхъ Валявкой труповъ, тѣло Бѣлоконя, лежавшее на верху кучи, отъ сильныхъ толчковъ и быстрого хода грузовика соскользнуло и упало на дорогу, а на разсвѣтѣ жители въ трупѣ узнали Бѣлоконя.

* * *

Въ городъ стали проникать слухи о томъ, что идетъ Генераль Деникинъ съ миллионной Добровольческой Арміей, тотъ самый Деникинъ, который не такъ давно отрѣзалъ правду-матушку военному министру Керенскому; что за Деникинымъ идетъ все казачество и нѣсколько корпусовъ чернокожихъ стрѣлковъ.

Упорно утверждали, что на Екатеринославскую губернію уже назначенъ губернаторъ и даже называли фамилію Щетинина.

По вечерамъ шептались о томъ, что Деникинъ, занимая городъ, отпускаетъ коммунистовъ на всѣ четыре стороны, что большинству не понравилось, но за то Деникинъ ведетъ за собой прекрасно сформированную и крѣпко сплоченную армію, вслѣдъ за которой идетъ законъ и право.

На угрюмыхъ лицахъ гражданъ все чаще появлялись загадочныя улыбки, и Тройка рѣшила проучить торжествующихъ контръ-революціонеровъ.

Въ одну ночь было арестовано свыше пятисотъ человѣкъ: судьи, купцы, учителя, общественные дѣятели, священники, фабриканты, врачи, адвокаты и вся эта масса была загнана въ трюмъ большой дряхлой баржи, стоявшей на якорѣ на Днѣпрѣ.

Это была выдумка Ломовскаго, который предполагалъ, въ случаѣ необходимости оставить спѣшно городъ, однимъ снарядомъ въ бражу помочь своему товарищу Валявкѣ — и сразу уничтожить пятьсотъ контръ-революціонныхъ элементовъ.

Остальное мужское населеніе, отъ пятнадцатилѣтнихъ юношей до семидесятипятилѣтнихъ старцевъ, было выгнано на окопныя работы верстъ четырнадцать за городъ на ст. Игрень.

Безъ лопатъ, безъ указаній, безъ хлѣба и воды проводили тысячи людей въ степи, съ затаенной радостью и волненіемъ ожидая прихода противника.

Опасаясь какой-либо сигнализациі, большевики, подъ угрозой разстрѣла, запретили церковный звонъ.

Такъ продолжалось около двухъ недѣль; были вырыты какія-то канавы, въ которыя никто не садился и, когда черезъ головы копавшихъ окопы большевики послали первый орудійный залпъ въ сторону предполагаемаго противника, настроеніе поднялось и всѣ были увѣрены въ томъ, что еще часъ, еще два и вотъ... вотъ покажутся освободители, борцы за право, борцы за законъ, борцы за Великую Россію...

* * *

Весь день одиннадцатаго іюня большевики обстрѣливали изъ орудій, разставленныхъ въ Потемкинскомъ паркѣ, участокъ расположенія ст. Игрень, намѣреваясь не пропустить по линіи добровольческіе броневики; но полковникъ Шифнеръ-Маркевичъ отвелъ свою конницу правѣе въ сторону Новомосковскаго шоссе, всю ночь на двѣнадцатое далъ лошадямъ и людямъ отдохнуть, а съ утра, продѣлавъ какіе-то маневры, показавшіеся большевикамъ отступательными, бѣшеннымъ налетомъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ, первый влетѣлъ на желѣзнодорожный черезъ Днѣпръ мостъ, увлекая за собой безудержную лавину разгоряченныхъ казаковъ.

Къ часу дня по городу, озираясь по сторонамъ, разъѣзжали казаки, мимо которыхъ съ страшной быстротой проносились автомобили съ убѣгавшими изъ города коммунистами. Последнимъ изъ города успѣлъ бѣжать губернской комиссаръ Бергъ.

А Шифнеръ-Маркевичъ съ сотней казаковъ помчался къ станціи Горяиново, чтобы отрѣзать большевикамъ путь отступления по желѣзной дорогѣ и, захвативъ тамъ два эшелона красноармейцевъ, вернулся въ городъ.

Слезы, восторженные крики радости, дикіе возгласы о мести большевикамъ, прибѣжавшіе и влившіеся въ толпу плѣнные съ баржи, случайно оставшіеся у Валявки въ живыхъ — всѣ высыпали на улицы, создавая небывалый подъемъ и неповторную радость.

Легкой рысью проносились по широкому проспекту сотни казаковъ; добродушныя улыбки кубанцевъ, загорѣлыя лица офицеровъ, часто мелькавшіе бѣленькіе георгиевскіе кресты и безконечный восторгъ, неимоверное счастье освобожденныхъ людей...

Никакихъ вопросовъ добровольцамъ никто не задавалъ и у всѣхъ была въ душѣ одна скрытая молитва, а въ мозгу одна опасливая мысль: «только-бы устояли... только бы не откатились, только бы не отошли... только бы довели свое святое и великое дѣло до счастливаго конца...»

Въ тотъ-же день къ вечеру, когда по проспекту тянулись тачанки съ пулеметами и обозы, по городу былъ расклеенъ приказъ коменданта о присоединеніи Екатеринославской губерніи къ территоріи Добровольческой Арміи, о восстановленіи полностью права собственности и о введеніи въ дѣйствіе всѣхъ прежнихъ законовъ Россійской Имперіи и о смертной казни на мѣстѣ за бандитизмъ.

Но на утро другого-же дня восторженность смѣнилась досадливымъ недоумѣніемъ... Вся богатѣйшая торговая часть города, всѣ лучшіе магазины были разграблены; тротуары были засыпаны осколками стекла разбитыхъ магазинныхъ оконъ; желѣзныя шторы носили слѣды ломовъ, а по улицамъ конно и пѣше бродили казаки, таща на плечахъ мѣшки, наполненные всякими товарами...

Мануфактура, консервы, бутылки вина, обувь, коробки мыла, туалетныя зеркала, галстуки, все это не забранное и испорченное валялось тутъ-же на тротуарахъ, создавая полную картину настоящаго погрома...

Вышедшіе съ утра на улицу люди поспѣшили обратно по домамъ и весь день по городу бродили темные люди, водившіе за собой кучки казаковъ и указывавшіе имъ наиболѣе богатые магазины.

Грабежъ шелъ во всю...

Къ обѣду разнеслась вѣсть о пріѣздѣ генерала Шкуро и улицы снова наполнились толпой.

Увидѣвъ молодого генерала, идущаго впереди безконечной ленты конныхъ войскъ, толпа забыла печаль прошлой ночи...

Приливъ твердой вѣры и новыя надежды охватили изстрадавшихся людей.

Генерала забрасывали цвѣтами; молодыя и старыя женщины, крестясь и плача, цѣловали стремяна принесшаго освобожденіе генерала.

И впервые послѣ трехнедѣльнаго молчанія зазвонили церковныя колокола...

Шкуро, устало покачиваясь въ сѣдлѣ, смущенно улыбался; къ его простому, загорѣлому лицу какъ-то не шли ярко-красныя генеральскіе лацканы и еще вчера никому неизвѣстная фамилія Шкуро сегодня стала ореоломъ освобожденія и надеждой на восстановленіе Родины...

А вечеромъ, когда счастливая и утомленная толпа разбрелась по домамъ, на улицахъ опять появились кучки казаковъ, принявшіеся за продолженіе погрома и грабежа еще сохранившихся магазиновъ.

* * *

Въ гостинницѣ «Франція» расположилась прїѣхавшая вслѣдъ за Шкуро добровольческая контръ-развѣдка.

И началось хватаніе людей на улицахъ, въ вагонахъ трамваевъ, въ учрежденіяхъ... Арестовывали по самымъ безсмысленнымъ доносамъ; загоняли въ одну общую большую комнату и держали по нѣсколько дней безъ допроса и даже безъ какой либо записи.

Въ контръ-развѣдкѣ объявился въ качествѣ отвѣтственнаго агента заподозрѣнный въ провокаціи приставъ Борисъ Красовскій.

Когда арестовали нѣсколько видныхъ въ городѣ присяжныхъ повѣренныхъ и одного товарища прокурора окружнаго суда только на томъ основаніи, что какая то баба узнала ихъ на улицѣ и сказала казаку, что они при большевикахъ въ какомъ то учрежденіи въ чемъ-то ей отказали, тогда общественные круги зашевелились.

Продолжавшіеся непрерывно грабежи, совершенно произвольные аресты заставили видныхъ въ городѣ лицъ обратиться лично къ генералу Шкуро съ просьбой принять мѣры къ устраненію этихъ явленій, такъ омрачающихъ велико-радостные дни ...

Генераль, улыбаясь, сперва остановился на томъ, что грабятъ не его казаки, а казаки группы генерала Ирманова, но увидѣвъ недоумѣвающія и удивленные лица стоявшихъ предъ нимъ общественныхъ дѣятелей, находчиво и убѣдительно, какъ бы не безъ основаній, сказалъ:

— «Господа! о такихъ вещахъ сейчасъ еще не время говорить... Екатеринославъ еще фронтъ и если намъ придется на нѣкоторое время измѣнить линію нашего фронта, то вы можете снова очутиться въ районѣ большевистскаго фронта... Этого, господа, забывать не слѣдуетъ!..»

Линія фронта не измѣнялась, а грабежи росли и перенеслись на частныя квартиры. По ночамъ раздавались отчаянные крики подвергавшихся ограбленіямъ.

Отправилась делегация къ генералу Ирманову, и старый вояка, сидя засыпавшій въ креслѣ во время докладовъ своего адъютанта, сослался на свою въ этомъ дѣлѣ беспомощность, отмѣчая, что борьба съ уголовными преступниками не входитъ въ его чисто военныя обязанности, а лежитъ на обязанности полицейскихъ властей.

Когда-же генералу было указано на то, что грабителями и уголовными преступниками являются казаки подчиненныхъ ему-же частей, — онъ удивленно, старчески-дряхлымъ голосомъ, произнесъ:

«Да неужели?... Вотъ каналы!...» и по его лицу скользнула счастливая отеческая улыбка...

Тѣмъ временемъ въ городъ прїѣхалъ губернаторъ Щетининъ, тотъ самый, о которомъ тихо шептались еще въ дни пребыванія въ Екатеринославѣ большевиковъ.

Къ частымъ дневнымъ и ночнымъ грабегамъ прибавилось еще колоссальное пьянство; казаки случайно открыли мѣстонахожденіе двухъ огромнѣйшихъ складовъ вина Мизко и Шлапаковыхъ.

И круглыя сутки весь гарнизонъ тащилъ изъ погребовъ вино въ бутылкахъ, ведрахъ, напиваясь до полной потери сознанія.

Большевики, не такъ далеко отогнанные отъ города и имѣвшіе много своихъ людей въ городѣ, получивъ свѣдѣнія о повальномъ пьянствѣ, съ двухъ сторонъ повели наступленіе на городъ. Со стороны Пятихатки Федько двинулъ свои пѣхотныя части и бронированный пароходъ, давшій изъ дальнобойныхъ орудій нѣсколько выстрѣловъ по городу, а со стороны городскихъ дачъ подошли къ самому городу собравшіеся красноармейцы, спрятавшіеся отъ казаковъ въ лѣсахъ.

Поднялась невообразимая паника... Пьяные казаки дико летали по городу, нанося удары саблями рѣдкимъ прохожимъ, случайно встрѣчавшимся имъ на пути...

Губернаторъ Щетининъ первый на автомобилѣ изъ города бѣжалъ и только случайно имѣвшій трезвыхъ людей молодой полковникъ Растягаевъ бросился на большевистскую пѣхоту, уже добравшуюся до рабочихъ кварталовъ города...

На желѣзнодорожный мостъ было поставлено одно орудіе, почти въ упоръ бившее по подошедшему къ городу бронированному пароходу.

Въ самомъ городѣ и на окраинахъ были пойманы большевистскіе комиссары: здравоохраненія Гурсинъ, секретарь губернскаго партійнаго комитета Эпштейнъ, — со свѣже оторванной снарядомъ ногой, и командирь 59-го желѣзнодорожнаго совѣтскаго полка, капитанъ царской арміи, Труновъ.

Этихъ трехъ пойманныхъ доставили въ Комендатуру и комендантъ города, молодой есаулъ, отдалъ приказъ: «всѣхъ трехъ тутъ-же и сейчасъ-же повѣсить!»

На бульварѣ, противъ гостиницы «Асторія», среди движущейся оживленной толпы, казаки поставили приговоренныхъ и за отсутствіемъ веревокъ сорвали съ бульварной ограды нѣсколько кусковъ толстой проволоки и закинули на суки деревьевъ три петли.

Блѣдный Гурсинъ первый надѣлъ на себя петлю; одинъ изъ казаковъ ударилъ его по ногамъ и онъ соскользнулъ съ невысокаго столбика, тяжело опустившись книзу... Что-то глухо хрустнуло...

Эпштейнъ, прыгая на одной ногѣ, оставляя послѣ себя слѣды капавшей съ оторванной ноги крови, добравшись до дерева, зашатался, взмахнулъ руками и, что-то прохрипѣвъ, замертво упалъ. Онъ правильно рассчиталъ время, принявъ дозу яда; но казаки, матерно ругаясь, спокойно подняли трупъ съ земли и просунувъ мертвую голову въ петлю, сильно за ноги потянули къ землѣ охладѣвшее тѣло...

Труновъ безъ тужурки въ одной нижней не свѣжей рубашкѣ большими шагами ходилъ въ тѣсномъ кругу обступившихъ его казаковъ.

Когда тѣло Эпштейна безмятежно повисло въ проволочной петлѣ, Труновъ поднялъ руку и, взведя глаза къ небу, хотѣлъ перекреститься... Но крѣпкій ударъ стоявшаго вблизи казака отвелъ руку Трунова.

«Собака — собачья смерть!» злобно проговорилъ казакъ и Труновъ, не посмотрѣвъ на казака, спокойно влѣзъ головой въ проволочную петлю...

Улица опустѣла...

Только къ вечеру изъ подворотенъ стали выглядывать любопытные.

Трупы висѣли цѣлую ночь и только къ полудню другого дня казаки стали ловить на улицѣ бородатыхъ евреевъ, заставляя ихъ снять съ петли висѣвшіе трупы.

А спустя день на Троицкомъ базарѣ какая-то баба указала казакамъ на какихъ-то трехъ простыхъ людей, будто что-то у нея во время большевиковъ реквизировавшихъ и казаки сейчасъ-же вынесли всѣмъ тремъ смертный приговоръ.

Тутъ-же на перекладинахъ навѣса были заброшены три петли и совершенно растерявшимся и ничего въ тѣ минуты не понимавшимъ людямъ было предложено: либо въ петлю, либо быть зарубленными шашкой...

Ни нечеловѣчскій ревъ, поднятый бабами и всѣмъ базаромъ, ни клятвы попавшихъ въ несчастіе людей о ихъ невинности ни къ чему не привели и когда однимъ размахомъ саблей голова одного изъ несчастныхъ покатила по мостовой, забрызгавъ вблизи стоявшихъ горячей кровью, оставшіеся два, перекрестившись, покорно полѣзли въ петлю...

Трупы висѣли два дня, а изрубленный саблей былъ во многихъ мѣстахъ обкусанъ крысами...

Только на третій день подѣхала телѣга и куда-то трупы увезла.

Повѣщенные оказались жителями загородной слободки, никогда «ни въ чемъ дурномъ не замѣченные» и занимавшіеся штукатурными работами...

* * *

Городъ, являвшійся центромъ одной изъ богатѣйшихъ русскихъ губерній, былъ въ полномъ распоряженіи пьянствовавшихъ казаковъ; грабежи не прекращались.

Донцы и кубанцы гнали разрозненные и растаявшія части красныхъ уже за Харьковъ, а въ Екатеринославѣ творилось нѣчто кошмарное.

Губернаторъ Щетининъ взялся за организацію власти въ губерніи и въ уѣздѣ. Назначивъ начальникомъ уѣзда молодого полковника-строевика, георгіевскаго

кавалера, Степанова, Щетининъ сталъ совѣщаться съ правыми силами города о составѣ думы и назначилъ въ Городскую Управу членами — кадетовъ. Городскимъ Головой былъ назначенъ присяжный повѣренный Коростовцевъ; членами были назначены юристы — Слободской, Овсянниковъ и Воронинъ.

Но дѣятельность Управы тормозилась отсутствіемъ какихъ бы то ни было средствъ.

По продовольствію Щетининъ назначилъ какого-то Главно-уполномоченнаго по продовольствію молодого, очень легко смущавшагося, инженера. Онъ, по указаніямъ Щетинина, на все наложилъ запретъ, принявъ цѣликомъ на себя снабженіе города всѣмъ необходимымъ.

Кончилось дѣло это крахомъ. Цѣны на продукты стали стремительно повышаться.

Сдѣланныя на первыхъ дняхъ своего пріѣзда обѣщанія представителямъ рабочихъ организацій въ смыслѣ льготнаго и полнаго снабженія ихъ продовольствіемъ, — Щетининъ не выполнилъ и рабочіе заволновались.

А грабежи, пьянство и разгуль въ городѣ не унимались... Были случаи насилія.

Только ко дню пріѣзда въ Екатеринославъ Главнокомандующаго генерала Деникина грабежи и насилія нѣсколько утихли.

На обѣдъ, устроенный Городской Управой въ складчину, было приглашено около двухсотъ лицъ, представителей различныхъ общественныхъ организацій и казенныхъ учреждений.

Шли рѣчи, тосты; балагурилъ и прерывалъ ораторовъ генераль Шкуро. Послѣ рѣчи представителя украинскихъ организацій, что-то на украинскомъ языкѣ лепетавшаго о «самостійной» и «ще не вмершей», Генераль Деникинъ всталъ и взволнованно, стукнувъ по столу, рѣзко произнесъ:

«Ваша ставка на самостійную Украину бита... Да здравствуетъ Единая и Недѣлимая Россія!... Ура!»

Дружно крикнули ура.

Когда очередь дошла до представителя промышленниковъ, вскочилъ генераль Шкуро и съ возгласами «разговорчиковъ довольно», «довольно разговорчиковъ»... не далъ оратору начать рѣчь....

«Приглашаю Васъ, господа, прослушать концертное отдѣленіе!» крикливо произнесъ генераль Шкуро, и всѣ повернулись къ эстрадѣ, гдѣ какой-то актеръ рассказывалъ нудные и пошлые восточные анекдоты...

Обѣдъ прошелъ вяло, нудно и скучно...

* * *

Не было почвы подъ ногами...

Контръ-развѣдка развивала свою дѣятельность до безграничнаго, дикаго произвола; тюрьмы были переполнены арестованными, а осѣвшіе въ городѣ казаки открыто продолжали грабежъ.

Организованная Щетининымъ государственная стража не рѣшалась вступить въ бой съ казаками, а безъ боя ничего нельзя была предпринять, ибо казаки шли на грабежъ въ полномъ вооруженіи.

Потихоньку вечерами грабили и какіе-то офицеры.

Вопли газетъ сдѣлали лишь то, что губернаторъ Щетининъ вызвалъ къ себѣ трехъ редакторовъ мѣстныхъ газетъ и предложилъ имъ всѣ замѣтки о грабежахъ, появлявшіяся обильно въ хроникѣ, помѣщать безъ указанія, что грабежъ произведенъ казаками.

Послѣ возраженій и споровъ пришли къ соглашенію въ томъ смыслѣ, что въ каждомъ случаѣ ограбленія, производимаго казаками, въ замѣткахъ будетъ указываться, что грабежъ былъ произведенъ людьми, одѣтыми въ военную форму.

За все время пребыванія Щетинина на посту губернатора это было единственнымъ его мѣропріятіемъ по борьбѣ съ грабежами, хотя и очевидно было, что въ этой борьбѣ онъ былъ совершенно безсиленъ и одинокъ.

Государственная-же стража часто выѣзжала въ ближайшія села, вылавливала дезертировъ и не являвшихся на объявленную добровольцами мобилизацію.

Какъ-то вернулся изъ уѣзда начальникъ уѣзда полковникъ Степановъ и, рассказывая журналистамъ о своей работѣ въ уѣздѣ, отрывисто бросилъ:

«Шестерыхъ повѣсилъ...»

Результаты быстро и катастрофически дали себя почувствовать. Негодование среди крестьянъ росло съ неопишуемой быстротой.

Освагъ, получавшій сводки изъ уѣздовъ, располагалъ страшнымъ матеріаломъ, открыто показывавшимъ полную гибель всѣхъ начинаній Добровольческой арміи.

Но въ самомъ Освагѣ сидѣли чиновники, спокойно подшивавшіе бумажки къ дѣлу... Ни стоявшій во главѣ Освага полковникъ Островскій, ни завѣдывавшій какимъ-то общественнымъ отдѣломъ полковникъ Авчинниковъ — совершенно не понимали значенія попадавшихъ къ нимъ въ руки донесеній, рапортовъ и докладовъ, написанныхъ въ уѣздахъ сухимъ полицейскимъ языкомъ...

Главное ихъ вниманіе обращалось на изданіе какихъ-то разжигających національную ненависть брошюръ и безграмотныхъ, бездарныхъ писемъ красноармейцу.

Объявленная Добровольческой арміей мобилизація провалилась. Крестьяне, подлежашіе мобилизаціи, скрываясь отъ карательныхъ отрядовъ Государственной стражи, съ оружіемъ въ рукахъ уходили въ лѣса.

Стали организовываться внушительныя по численности и по вооруженію шайки «зеленыхъ». Участились случаи крушенія поѣздовъ, подготовлявшіеся съ грабительскими и мстительными цѣлями; все чаще и ожесточеннѣе въ деревняхъ уничтожалось начальство, олицетворявшее собой власть Добровольческой Арміи...

На поверхность жизни стали выплывать въ деревнѣ петлюровскія теченія, быстро склонившіяся къ анархистскимъ лозунгамъ Махно, принимавшаго въ свой станъ всѣхъ, готовыхъ на открытую борьбу противъ Добровольческой Арміи, какъ власти, вѣщающей крестьянъ, и противъ всякой власти, вмѣшивающейся въ жизнь крестьянства вообще.

Быстрые кони унесли казаковъ подъ самый Орель, а на Украинѣ нарастало грозное негодование, угрожавшее каждую минуту разразиться страшнымъ всеуничтожающимъ движеніемъ.

Въ городѣ контръ-развѣдка ввела кошмарную систему «выведенія въ расходъ» тѣхъ лицъ, которыя почему либо ей не нравились, но противъ которыхъ совершенно не было никакого обвинительнаго матеріала.

Эти лица исчезали и, когда трупы ихъ попадали къ родственникамъ или инымъ близкимъ людямъ, контръ-развѣдка, за которой числился убитый, давала стереотипный отвѣтъ:

«Убить при попыткѣ къ бѣгству...»

И потомъ каждый день редакціи получали изъ контръ-развѣдки замѣтки о томъ, что-де вчера вечеромъ при попыткѣ бѣжать убитъ конвоемъ такой-то.

Это явленіе вошло въ добровольческій бытъ.

Когда въ редакцію была прислана замѣтка о разстрѣлѣ при попыткѣ къ бѣгству нѣкогого Арьева, узнавшій объ этомъ общественный дѣятель, старый профессоръ хирургъ Должанскій, возмущенный, отправился въ контръ-развѣдку, ибо Арьевъ старый больной человекъ только въ томъ могъ быть виновнымъ, что всю голодную и бѣдную жизнь только мечталъ о Палестинѣ и ужъ меньше всего былъ способенъ на бѣгство изъ подъ конвоя.

Профессоръ только произнесъ фамилію Арьева, какъ ему сейчасъ-же бросили:

«Да вѣдь онъ-же жидъ!» И этимъ отвѣтомъ объясненія были исчерпаны.

Жаловаться было некому. Губернаторъ Щетининъ вмѣстѣ съ Начальникомъ уѣзда Степановымъ, забравъ изъ города всю Государственную стражу, поѣхалъ на охоту за живыми людьми въ лѣса Павлоградскаго уѣзда... Захваченный Щетининымъ журналистъ изъ казеннаго «Екатеринославскаго Вѣстника» писалъ большія

статьи о тайнах лѣсовъ, а губернаторъ со стражей сгонялъ на опушку лѣса сотни крестьянъ, бѣжавшихъ отъ мобилизацій, и косилъ ихъ пулеметнымъ огнемъ.

Развилъ дѣятельность Махно; собравъ свыше трехъ тысячъ крестьянъ, онъ останавливалъ и грабилъ поѣзда; разстрѣливалъ всѣхъ носившихъ офицерскіе погоны; у нижнихъ чиновъ забиралъ оружіе и обмундированіе; пассажировъ сортировалъ и грабилъ по внѣшнему виду, и вся дорога отъ Александровска до Екатеринослава была фактически въ рукахъ Махно...

При всемѣрной поддержкѣ крестьянъ Махно всегда и вездѣ могъ твердо рассчитывать на укрывательство, на провіантъ, на лошадей и даже на помощь боеспособными людьми.

И губернаторъ Щетининъ объявилъ войну и открылъ въ своей губерніи фронтъ военныхъ дѣйствій противъ Махно, имѣя что-то двѣ-три пушки и около сотни конныхъ стражниковъ, совершенно упустивъ изъ виду, что война идетъ не съ Махно, а со всѣмъ крестьянствомъ всей губерніи.

Махно осмѣлѣлъ и съ каждымъ днемъ становился наглѣе.

Обладая исключительной способностью легкаго и быстрого передвиженія, имѣя провіантъ въ любомъ селѣ, а пулеметы, войска и патроны на тачанкахъ, Махно въ теченіе одного дня совершалъ нападенія въ различныхъ концахъ уѣзда, нерѣдко отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи шестидесяти-семидесяти верстъ.

И въ то время, когда Добровольческая Армія откатывалась подъ натискомъ Буденнаго и была еще далеко отъ Харьковской губерніи, Екатеринославская губернія какъ территорія для Добровольческой арміи уже не существовала и во всѣхъ направленіяхъ была въ полной власти Махно.

Екатеринославъ былъ въ кольцѣ.

Особыя партизанскія хитрости, заставившія какъ-то генерала Шкуро признать Махно человѣкомъ не лишеннымъ способности создавать ловкія стратегическія комбинаціи, приводили въ ярость злополучнаго губернатора, и его крѣпко сжатые кулаки, рассчитывавшіе ударить по самой головѣ Махно, — всегда опускались на пустое мѣсто, такъ какъ въ эту минуту Махно уже грабилъ военно-продовольственный поѣздъ ровно въ тридцати верстахъ отъ поля битвы губернатора.

Отрѣзанный отъ всего, губернской городъ сталъ испытывать продовольственныя и финансовыя затрудненія... Рабочіе, видя охоту Щетинина за живыми людьми, стали открыто и угрожающе возмущаться...

Поступавшія крайне неаккуратно официальные сводки плохо скрывали катастрофическое отступленіе Добровольческой арміи и, когда совершенно неожиданно раздался истерическій вопль генерала Май-Маевского къ населенію Харькова о защитѣ города отъ надвигающейся красной грозы, Махно ворвался на нѣсколько часовъ въ Екатеринославъ, убилъ нѣсколько чиновниковъ и офицеровъ, вывезъ брошенные Щетининымъ пушки, забралъ пулеметы, патроны и обмундированіе и оставилъ городъ, уйдя въ неизвѣстномъ направленіи...

Около двухъ дней городъ былъ безъ всякой власти, а потомъ показался полковникъ Степановъ, высунули носы служащіе Освага, вернулся въ городъ Щетининъ со «штабомъ», но спокойствіе было окончательно поколеблено.

А четырнадцатаго октября Махно, подойдя съ трехъ сторонъ вплотную къ городу, открылъ изъ шести орудій пальбу, оставивъ для остатковъ Добровольческой и Щетининской арміи одинъ выходъ черезъ желѣзнодорожный мостъ на Синельниково.

Здоровые молодые люди въ офицерскихъ мундирахъ, съ погонами и съ винтовками въ рукахъ, бѣжали впереди, а позади тысячной толпой шли женщины, дѣти и старики, спѣша къ мосту, спасаясь отъ могущаго каждую секунду ворваться въ городъ Махно.

Пошатываясь, кутаясь въ одѣяла, плелись большие тифозные офицеры и казаки...

А къ вечеру съ трехъ сторонъ по широкимъ улицамъ города стала вливаться повстанческая Махновская армія.

* * *

Ночью Махно взорвалъ, совершенно сбросивъ въ воду, двѣ фермы желѣзнодорожнаго моста. Окруживъ городъ съ трехъ сторонъ кольцомъ пулеметовъ, а съ четвертой стороны имѣя естественную защиту — широкій Днѣпръ, Махно спокойно расположился въ «губерніи», изрѣдка посылая остановившимся на противоположномъ берегу добровольческимъ остаткамъ звучный привѣтъ изъ батареи шестидюймовыхъ орудій.

Въ ту-же ночь махновцы открыли ворота тюрьмы и арестантскихъ ротъ. А утромъ Махновцы, обливъ тюремныя зданія керосиномъ, поднесли горящія факелы и весь день до поздней ночи огненные языки тянулись къ небу, вырисовывая какія-то причудливыя формы и навѣвая жуткіе сказки средневѣковья...

Совершенно изолированнымъ городъ прожилъ ровно шесть недѣль. Возможность получить какія бы то ни было свѣдѣнія извнѣ являлась фантастической мыслью, и глухими осенними вечерами въ полуосвѣщенныхъ и холодныхъ домахъ сидѣли десятки тысячъ людей и напряженно прислушивались къ непрерывной стрѣльбѣ дежурныхъ пулеметовъ, охранявшихъ Днѣпръ отъ переправы бѣлыхъ.

Иногда ночью разгулявшійся Махно открывалъ по правому берегу Днѣпра артиллерійскій огонь и тогда въ ужасѣ и неописуемомъ страхѣ, раздѣтые люди, матери, хватавшія изъ кроватокъ спящихъ дѣтей, падая и разбиваясь на темныхъ лѣстницахъ, устремлялись въ погреба, такъ какъ добровольцы тотчасъ-же отвѣчали, посылая въ темноту въ густо застроенный городъ десятки шестидюймовыхъ снарядовъ, многимъ принесшихъ неожиданную и страшную смерть.

Эта пальба по городу вызывала только проклятья на жалкіе остатки деникинцевъ, которые не могли не понимать, что стрѣляя темной ночью по городу, они никакого вреда своему противнику Махно не принесутъ, и въ то-же время должны были знать, что эти снаряды падаютъ на дома, влетаютъ въ квартиры, разрывая цѣлыя семьи на мелкіе куски.

Открывавшаяся ночью съ пьяной шутки Махно орудійная перестрѣлка продолжалась безъ перерыва да утра, а тогда уже огонь съ обѣихъ сторонъ развивался до максимальной силы.

Такъ въ неустанномъ артиллерійскомъ поединкѣ прошла первая недѣля пребыванія Махно въ городѣ.

Выпущенный Махно манифестъ къ населенію призывалъ всѣхъ къ сохраненію спокойствія, сдачѣ оружія и выдачѣ скрывшихся въ городѣ деникинскихъ офицеровъ.

Жизнь была веселая: круглыя сутки пулеметы, расположенные по берегу рѣки, неумолчно трещали; частенько противники обмѣнивались шестидюймовыми снарядами и какъ бы подъ аккомпаниментъ этой смертоносной музыки махновцы обходили квартиры чиновниковъ и военныхъ, убивая случайно попадавшихъ тамъ хозяевъ и вынося изъ квартиръ все, что вынести можно было.

Члена окружнаго суда Волгина къ приходу махновцевъ бывшаго въ форменной тужуркѣ съ металлическими пуговицами — вышвырнули изъ окна четвертаго этажа на тротуаръ.

Случайно застигнутая у моста женщина съ дѣвочкой, оказавшаяся женой какого-то не мѣстнаго профессора, успѣвшаго уйти съ добровольцами, была отправлена въ махновскую контръ-развѣдку, и когда Левка Задовъ, начальникъ контръ-развѣдки, услышалъ, что мужъ ее тамъ, на той сторонѣ, онъ сразу въ упоръ пальнулъ изъ тяжелаго ногана. Не зная, какъ поступить съ рыдавшей надъ трупомъ матери ребенкомъ, Задовъ произвелъ еще одинъ выстрѣлъ и у трупа матери калачикомъ на вѣки свернулся, секунду тому назадъ плакавшій, ребенокъ.

А добровольцы съ лѣваго берега посылали смертоносные снаряды, разрушая дома и убивая ни въ чемъ предъ ними неповинныхъ мирныхъ людей.

Шесть недѣль прошли въ неослабномъ напряженіи... Выходившіе поочереды къ подворотнямъ какъ-то замѣтили какое-то странное движеніе по городу махновскихъ тачанокъ, а какъ-то къ вечеру длинной цѣпью потянулись тачанки изъ города въ сторону Никопольскаго шоссе.

Ночью монотонную трескотню дежурных пулеметов прервал орудейный залп, раздавшийся не съ лѣваго берега Днѣпра, а съ запада. Пулеметы на минуту умолкли... Потомъ раздался второй ударъ и тогда Махно изъ всѣхъ бывшихъ у него двѣнадцати орудій открылъ непрерывный огонь, стрѣляя по всѣмъ направлѣнїямъ, оставляя свободной отъ обстрѣла нужную ему дорогу на Никополь.

Можно было въ этомъ страшномъ грохотѣ различить, что на залпы Махно никто не отвѣчалъ... И только спустя полчаса заговорили пушки добровольцевъ...

Къ утру Махно сталъ спѣшно гнать изъ города тачанки съ забранными въ двухъ ломбардахъ мѣхами, коврами... Торопливо вывозились патроны, продовольствїе, и часовъ въ десять утра въ Озерной части города раздалась оружейная и пулеметная стрѣльба.

Пушки были сняты и галопомъ увезены; рѣдкая цѣпь самыхъ преданныхъ Махно людей сдерживала натискъ неизвѣстнаго противника и когда силы ослабѣли, Махновцы вскочили на поджидавшихъ ихъ коней и бѣшено помчались изъ города.

Послѣднимъ ушелъ Махно и минутъ десять спустя по той самой Садовой улицѣ, по которой, оставляя городъ, съ трудомъ сдерживая горячаго коня, спокойно проѣхалъ Махно, показались верховые съ офицерскими погонями на плечахъ...

Потомъ показались тачанки съ пулеметами, надъ которыми развѣвались трехцвѣтные флаги...

* * *

Стремясь соединиться съ отступавшими на Крымъ добровольческими частями, генералъ Слащевъ въ Екатеринославѣ наткнулся на Махно и, послѣ короткаго боя, очистилъ и занялъ городъ.

Въ тотъ-же день съ пѣснями вернулись въ городъ герои, просидѣвшїе шесть недѣль на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Торжества не было...

Истрадавшееся населенїе ничего хорошаго не ждало отъ пришедшихъ избавителей и смутныя предчувствїя оправдались.

Небольшія, гдѣ-то и кѣмъ-то потрепанныя части генерала Слащева, состоявшія изъ ингушей и чеченцевъ, принялись за продолженїе славнаго дѣла своихъ предшественниковъ и пошли съ грабежомъ по квартирамъ.

Кровью заливалось лицо отъ боли и стыда, когда въ квартиры входили люди съ офицерскими погонями на плечахъ и также нагло, открыто и беззастѣнчиво грабили, какъ грабили дикїе ингуши и чеченцы.

О судьбѣ Добровольческой арміи какъ цѣлаго никто ничего не зналъ.

Слащевъ даже не въѣхалъ въ городъ, а остался со своимъ Штабомъ въ вагонахъ на вокзалѣ.

Попутно съ грабежами слащевцы стали извлекать изъ больницъ оставленныхъ махновцами тифозныхъ больныхъ и развѣшивали ихъ на оголенныхъ осенью деревьяхъ.

Когда случайно застрявшїй въ городѣ членъ управы Овсянниковъ направился въ Штабъ къ Слащеву съ намѣренїемъ просить его приказа о прекращенїи этого варварства, ибо о грабежахъ уже не было и рѣчи, т. к. они получили права гражданства и вошли въ бытъ, генералъ Слащевъ Овсянникова не принялъ только потому, что, какъ откровенно сознался одинъ изъ штабныхъ офицеровъ, генералъ пятый день не переставая ѣсть и совершенно одурѣлъ.

Спустя недѣлю появились приказы Слащева, буква въ букву повторявшїе приказы Махно: та-же сдача оружія и то-же предложенїе выдавать махновцевъ, а за невыдачу — разстрѣль.

Была даже объявлена Слащевымъ мобилизація, вызывавшая только горькія усмѣшки, глубоко почувствовавшихъ себя несчастными, русскихъ людей.

Опредѣленно говорили о полной гибели Добровольческой арміи, а призывъ Слащева къ населенїю уйти вмѣстѣ съ нимъ отъ приближавшагося краснаго ужаса, открылъ глаза на все, происходившее кругомъ.

Добровольческая армія погибла. Кое-какъ отбиваясь, остатки бѣжали на Ростовъ и на Крымъ.

Но очень немногіе ушли съ Слащевымъ, ибо тѣ, которые могли и хотѣли уйти, бѣжали еще при первомъ оставленіи города Щетининымъ.

А самъ Слащевъ ушелъ изъ города семнадцатаго декабря, за два дня до вступленія красныхъ войскъ.

Оставивъ на деревьяхъ нѣсколько повѣшенныхъ тифозныхъ махновцевъ и глубокую скорбь въ сердцахъ русскихъ людей, волею судьбы онъ перелисталъ предъ нами послѣднюю страницу кошмарной и жуткой повѣсти такъ мученически-свято вставшей и такъ позорно павшей Русской Добровольческой Арміи...

* * *

Какъ-то неожиданно и поразительно быстро подошло Рождество Христово въ девятнадцатомъ году. Казалось, только недавно мы узнали объ отреченіи Государя, о Временномъ Правительствѣ, и сейчасъ позади насъ и Временное Правительство, и Правительство Скоропадскаго, Петлюры, владычество Махно, и, какъ старуха рыбака, мы снова очутились предъ разбитымъ корытомъ — предъ непобѣдимой и несокрушимой Совѣтской властью.

И тогда мы были подъ такимъ впечатлѣніемъ, что приходъ большевиковъ къ намъ въ третій разъ является вполне послѣдовательнымъ и какъ бы даже необходимымъ. Тогда-же вспомнились слова большевика Петровскаго во время вторичнаго занятія большевиками Украины. Когда вырисовалась неизбѣжность оставленія Украины, Петровскій, выступая передъ рабочими, мрачно и угрожающе сказалъ: — «Мы должны Украину очистить... Мы должны уйти... Скажу больше: мы уходимъ, но пусть помнятъ всѣ наши враги, что мы еще вернемся... Мы вернемся!»

И большевики вернулись... Когда на разсвѣтъ девятнадцатаго декабря, послѣ двухъ дней совершеннаго безвластія, въ городъ стройными рядами стали входить части пѣхотной дивизіи, населеніе пугливо попряталось по домамъ, находясь подъ страхомъ угрозъ, брошенныхъ большевиками въ день бѣгства изъ города подъ стремительнымъ натискомъ Добровольческой конницы.

Въ первый-же день прихода въ городъ красныхъ войскъ, сорганизовался временный Военно-революціонный Комитетъ, цѣликомъ состоявшій изъ коммунистовъ, все время пребыванія добровольцевъ въ городѣ, находившихся въ подпольи.

Кромѣ этихъ коммунистовъ, въ городѣ находился весь Исполкомъ города Луганска, бѣжавшій оттуда разрозненно, но съ общимъ заданіемъ изъ центра собраться всѣмъ для партійной подпольной работы въ Екатеринославѣ. Только съ приходомъ большевиковъ къ намъ въ третій разъ, мы увидѣли, какъ настойчиво и организовано проводятъ они свои политическія задачи и какъ жестоко потомъ расплачивались всѣ тѣ, которые безоговорочно вѣрили въ малиновый звопъ московскихъ колоколовъ, о которомъ такъ грустно вслухъ мечталъ генералъ Деникинъ.

Вспоминаю теперь такой моментъ: какъ редакторъ газеты «Вечернія Новости», выходящей во время пребыванія добровольцевъ въ Екатеринославѣ, я сидѣлъ поздно ночью въ Штабѣ генераловъ Ирманова и Шкуро, ожидая для газеты новыхъ сообщеній по Юзу о побѣдахъ Добровольческой арміи; тогда-же, вмѣстѣ съ дежурнымъ телеграфистомъ, у аппарата сидѣлъ адъютантъ штаба, молодой поручикъ, георгіевскій кавалеръ, Николай Терзи. И какъ разъ тогда, вмѣсто ожидавшагося сообщенія о занятіи добровольцами Кіева, аппаратъ спокойно выстукалъ телеграмму генерала Май-Маевского, подтверждающую разстрѣлъ изнасиловавшаго дѣвушку офицера.

Поручикъ Терзи, бывшій не разъ въ опасныхъ бояхъ съ приговореннымъ, принялъ эту депешу, поблѣднѣлъ, и сейчасъ же пошелъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ Штаба разбудить генерала Ирманова и доложить ему о телеграммѣ. Минутъ пять спустя Терзи вернулся подавленный и, позвавъ дежурнаго ординарца, отправилъ телеграмму начальнику военной тюрьмы «для исполненія».

Подъ впечатлѣніемъ такой позорной потери товарища, Терзи сталъ говорить съ горечью о безобразіяхъ, творимыхъ внутри арміи, о карьеризмѣ генераловъ, о многихъ сотняхъ людей, примазавшихся къ арміи въ тылу и своей работой тянувшихъ святое дѣло арміи къ страшной гибели.

Когда я попытался его успокоить и возразилъ ему, что вотъ скоро возьмемъ Москву, создастся правительство, настоящая власть, онъ нервно перебилъ меня и уныло проговорилъ:

«Нѣтъ, не возьмемъ!.. Откатимся... Разсыпимся... Москвы мы не увидимъ!..»

Я тогда подумалъ: усталъ человекъ, разнервничался, но въ душу вкралось тревожное сомнѣніе.

* * *

Первые дни прихода большевиковъ прошли совершенно спокойно; на улицахъ стали появляться люди; спеціальные агенты большевиковъ распускали успокаивающіе слухи о томъ, что теперь Чека уже уничтожена, противъ частной собственности нѣтъ прежнихъ гоненій, и даже будетъ особымъ декретомъ разрѣшена свободная торговля.

Вылѣзшій изъ подполья коммунистъ Шалахинъ и имѣвшій достаточно такта, чтобы, будучи коммунистомъ, сохранить къ себѣ расположеніе и буржуазныхъ лицъ, на летучихъ митингахъ убѣждалъ слушателей, что сейчасъ совѣтская власть дастъ именно то, что Деникинъ, прикрывая свои монархическія идеи, только обѣщала дать... Никакихъ разстрѣловъ, никакихъ самочинныхъ арестовъ, никакихъ реквизицій, а все будетъ основано «на трезвомъ пролетарскомъ сознаніи и на революціонной совѣсти».

Эти новые юридическіе термины намъ были не совсѣмъ понятны; но вскорѣ былъ объявленъ учетъ всѣхъ лицъ съ юридическимъ образованіемъ для созданія кадра служителей краснаго правосудія.

Масса зашевелилась: что-то, значить, новое; берутъ юристовъ, видимо, будетъ какой нибудь законъ. И, дѣйствительно: созданный вскорѣ Революціонный Трибуналъ имѣлъ около пятнадцати бывшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, поставленныхъ большевиками на посты общественныхъ обвинителей, по прежнему — прокуроровъ, общественныхъ защитниковъ и народныхъ судей. Послѣдніе несли обязанности городскихъ судей, а само ядро Революціоннаго Трибунала — судъ, ведущій процессъ и выносящій приговоръ, каждый разъ особо назначался изъ партіи по указаніямъ губернскаго партійнаго комитета изъ коммунистовъ, соотвѣтственно важности предполагавашагося къ слушанію дѣла.

Хотя Чеки на первыхъ порахъ и не было, Исполкомъ доставалъ матеріалъ для Революціоннаго трибунала, и юристы окунулись въ допросы, дознанія; выѣзжали на мѣста преступленія; составляли протоколы и по отдѣльнымъ дѣламъ подошли къ моменту необходимости составленія обвинительныхъ актовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разрабатывался чисто уголовный матеріалъ, юристы кое-какъ обходились безъ ссылокъ на тѣ или иныя статьи уголовного уложенія, но когда все чаще и чаще стали выплывать обвиненія политическаго характера, съ точки зрѣнія юриста не имѣвшія подъ собой никакихъ обвинительныхъ опоръ, работа юристовъ стала усложниться, и впервые предъ ними во всю свою необъятную ширину выросло «пролетарское правосознаніе» и въ полномъ очарованіи выявилась «революціонная совѣсть». — Такія дѣла сводились къ тому, что юристы, работая надъ производствомъ предварительнаго слѣдствія, приближались къ послѣднему, до составленія обвинительнаго акта, допросу обвиняемаго, и къ этому времени обвиняемый исчезалъ. На официальные требованія юристовъ о приводѣ обвиняемаго для допроса начальники тюремъ отвѣчали, что такой подслѣдственный у нихъ не числится, а когда послѣ длительныхъ скитаній бумажка съ номеромъ направлялась въ отдѣлъ Управленія Исполкома съ указаніями на необходимость подтянуть товарищей-начальниковъ карательныхъ подотдѣловъ — изъ Исполкома Революціонному Трибуналу

предлагалось по телефонограммѣ дѣло производствомъ прекратить за смертью подслѣдственнаго.

Нѣсколько такихъ случаевъ заставили юристовъ насторожиться, и вскорѣ затѣмъ выяснилось, что раздававшіеся по почамъ выстрѣлы не что иное, какъ разстрѣлы противниковъ совѣтской власти.

Тогда юристы обратились къ постоянному предсѣдателю Трибунала, коммунисту Обуховскому, заявивъ, что случаи исчезновенія подслѣдственныхъ съ каждымъ днемъ учащаются и что о тайныхъ разстрѣлахъ открыто всѣ говорятъ. На это Обуховскій спокойно возразилъ, что поскольку юристъ получаетъ бумажку съ предложеніемъ дѣло прекратить за смертью подслѣдственнаго, — юристу остается только бумажку приобщить къ дѣлу и, составивъ соответственное письменное заключеніе, дѣло прекратить. Если же случаи такихъ со стороны юристовъ заявленій къ нему, Обуховскому, повторяются, то онъ, стоя на стражѣ пролетарскаго правосудія, будетъ вынужденъ провѣрить дореволюціонную дѣятельность работающихъ съ нимъ юристовъ. Юристамъ пришлось отступить, и поступавшія бумажки о смерти обвиняемаго молча подшивались къ дѣлу.

Со мной произошелъ такой случай: подпольники — большевики, все время пребыванія добровольцевъ находившіеся въ городѣ, ежедневно читали мою газету, гдѣ очень часто появлялись фактическіе матеріалы о кошмарныхъ разстрѣлахъ Валявки и о многихъ другихъ уродливыхъ и преступныхъ формахъ большевистскаго властвованія.

По обстоятельствамъ семейнаго характера я былъ лишенъ возможности уйти съ добровольцами и, рѣшивъ слѣпо отдаться судьбѣ, остался въ городѣ.

Понятно, что на четвертый день прихода большевиковъ я былъ арестованъ.

Первымъ допросилъ меня народный слѣдователь, бывшій присяжный повѣренный П., дававшій часто юридическаго содержанія замѣтки въ мою газету. Хотя при допросѣ присутствовали коммунисты, но по тону и смыслу задаваемыхъ вопросовъ мнѣ было не трудно давать нужные отвѣты, и все время я настаивалъ на предьявленіи мнѣ тѣхъ номеровъ газеты, въ которыхъ были помѣщены мои контръ-революціонныя статьи. Я былъ уфренъ въ томъ, что газеты этой нигдѣ не найти, такъ какъ за шестинедѣльное пребываніе въ городѣ махновцевъ, ими были уничтожены всѣ архивы, библіотеки и вообще всѣ бумаги во всѣхъ учрежденіяхъ.

Хотя меньшевикъ Арсонъ, впоследствии формально перешедшій къ коммунистамъ, при допросѣ приводилъ цитаты изъ моихъ статей, выбирая самыя сильныя контръ-большевистскія фразы, все-же юристу П. удалось коллегію Трибунала убѣдить въ томъ, что я могу быть преданъ суду только въ томъ случаѣ, когда на процессѣ будутъ фигурировать вещественныя доказательства, т. е. тѣ номера газетъ, въ которыхъ напечатаны статьи противъ большевиковъ. Какъ повоображенный коммунистъ, Арсонъ больше и свирѣпѣе всѣхъ коммунистовъ ссылался на необходимость съ корнемъ уничтожить всякую контръ-революціонную работу и говорилъ, что въ моментъ исключительно острой гражданской войны не слѣдуетъ останавливаться на тонкостяхъ старой царской юриспруденціи и, поскольку многіе коммунисты подтверждаютъ фактъ существованія газеты и появленія въ ней позорящихъ Совѣтскую власть статей, то и съ авторомъ этихъ статей нечего расписывать юридическія тонкости, а надо поступить съ нимъ такъ, какъ этого требуютъ интересы охраны власти трудящихся, т. е. попросту предложить юристу-снецу прекратить дѣло за смертью подслѣдственнаго.

Но въ этомъ случаѣ юристъ П. одержалъ побѣду надъ Арсономъ.

Пораженіе Арсона тяжелыми страданіями отразилось на арестованномъ тогда-же редакторѣ газеты «Приднѣпровскій Край» М. М. Дмитріевѣ, подписывавшимъ свои фельетоны псевдонимомъ М. Любимовъ. Если при обсужденіи моего дѣла въ коллегіи обвинителей фигурировали лишь слова и воспоминанія коммунистовъ, — при обсужденіи дѣла Дмитріева обвинители съ упоеніемъ перелистывали большіе листы полнаго комплекта газеты, случайно найденнаго въ секретаріатѣ Городской Управы,

гдѣ потомъ расположился Исполкомъ. Тутъ уже юристамъ пришлось подчиниться всѣмъ яростнымъ требованіямъ Арсона, и въ тотъ же вечеръ было вынесено постановленіе о моемъ условномъ освобожденіи, съ обязательствомъ по два раза въ недѣлю являться для отбѣтки въ Отдѣлъ Управленія, и о преданіи М. М. Дмитріева суду Революціоннаго Трибунала, съ содержаніемъ подъ стражей до суда.

Много мѣсяцевъ спустя, одинъ изъ участниковъ этого совѣщанія, коммунистъ, рабочій Кравченко, впоследствии вышедшій изъ партіи, разсказалъ мнѣ, что на этомъ совѣщаніи присутствовалъ политическій комиссаръ отъ ВЦИКА, тов. Мининъ, и когда къ нему обратились съ предложеніемъ высказаться по нашимъ двумъ дѣламъ, съ принципиальной точки зрѣнія Центра на подобныя дѣла, онъ сказалъ, что въ центрѣ господствуетъ теченіе къ болѣе мягкому отношенію къ противо-совѣтскимъ журналистамъ, которые, по мнѣнію центра, являлись тружениками, всегда бывшими въ прямой зависимости отъ кулака-издателя. Кромѣ этого, добавилъ еще Мининъ, Центръ считаетъ журналистовъ людьми, наиболѣе быстро мѣняющими свою политическую приверженность, и такъ какъ журналисты, какъ орудіе пропаганды, очень нужны совѣтской власти, онъ, Мининъ, какъ выразитель настроеній Центра, предлагаетъ товарищамъ на мѣстахъ мягче относиться къ журналистамъ, выступавшимъ печатно противъ совѣтской власти, а стараться всемѣрно перетянуть ихъ на сторону служенія власти на томъ же газетномъ поприщѣ.

Но это заключеніе авторитетнаго товарища нисколько не помѣшало заключенію Дмитріева въ концентраціонный лагерь, затѣмъ осужденію его на шесть лѣтъ содержанія въ лагерѣ, изъ которыхъ онъ пробылъ подъ стражей около полугода, а потомъ былъ привлеченъ къ газетной работѣ въ Губернскій Совѣтъ Профессіональных Союзовъ, въ качествѣ завѣдывающаго редакціоннымъ отдѣломъ, совершенно тогда уже разставшись съ заключеніемъ, какъ человѣкъ, желающій стать полезнымъ гражданиномъ социалистическаго государства. Извлеченію Дмитріева изъ лагеря много помогли юристы изъ Трибунала, а на работу въ Совѣтъ Союзовъ навелъ Дмитріева красный журналистъ, коммунистъ Лаврентьевъ, родной сынъ литературнаго критика В. Кранихфельда.

* * *

Судьба добровольческой арміи была намъ мало извѣстна, и только пріѣхавшіе въ городъ люди передавали о дикихъ, кровавыхъ дѣйствіяхъ красныхъ въ Ростовѣ, по всей Кубани и на Дону.

Армія Буденнаго, черезъ Харьковъ, минуя Екатеринославъ, преслѣдовала убѣгавшія домой донскія и кубанскія части, хотя, въ большемъ числѣ, казаки переходили къ Буденному, возвращаясь въ свои станицы подъ краснымъ флагомъ Первой Революціонной Конной Арміи тов. Буденнаго. На отступавшія въ Крымъ части большевистское командованіе тогда какъ-то обратило мало вниманія, что дало возможность Врангелю спѣшно привести въ порядокъ безпорядочно влившіеся въ полуостровъ остатки добровольческихъ частей.

Ни смѣна Штаба, ни разстрѣлъ царскихъ генераловъ, ни назначеніе Фрунзе дѣлу не помогли, и тогда Троцкій, остановивъ свой поѣздъ на пять минутъ въ Харьковѣ, приказалъ Украинскому Вцику на всей территоріи Украины ввести красный терроръ, т. к. въ Крыму упряталась страшная змѣя — послѣдняя надежда россійской и міровой контръ-революціи, баронъ Врангель.

Приказъ Троцкаго, выступавшаго тогда, какъ предсѣдатель Военно-революціоннаго Совѣта по оборонѣ Республикъ и какъ военный Народный Комиссаръ, былъ тотчасъ-же, куда можно было, переданъ по телеграфу, а въ тѣ мѣста, съ которыми не было телеграфной связи, были на паровозахъ высланы спеціальные курьеры.

Часовъ съ десяти утра до часовъ пяти пополудни вся большая Ново-дворянская улица была очищена отъ жильцовъ, которымъ было разрѣшено брать съ собой изъ квартиры только одну смѣну бѣлья и ничего больше. Квартиры были оставлены

жильцами въ полномъ порядкѣ, съ мебелью, библіотеками, роялями, бѣльемъ, посудой; а самимъ выгнаннымъ было предложено не толкаться по улицѣ и не хныкать, а скорѣе обратиться куда-либо къ знакомымъ, такъ какъ уже съ вечера въ ихъ квартирахъ должна начаться нормальную работу Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ со спекуляціей и контръ-революціей, кратко называемая Чека. —

И, дѣйствительно, въ ту же первую ночь изъ всѣхъ тюремъ были отобраны добровольческіе офицеры, переведены въ большой домъ Брагинскаго на Ново-дворянской улицѣ и тогда-же, на утро другого дня, мы впервые узнали отъ случайно застрявшихъ въ квартирахъ горничныхъ и кухарокъ о странномъ шумѣ какъ-бы летающаго аэроплана, съ частыми переборами, напоминавшими пулеметную стрѣльбу.

Подъ шумъ двухъ сильныхъ автомобильныхъ моторовъ всѣ доставленные офицеры были скошены пулеметнымъ огнемъ, и ихъ окровавленные трупы положили начало смертоносной работѣ Чека, принявшей за свое кровавое дѣло защиты Совѣтской власти отъ враговъ изнутри.

И люди, повѣрившіе было совѣтскій власти, лицомъ къ лицу столкнулись съ прежней, варварской, большевистской организаціей, какой явилась снова Чека. Юристы, ушедшіе цѣликомъ въ работу по дѣламъ Революціоннаго Трибунала и понемногу начинавшие вѣрить дѣйствительной государственности большевиковъ, сразу стали предъ фактомъ существованія самаго дикаго, самаго безконтрольнаго и самаго беспощаднаго аппарата по истребленію людей, по степени ихъ виновности заслужившихъ строгій выговоръ, но которыхъ Чека, по ей одной извѣстнымъ соображеніямъ подвергала разстрѣлу.

Тогда Арсонъ, уже прочно засѣвшій въ коммунистической партіи, снова поднялъ травлю противъ меня, и какъ то ночью, послѣ кошмарнаго обыска съ срываніемъ обоевъ и взламываніемъ досокъ съ пола, подъ конвоемъ чекистовъ, на разсвѣтѣ, я былъ отправленъ въ Чека.

Больше недѣли я провелъ въ большомъ концертномъ залѣ Коммерческаго собранія, куда было согнано около трехсотъ человекъ. Бѣготня, мольбы и хлопоты моихъ близкихъ заставили юристовъ изъ Трибунала начать переписку съ Чека о передачѣ меня и моего дѣла въ распоряженіе Трибунала, какъ однажды Трибуналомъ уже разсматривавшагося; но Чека ни на какіе запросы и требованія юристовъ изъ Трибунала не отвѣчала, и я прочно засѣлъ въ Чека.

И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, за несчастьемъ — несчастье. Во время обыска у долготѣшняго сотрудника «Русскаго слова» Новополина было найдено нѣсколько номеровъ моей газеты, съ наиболѣе враждебными противъ большевиковъ статьями. И съ матеріаломъ въ рукахъ слѣдователи Чека набросились на мое дѣло. Запахло кровью. Но исключительно счастливый случай спасъ меня отъ разстрѣла, и жизнью своей я обязанъ председателю коллегіи слѣдователей Чека, тов. Ральфу, сыну театральнаго бутафора Р.

О томъ, что гроза всѣхъ содержавшихся въ Чека, — тов. Ральфъ, въ дѣйствительности мелкій театральнй парикмахеръ — сынъ старика бутафора, я не имѣлъ никакого понятія, и поэтому, когда изъ камеры меня позвали на допросъ къ самому тов. Ральфу, вся камера притихла... Отъ Ральфа въ камеру возвращались очень немногіе...

До революціи я часто на сценѣ наблюдалъ тяжелый трудъ старика Р. и помогъ ему устроиться на годовую службу въ театръ Коммерческаго собранія, и туда-же, по просьбѣ старика, мнѣ удалось опредѣлить на постоянную службу его сына, парикмахера Р. Во время гастролей оперетты у одной изъ премьершъ были украдены кое-какія золотыя вещи, и такъ какъ, кромѣ постоянной горничной пѣвицы и парикмахера Ральфа, никто въ уборную не входилъ, кромѣ развѣ только полицеймейстера — поклонника ногъ пѣвицы, то въ крайѣ вещей былъ открыто заподозрѣнъ парикмахеръ Ральфъ, и когда вмѣшавшійся въ дѣло полицеймейстеръ приказалъ надзирателямъ обыскать Ральфа, — изъ кармана его брюкъ были извлечены пропавшія вещи. —

Двѣ звонкія и тяжелыя пощечины получилъ Ральфъ отъ полицеймейстера, парой зуботычинъ въ угоду начальству наградили его надзиратели, и, благодаря моимъ особенно настойчивымъ просьбамъ, вора выгнали изъ театра, давъ ему возможность спастись отъ тюрьмы. Воздѣйствіемъ на старшинъ клуба мнѣ удалось оставить старика-отца на службѣ, и дѣло было забыто.

Мягкость въ обращеніи, вѣжливость Ральфа дѣйствовала на меня въ совершенно обратномъ смыслѣ, ибо я уже многое слышалъ о такого рода типахъ, наслаждающихся муками попавшей къ нимъ жертвы... Когда же Ральфъ приказалъ конвойнымъ выйти изъ его кабинета, я, вспомнивъ почему то себя въ новой гимназической шинели идущимъ домой съ полученной въ награду книжкой Марка Твена «Принцъ и Нищій», рѣшилъ, что сейчасъ конецъ, и одна мысль билась въ мозгу: только бы не билъ, а сразу бы...

Ральфъ, по выходѣ конвойныхъ, предложилъ мнѣ сѣсть. Спросилъ, — узнаю ли я его. Конечно, не узнаю... Не помню... Вижу, какъ будто, впервые... Припомнилъ Ральфъ Коммерческое собраніе, и напряженные нервы особымъ токомъ прорѣзали мозгъ и, какъ на яву, вспомнилась исторія съ кражей...

Запуганный, пришибленный и всегда полуголодный, Ральфъ превратился въ изящно одѣтаго комиссара, съ золотой браслеткой на рукѣ, съ маникюромъ; на столѣ лежалъ раскрытый и наполненный папиросами золотой портъ-сигаръ и тутъ же рядомъ маленькій, почти дамскій браунингъ, которымъ тов. Ральфъ разстрѣливалъ въ своемъ же кабинетѣ.

Предложилъ папиросу и, услужливо подавая спичку, простымъ человѣческимъ тономъ сказалъ:

«Понимаете?... Васъ нужно разстрѣлять... Васъ хотять разстрѣлять!.. Но я Васъ не разстрѣляю... Я сейчасъ мщу всѣмъ за все, а Вы когда то меня защитили и моего отца пригрѣли. Такъ вотъ: возвращайтесь въ камеру! — Завтра я Васъ переведу въ подвалъ, — это для Вашей же жизни, и ждите... Ждите недѣлю... мѣсяць... или больше... Только обо мнѣ никому ничего не говорите!..

И, мгновенно сдѣлавъ страшное лицо, схватилъ револьверъ и дикимъ голосомъ закричалъ:

«Конвой! Конвой! Убрать этого гада, — пока я его не разстрѣлялъ!»

И меня отвели къ камеру, а поздно ночью, въ густую темноту камеры была крикнута моя фамилія, и въ разныхъ концахъ камеры послышались рыданья...

Я очутился въ подвалѣ, и только спустя три недѣли Ральфъ двинулъ мое дѣло въ удобной для него тройкѣ и мнѣ вынесли приговоръ, по которому я обязывался работать въ какомъ-либо совѣтскомъ учрежденіи, на основѣ принудительной мобилизаціи.

* * *

При содѣйствіи коммунистовъ, бывшихъ заводскихъ рабочихъ, Шаляхина и Кравченко, мнѣ удалось прикрѣпиться къ отдѣлу соціальной помощи, занимавшему въ громоздкомъ аппаратѣ большевистскаго управленія одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Основной лозунгъ этого учрежденія былъ таковъ, что въ социалистическомъ государствѣ нѣтъ мѣста частной благотворительности, и что всякій гражданинъ, потерявъ на фронтѣ или на гражданской службѣ здоровье, имѣетъ всѣ права на полученіе отъ отдѣла Соціальной помощи, какъ органа Совѣтской власти, должнаго обезпеченія. Въ дѣйствительности же обезпеченіе сводилось къ тому, что когда черный хлѣбъ былъ въ цѣнѣ около двухъ тысячъ рублей за фунтъ, лицамъ, имѣвшимъ потерю трудоспособности въ сто процентовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ сто двадцать процентовъ — т. е. тѣмъ, которые къ тому еще нуждались въ постороннемъ уходѣ, выдавалась ежемѣсячная пенсія въ три тысячи рублей, впоследствии доведенная до семи тысячъ рублей, но уже къ тому времени, когда хлѣбъ дошелъ до цѣны пяти тысячъ рублей за фунтъ.

Опредѣленныхъ и точныхъ декретовъ на выдачу пенсій не было; въ основу дѣятельности пенсіоннаго подотдѣла легла еле читаемая, слабо отпечатанная копія декрета, съ отбитой на машинкѣ подписью Наркома Соціального обезпеченія, тов. Эльцина. По смыслу этого декрета за помощьюъ къ совѣтской власти могли обращаться: всѣхъ чиновъ и ранговъ военные старой царской и новой красной арміи, причемъ въ первомъ случаѣ офицеры и генералы уравнивались въ размѣрѣ пенсій съ рядовыми; имѣвшимъ старыя николаевскія пенсіонныя книжки пенсія выплачивалась по этимъ же книжкамъ, а наиболѣе осторожные, свои пенсіонныя царскія книжечки припрятавшіе до лучшихъ временъ, подвергались мало требовательной медицинской экспертизѣ, которая почти всѣхъ, имѣвшихъ за пятьдесятъ лѣтъ, относила въ разрядъ инвалидовъ второй категоріи. На пенсію имѣли также право вдовы съ дѣтьми, поскольку мужъ ихъ при жизни не былъ «буржуемъ» или не служилъ по тюремному или жандармскому вѣдомству. Подлежали обезпеченію лица — одинокія, достигшія шестидесяти пяти лѣтняго возраста, и по точному смыслу декрета получилось то, что пойти на содержаніе къ Совѣтской власти имѣетъ право каждый — кому только не лѣнь.

И въ теченіе самага короткаго времени больше пятнадцати процентовъ населенія приписалось къ постоянной кліентурѣ Отдѣла Соціальной помощи. Преобладающимъ элементомъ являлась группа такъ называемыхъ «гражданскихъ вдовъ», мужья которыхъ умерли нормальной смертью еще въ то время, когда о большевикахъ, да и вообще о такой революціи, мы мало думали; за этой группой, въ многотысячныхъ цифрахъ, шли инвалиды и отставные военные старой царской арміи. Первымъ за полученіемъ пенсіи явился бывший Екатеринославскій уѣздный воинскій начальникъ, ушедшій въ отставку съ чиномъ генераль-маіора, Кругловъ, а за нимъ густо пошли всѣ отставные старички и вдовы-старушки, — гражданскіе чиновники въ отставкѣ, и остались за бортомъ только духовныя лица, у которыхъ была отнята ихъ эмеритурная касса, и которымъ Совѣтская власть отказывала въ какой бы то ни было помощи.

Малымъ процентомъ въ массѣ получавшихъ пенсію стояли рядовые царской арміи, такъ какъ этотъ элементъ большей частью разсосался по селамъ и деревнямъ, а городскіе инвалиды считали невыгоднымъ ходить мѣсяцами въ Отдѣлъ, чтобы потомъ получить пару тысячъ на полъ фунта хлѣба; но самыми аккуратными, липкими и нудными являлись отставные николаевскіе старички и старушки, съ поразительными для ихъ стараго возраста умѣньемъ и настойчивостью, стоявшіе недѣлями въ очередяхъ за полученіемъ суммы, достаточной только на покупку трехъ коробокъ спичекъ.

Какъ потомъ уже житейски выяснилось — этотъ элементъ, имѣвшій склонность къ паразитскому существованію еще въ царскія времена и служившій нерѣдко десятки лѣтъ только для того, чтобы выйти въ отставку съ пенсіей, съ укрѣпленіемъ совѣтской власти рѣшилъ и эту власть использовать такъ же тихо слащаво и слейно, какъ удавалось это при царской власти. Большевики-же, зная, что эти старики и старушки въ чепчикахъ являются всегда и во всѣхъ случаяхъ самыми опасными въ толпѣ, снуя всюду и шипя, распускавшими разные слухи и разлагавшими и безъ того тяжелую для большевиковъ обывательскую массу, не безъ политической хитрости всю эту лебезящую армію сплетниковъ и сплетницъ взяла на свою сторону, и генераль-маіоръ Кругловъ, получивъ отъ большевиковъ пару ничего не стоящихъ тысячъ, уходилъ удовлетворенный, признавая власть государственной: «какъ же!... даже пенсію мнѣ выплачиваютъ!..»

Совершенно отсутствовали въ колоссальной массѣ пенсіонеровъ — инвалиды красной арміи, но когда съ теченіемъ времени стали появляться и послѣдніе, — Совѣтская власть для нихъ, помимо общихъ для всѣхъ денежныхъ пенсіонныхъ ставокъ, ввела особыя натуральныя выдачи въ видѣ новой пары бѣлья, штановъ, гимнастерки, а для вдовъ красноармейцевъ были специально сшиты изъ дешевой матеріи женскія широкія платья.

Потомъ стали появляться вдовы коммунистовъ, погибшихъ на партійныхъ работахъ въ арміи или въ тылу, и для этой категоріи особымъ секретнымъ распоряженіемъ Центра была установлена ежемѣсячная пенсія, дававшая безусловную возможность не голоднаго существованія. Помимо того, что пенсіи доходили до пятидесяти-шестидесяти тысячъ рублей въ мѣсяць, съ частыми натуральными выдачами и единовременными пособіями, главнымъ плюсомъ для коммунистическихъ вдовъ являлось распоряженіе выплачивать имъ пенсію со дня гибели мужа-коммуниста, и такъ какъ многіе погибли еще во время октябрьскаго переворота девятьсотъ семнадцатаго года, то отдѣльныя вдовы получали единовременныя выдачи за полтора — два года въ суммѣ, нерѣдко превышавшей полъ милліона, — въ то время, понятно, когда хлѣбъ былъ въ цѣнѣ до трехъ тысячъ рублей.

Когда къ жизни Отдѣла Соціальной помощи вплотную въ качествѣ завѣдовавшаго подошелъ Шаляхинъ, онъ однимъ распоряженіемъ приостановилъ выплату пенсій всѣмъ категоріямъ, оставивъ только открытой выплату пенсії инвалидамъ красной арміи, вдовамъ красно-армейцевъ и женамъ партійныхъ работниковъ, погибшихъ на партійныхъ работахъ въ тылу.

Увидѣвъ тысячную массу, осаждавшую ежедневно отдѣлъ соціальнаго обезпеченія, который по совѣтской терминологіи назывался Собезъ, Шаляхинъ заявилъ, что Собезъ питаетъ за счетъ государства паразитовъ, мелкомѣщанскую контрреволюціонную массу въ то время, когда за счетъ этихъ выдачъ можно было бы увеличить ставки для красныхъ инвалидовъ, ихъ вдовъ и вдовъ партійныхъ работниковъ.

На засѣданіи Исполкома, по этому поднятому имъ вопросу, Шаляхинъ внесъ фактическое предложеніе, сводившееся къ тому, чтобы изыскать какой-нибудь способъ тихаго и безшумнаго уничтоженія всей массы пенсіонеровъ, захватившей въ плѣнъ Собезъ. Отъ себя Шаляхинъ шутилъ предлагалъ выстроить большой крематорій, загнать туда всѣхъ старушекъ и старичковъ и сразу избавить соціалистическое государство отъ сотенъ тысячъ паразитовъ. Больше трехъ мѣсяцевъ воевалъ Шаляхинъ съ пенсіонерами, пока не пріѣхала Ворошилова, жена Ворошилова, бывшаго тогда членомъ Реввоенсовѣта I-й конной арміи Буденнаго, и вступивъ въ завѣдываніе отдѣломъ, стоя на точкѣ зрѣнія безоговорочнаго выполненія всѣхъ декретовъ совѣтской власти, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти декреты требуютъ чьей либо жизни, коротко ознакомилась съ декретомъ о пенсіяхъ и распорядилась открыть выплату пенсій всѣмъ пенсіонерамъ, съ выдачей пенсий за время съ момента приостановки выплаты.

Какъ саранча облѣпили пенсіонеры Собезъ, и въ два дня наличность кассы и весь наличный запасъ Собеза въ Госбанкѣ, рассчитанный на три мѣсяца, былъ выплаченъ пенсіонерамъ, добрая половина которыхъ еще толпилась у Собеза, стремясь получить единовременно пенсію за нѣсколько мѣсяцевъ.

Тогда Шаляхинъ пошелъ открытой войной на Ворошилову, агитируя противъ нея и въ Исполкомѣ, и въ партіи, и вообще при каждомъ удобномъ случаѣ. Агитация Шаляхина имѣла успѣхъ безъ особаго труда, такъ какъ Ворошилова мало была похожа на пролетарку. Всегда изящно и нарядно одѣтая — зимой въ дорогомъ и модномъ каракулевымъ пальто, а лѣтомъ въ элегантно шелковой накидкѣ, Ворошилова, которую и называли всѣ не словомъ «товарищъ», а по имени и отчеству, Екатериной Давидовной, напоминала собой даму выше-средняго буржуазнаго класса. Хотя она одно время и была въ ссылкѣ, но вѣнчане она оставалась милой Екатериной Давидовной, которая уже будучи женой одного изъ вождей пролетаріата, кокетливо принимала ухаживанія молодыхъ красивыхъ командировъ конной арміи, въ большинствѣ состоявшихъ ранѣе въ лучшихъ кавалерійскихъ полкахъ... Нерѣдко на улицѣ можно было встрѣтить Екатерину Давидовну, окруженную свитой кавалеристовъ, и эта группа вѣнчане и по бесѣдѣ была очень далека отъ рабоче-крестьянской красной арміи, давая скорѣе картинку полковой жизни бывшей царской арміи.

На рукѣ Ворошиловой задорно блестѣла широкая золотая браслетка съ часиками, и сама она частенько говорила, что партійный комитетъ ея не любитъ за ея

буржуазный видъ и непролетарскія наклонности. А поклонники были не только пролетарскіе, а совершенно буржуазные. Въ квартирѣ Ворошиловой, въ прекрасномъ старинномъ особнякѣ, съ утра до поздней ночи работали швеи и мастерицы для Ворошиловой и жены Буденнаго.

Ворошиловы и Буденный жили въ одномъ особнякѣ; вмѣстѣ обѣдали, вмѣстѣ проводили цѣлые дни въ штабѣ и часто вмѣстѣ совершали на автомобилѣ прогулки за городъ или по Днѣпру на моторной лодкѣ. Къ обѣду подавалось вино, свѣжіе фрукты и живые цвѣты. За обѣдомъ, по случаю назначенія Ворошиловой завѣдующей Собезомъ, присутствовалъ и я. Ворошилова во время обѣда страдала отъ частыхъ и громкихъ отрывковъ тов. Буденнаго, а къ концу обѣда, когда Буденный всей пятерней вступалъ въ борьбу съ кусочками ѣды, застрявшими въ его крѣпкихъ и большихъ мужицкихъ зубахъ, Екатерина Давидовна бросила салфетку и встала изъ за стола.

Жена Буденнаго на тридцать пятомъ году своей жизни начала изучать грамоту. Простая баба-казачка ни душой, ни умомъ не понимала высоты положенія, занимаемаго ея мужемъ, и часто ругалась съ Буденнымъ, не разрѣшавшимъ ей приглашать къ себѣ на квартиру ея земляковъ — казаковъ-одностаничниковъ. Въ квартиру Ворошилова и Буденнаго были вхожи только высшіе штабные работники — бывшіе офицеры царскихъ полковъ.

Ворошиловъ, работавшій въ партіи еще съ революціи девятьсотъ пятого года, будучи рабочимъ-клепальщикомъ Луганскаго Паровозостроительнаго Завода, къ времени большевистской революціи уже имѣлъ солидный стажъ политическаго-пролетарскаго дѣятеля и самообразованиемъ и любовью къ чтенію пріобрѣлъ нѣкоторыя историческія познанія, преимущественно изъ области революціонныхъ эпохъ. Частыя выступленія на митингахъ выработали въ немъ недурного оратора, и Ворошиловъ, занявъ постъ Члена Реввоенсовѣта I-ой конной арміи, все время остается членомъ Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, и, говоря на митингахъ о Милюковѣ, онъ строитъ свою рѣчь такъ, какъ бы онъ только что разстался съ П. Н. послѣ горячаго политическаго спора. Интеллигентность жены помогла Ворошилову въ дальнѣйшемъ развитіи, и сейчасъ этотъ человекъ способенъ наизусть цитировать цѣлыя страницы изъ Маркса и Энгельса.

Въ противоположность Ворошилову можно поставить Буденнаго, человекъ мало грамотнаго, грубаго и совершенно далекаго отъ какой бы то ни было культуры. Вахмистръ, любовно ухаживающій и до этихъ дней за своимъ ежикомъ на головѣ и за жесткими усами à la Wilhelm, рубака, лихой набѣдникъ, онъ умомъ, душой и тѣломъ близокъ и понятенъ той арміи, во главѣ которой онъ поставленъ, а врожденный мужицкій умъ даетъ ему достаточно такта при непрерывныхъ сношеніяхъ со своими штабными — людьми голубой крови. Въ вопросахъ стратегическаго характера Буденный принимаетъ въ дѣйствительности только совѣщательное участіе, пожимая, что годы, проведенные офицерами въ академіяхъ и штабахъ, даютъ имъ больше правъ на рѣшеніе боевыхъ задачъ, нежели ему — вахмистру, только удачно выполнявшему небольшія фронтоваыя порученія.

Но когда выработанный планъ требовалось осуществить, — тогда выступалъ вахмистръ Буденный — командующій первой конной арміей, и казаки, видя впереди себя своего же брата-казака, своего земляка Семена, знали, что Буденный не поведетъ и не выдастъ, и, очертя голову, бросались въ самыя отчаянныя атаки.

* * *

Когда различные подотдѣлы Чека основательно расположились въ просторныхъ особнякахъ Ново-дворянской улицы и, пользуясь провозглашеннымъ Троцкимъ краснымъ терроромъ, развили максимальную дѣятельность, наши юристы, ушедшіе въ работу Революціонныхъ Трибуналовъ, стали лицомъ къ лицу съ такимъ положеніемъ: либо очутиться самимъ въ «подвалѣ», либо попрежнему работать въ Трибу-

налахъ и дѣлать видъ, что все въ порядкѣ, и разстрѣливаютъ только самыхъ опасныхъ враговъ Совѣтской власти, и то послѣ накопленія достаточнаго матеріала, устанавливающего полную виновность осуждаемаго на разстрѣль. вмѣсто ранѣ приходившихъ бумажекъ о смерти подслѣдственнаго, юристы ничего не получали, а случайно узнавали, что по дѣлу, по которому у нихъ производится предварительное слѣдствіе и матеріаль почти законченъ для слушанія дѣла, — Чека производитъ свое особое слѣдствіе, и когда Трибуналъ посылалъ вызовъ въ тюрьму для того или иного подсудимаго къ слушанію его дѣла, — тюрьма этого подсудимаго не выпускала, сообщая Трибуналу, что этотъ подсудимый числится за Чекой, а съ теченіемъ времени обреченный переводился въ собственную тюрьму Чеки, откуда никакая сила міра не могла бы его вытащить.

И надъ населеніемъ снова тяжелымъ кошмаромъ нависъ весь ужасъ красной власти.

Всѣ совѣтскія учрежденія были возстановлены и густо набиты голодными служащими-сотрудниками, взятыми въ желѣзные клещи совѣтской дисциплины и тайной слѣжки агентовъ Чеки.

Ни эпидеміи, ни голодъ такъ подавляюще не дѣйствовали на людей, какъ сознание полного отсутствія какого либо права, и чувство абсолютнаго безправія дѣлало насъ болѣзненно напуганными и исключительно покорными предъ малѣйшей эмблемой красной власти.

Три процесса, прошедшіе въ Трибуналѣ, совершенно убѣдили всѣхъ въ томъ, что съ большевиками жить нельзя, и никакая человѣческая приспособляемость не сумѣетъ поддѣлаться подъ условія жизни, создаваемые большевиками.

Первымъ процессомъ было дѣло по обвиненію нѣсколькихъ кожевенныхъ промышленниковъ въ спекуляціи кожей, которую они себѣ оставляли благодаря неправильнымъ свѣдѣніямъ въ Совнархозѣ о производствѣ кожи. Какъ всѣ дѣла большевистскаго суда, такъ и это дѣло возникло по доносу, имѣя подъ собой, однако, основательные пункты обвиненія. Дѣло было передано Революціонному Трибуналу, и въ процессѣ нормальнаго веденія предварительнаго слѣдствія выяснилось участіе въ дѣлѣ продажи кожи ряда видныхъ коммунистовъ, стоявшихъ во главѣ Совнархоза, Губкожа и отдѣла снабженія арміи.

По ходу слѣдствія можно было предположить, что, при полномъ сознаніи своей вины промышленниками и при чистосердечномъ показаніи о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, «пролетарское правосознание и революціонная совѣсть» судей Трибунала приговорятъ подсудимыхъ къ болѣе или менѣе продолжительному сроку работъ въ концентраціонномъ лагерѣ. Но видные коммунисты, узнавъ о выяснившемся ихъ участіи въ дѣлѣ и опасаясь возможности широкой гласности при слушаніи дѣла въ Трибуналѣ, безъ большого труда сдѣлали то, что когда Трибуналъ потребовалъ обвиняемыхъ на засѣданіе, тюрьма сообщила, что ночью всѣ промышленники увезены Чека, и никакіе протесты Трибунала не помогли. Прошла недѣля, и въ городѣ стало извѣстно о разстрѣлѣ всѣхъ кожевенниковъ въ Чека.

Трибуналъ въ дѣйствительности былъ созданъ большевиками больше для показной видимости, чѣмъ для отправленія совѣтскаго правосудія; поэтому, въ дальнѣйшемъ, юристы, работавшіе въ Трибуналѣ, убѣдились въ томъ, что фактически ихъ работа сводится, такъ сказать, къ ловкому втиранію очковъ населенію, и что многія дѣла, бывшія въ производствѣ Трибунала по указаніямъ Исполкома или Партіянаго Комитета, захватывались чекистами, и подсудимые втихомолку, безъ внѣшней процессуальной помпы, разстрѣливались въ подвалахъ Чека. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по тѣмъ или инымъ положеніямъ дѣло все же оставалось въ Трибуналѣ, партійный комитетъ назначалъ въ судьи чекистовъ, которые выносили безапелляціонный смертный приговоръ даже тогда, когда по существу не было никакого обвиненія.

По доносу какого то чекиста Сааквы былъ арестованъ нѣкій Ягельскій, которому было предъявлено обвиненіе въ организациі Петлюровскихъ возстаній и содѣйствіи Петлюровскимъ офицерамъ въ ихъ агитаціонной противобольшевистской работѣ на Украинѣ. Постановка всего дѣла и собранный матеріаль дали положительно смѣшные

результаты, ибо кромѣ того, что сестра жены Ягельскаго была замужемъ за Петлюровскимъ офицеромъ, дознаніе ничего не установило. Но это нисколько не остановило коммунистическую ячейку Трибунала дѣло передать въ Чека, и, понятно, что спустя нѣсколько дней для Ягельскаго, для случайно арестованнаго въ квартирѣ брата Ягельскаго и для сестры жены Ягельскаго были какъ то поздно ночью пущены сильные моторы двухъ большихъ грузовиковъ.

Послѣ долгихъ и мучительныхъ хлопотъ Чека согласилась выдать вдовѣ только трупъ ея мужа, трупы же брата мужа и сестры такъ и остались въ свалочныхъ мѣстахъ, далеко за городомъ.

По обвиненію въ саботажѣ былъ арестованъ молодой инженеръ-путеецъ Черчіани, занимавшій при большевикахъ постъ начальника службы движенія. Чувствуя себя знатокомъ своего дѣла, Черчіани не поладилъ съ приставленнымъ къ нему комиссаромъ, коммунистомъ Харитоненко, бывшимъ въ то же время, подъ большимъ секретомъ, председателемъ желѣзнодорожной Чрезвычайки.

По характеру горячій, Черчіани открыто не разъ говорилъ Харитоненко, что хотя онъ и коммунистъ, но все же онъ только слесарь и въ вопросахъ движенія ничего не понимаетъ, и что инженеръ всегда знаетъ больше слесаря. Харитоненко возражалъ ему, что онъ, Черчіани, учился на ограбленныя у народа деньги, и ежедневно между спецомъ и политкомомъ происходили крупные разговоры.

Къ несчастію Черчіани, на ст. Александровскъ на ремонтируемый большевиками мостъ, взорванный при отступленіи бѣлыми, пьяный стрѣлочникъ пустилъ пассажирскій поѣздъ не на здоровую половину желѣзнодорожнаго моста, а на поврежденную, и паровозъ съ нѣсколькими вагонами, вмѣстѣ съ сорвавшейся фермой, упалъ въ рѣку. Было много жертвъ. Этимъ несчастіемъ воспользовался Харитоненко и сейчасъ же сообщилъ Исполкому о необходимости жестокаго наказанія начальника движенія Черчіани. Исполкомъ постановилъ: инженера Черчіани отъ должности устранить и дѣло передать для разслѣдованія въ Чека, въ виду наличія въ этомъ случаѣ саботажа со стороны Черчіани.

Дѣло это вызвало много шума, и единственный «идейный» коммунистъ, молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Синайскій, сынъ стараго присяжнаго повѣреннаго, бывший тогда обвинителемъ въ Ревтрибуналѣ, заинтересовался этимъ дѣломъ и, пользуясь своей принадлежностью къ всемогущей партіи коммунистовъ, добился того, что дѣло изъ Чека было передано въ Трибуналъ.

Слѣдствіе и судъ выяснили, что несмотря на требованіе Черчіани объ усиленномъ освѣщеніи поврежденнаго моста и участковъ прилегающихъ къ нему пути, несмотря на отпущенныя Черчіани начальнику ст. Александровскъ — какому то коммунисту средства на устройство мѣръ предосторожности, не только поврежденный мостъ не былъ освѣщенъ, но и вся станція со всѣми многочисленными путевыми стрѣлками утопали въ непроницаемой темнотѣ южной ночи.

Было установлено, что начальникъ станціи, — коммунистъ, чувствуя себя совершенно безотвѣтственнымъ, цѣлыми днями пьянствовалъ вмѣстѣ съ низшимъ персоналомъ и темными ночами обкрадывалъ вагоны съ аммуниціей и продовольствіемъ, шедшіе къ Мелитополю для дѣйствовавшихъ тогда противъ Врангеля красныхъ частей.

И, вмѣсто обвинительнаго матеріала для инженера Черчіани, выплыли неожиданныя обстоятельства, создавшія новое дѣло, имѣвшее прямую связь съ сорвавшимся поѣздомъ и цѣликомъ снимающее вину съ инженера Черчіани. Больше того, во время предварительнаго слѣдствія, Черчіани, давая показанія, вспомнилъ, что онъ нѣсколько разъ просилъ комиссара дороги смѣнить начальника ст. Александровскъ въ виду царившаго тамъ хаоса, но комиссаръ дороги начальника станціи не смѣнялъ, мотивируя это необходимостью имѣть на ст. Александровскѣ, близко расположенной къ фронту, начальникомъ только коммуниста и нерѣдко говорилъ, обращаясь къ Черчіани, что-де все равно тамъ долженъ быть коммунистъ, а будетъ ли новый начальникъ-коммунистъ лучше стараго — это мало вѣроятно и поэтому пусть будетъ такъ, какъ есть...

И къ дѣлу были приобщены подлинныя отношенія Черчіани къ комиссару дороги о необходимости персональной чистки штата на ст. Александровскъ. Все говорило въ пользу Черчіани.

Въ день слушанія дѣла Черчіани, всѣ оправдывающія Черчіани обстоятельства были повторены и подтверждены.

Слово было предоставлено общественному обвинителю коммунисту-юристу Синайскому, который, склонившись надъ столомъ, отчетливо и спокойно сказалъ:

«Ознакомившись ранѣе съ дѣломъ гражданина Черчіани и прослушавъ здѣсь рядъ свидѣтелей и документовъ, я, стоя цѣликомъ на стражѣ интересовъ великой русской пролетарской революціи, и руководствуясь исключительно революціоннымъ правосознаніемъ, никакихъ пунктовъ обвиненія противъ гражданина Черчіани не усматриваю и отъ поддержанія обвиненія Черчіани въ приписанномъ ему саботажѣ по службѣ — отказываюсь!...»

Защитникъ Каминскій совершенно обалдѣлъ отъ неожиданности такого оборота дѣла и вмѣсто защитительной рѣчи произнесъ хвалебную и пылкую рѣчь о красотѣ революціоннаго суда, о ясности и честности пролетарской совѣсти, о безмѣрной глубинѣ революціоннаго правосознанія, а закончилъ тѣмъ, что Трибуналу, состоящему изъ трехъ истинныхъ коммунистовъ-пролетаріевъ, остается только глубоко вдуматься въ слова обвинителя, ихъ же товарища-коммуниста и показать всѣмъ... всѣмъ... всѣмъ..., что революціонный судъ не ищетъ мести, а идетъ только къ свѣтлой и сіяющей правдѣ, — и эта правда вернетъ Черчіани къ его семьѣ и къ дальнѣйшей работѣ по возстановленію разрушеннаго совѣтскаго транспорта.

Тысячная толпа, наполнявшая залъ суда, на нѣсколько минутъ положительно оцѣпенѣла, но я, зная предсѣдателя суда тов. Ральфа, члена суда тов. Бережанскаго, и ихъ близкія сношенія съ Харитоненко, нисколько не былъ удивленъ, когда послѣ трехчасового совѣщанія, предсѣдатель по этому процессу тов. Ральфъ огласилъ длинный приговоръ, который закончился словами:

«Примѣнить къ гражданину Черчіани высшую мѣру наказанія — разстрѣль...»

Не знаю, какой писатель могъ бы изобразить то, что переживалъ въ ту минуту коммунистъ Синайскій, отвернувшійся отъ всего и ушедшій служить истинной пролетарской революціи и ея честному суду.

Добившись разрѣшенія Исполкома, Синайскій на паровозѣ уѣхалъ въ Харьковъ къ Наркому юстиціи для спѣшнаго доклада о позорномъ для партіи коммунистовъ процессѣ. Изъ Харькова Наркомъ юстиціи телеграфно распорядился о приостановкѣ приведенія въ исполненіе приговора и немедленной высылкѣ всего дѣла Черчіани. Телеграмма прибыла по желѣзнодорожному телеграфу около семи часовъ вечера и, какъ всякая входящая депеша, была сообщена Харитоненко, какъ предсѣдателю желѣзнодорожной Чеки. Въ ту же минуту Харитоненко на автомобилѣ помчался въ тюрьму, захвативъ съ собой двухъ агентовъ изъ Чеки, и, взявъ въ автомобиль Черчіани, выѣхалъ за городъ и привелъ въ исполненіе приговоръ Трибунала.

Когда трупъ Черчіани совершенно остылъ и былъ брошенъ въ одну изъ глубокихъ свалочныхъ ямъ, Харитоненко вернулся въ городъ и, отмѣтивъ, что депеша поступила въ девять часовъ вечера, съ посыльнымъ отправилъ депешу въ Трибуналъ. Голодная барышня, дежурившая въ Трибуналѣ, приняла пакетъ, расписалась и положила пакетъ на столъ постоянного предсѣдателя Трибунала тов. Обуховскаго. На другой день тотъ пришелъ часовъ въ одиннадцать утра въ Трибуналъ и, прочитавъ телеграмму, сейчасъ же позвонилъ въ тюрьму о распоряженіи приостановить исполненіе приговора. Изъ тюрьмы отвѣтили, что вчера часовъ около семи Черчіани былъ увезенъ изъ тюрьмы агентами Чека, а Чека по телефону отвѣтила:

«Поздно, батенька, хватились!... Черчіани уже въ расходѣ!»

И только поздно созданная особая коммиссія выяснила всю исторію съ телеграммой, и въ наказаніе Харитоненко былъ смѣщенъ съ должностей комиссара службы движенія и предсѣдателя желѣзнодорожной Чеки, и, проболтавшись въ

партійномъ комитетѣ около трехъ недѣль безъ дѣла, былъ назначенъ помощникомъ Ворошиловой по завѣдыванію отдѣломъ соціального обезпеченія.

А Синайскому пріятели Харитоненко изъ партійнаго комитета прямо сказали: «Ты, Синаша, нашъ!.. коммунистъ!.. Но больно ты ужъ ученый и мягкій... Поѣзжай ты лучше въ Центръ, а то здѣсь, братъ, плохо кончишь...»

И товарищъ Синайскій переѣхалъ въ Харьковъ.

* * *

Послѣ небольшихъ отрядовъ русской пѣхоты въ городъ вошла сорокъ^я шестая пѣхотная Латышская дивизія. Увидѣвъ этихъ непривѣтливыхъ, угрюмыхъ и бѣлобрысыхъ людей, прекрасно одѣтыхъ и вооруженныхъ, съ поразительной военной выправкой, стали понятны истерическіе вопли въ сводкахъ Добровольческой арміи о пущенныхъ въ бой Троекимъ латышскихъ частяхъ.

Приходъ дивизіи въ городъ напомнилъ намъ первое занятіе города нѣмцами. Латыши съ такою же, какъ нѣмцы, строгой дѣловитостью развернули свой штабъ въ большомъ помѣщеніи Международнаго Банка; въ первый же день прихода они соединили полевыми телефонами квартиры старшихъ чиновъ съ Штабомъ и выпустили приказъ, призывающій населеніе къ спокойствію и содержанію квартиръ, дворовъ и улицъ въ чистотѣ. Послѣднее распоряженіе вызвало искреннее недоумѣніе, такъ какъ на нѣкоторыхъ улицахъ города еще висѣли на деревьяхъ повѣшенные Слащевымъ махновцы, а центральная часть города носила пугающіе слѣды недавней артиллерійской перестрѣлки между Добровольцами и Махно. Подписанъ былъ приказъ командиромъ дивизіи съ какой то особенно трудно выговариваемой фамиліей и адъютантомъ Штаба дивизіи, латышомъ Кампе. На другой же день всѣ эти приказы оказались заклеенными наверху новыми приказами, выпущенными сразу же собравшимися членами Совѣта Рабочихъ и Крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

Дивизіи дали отдохнуть въ городѣ нѣсколько недѣль и потомъ отправили изъ города пѣшимъ порядкомъ въ Александровскъ. Очевидно было, что дивизія направлена противъ «змѣи-Врангеля», о которой съ пѣной у рта говорилъ въ Александровскѣ Троекій.

И какъ въ первые приходы большевиковъ, такъ и на этотъ разъ мы видѣли, что еще не все пропало, что кто-то... гдѣ то задержался, а все чаще и чаще появлявшіяся статьи о засѣвшемъ въ Крыму Врангелѣ вскрывали предъ нами всѣ опасенія большевиковъ въ томъ смыслѣ, что какъ бы изъ этой Врангелевской горсточки, имѣющей морской путь сношенія съ міровой буржуазіей, не выросла новая національная армія.

Близость фронта одно время удерживала большевиковъ отъ возстановленія взорваннаго Махно желѣзнодорожнаго черезъ Днѣпръ моста, но появившаяся и впереди еще предстоявшая переброска войскъ, продовольствія и аммуниціи заставила большевиковъ приступить къ его возстановленію.

Въ этомъ случаѣ большевики, учитывая важность этого моста въ случаѣ расширенія Врангелевскаго фронта, отказались отъ всякихъ коммунистическихъ затѣй и, понимая, что приказами, митингами и воззваніями мостъ не будетъ возстановленъ, объявили самые обыкновенные торги для подрядчиковъ, согласившихся взять на себя работы по ремонту моста.

Вначалѣ большевики рѣшили поставить двѣ новыя желѣзныя фермы и обратились къ Брянскому заводу съ запросомъ, въ какой срокъ заводъ могъ бы взять на себя изготовленіе и укладку этихъ двухъ фермъ. Администрація завода, состоявшая изъ прежнихъ инженеровъ — безъ директора —, вмѣсто котораго былъ назначенъ отъ партіи комиссаръ завода, рабочій-коммунистъ, дѣловито сообщила Центру, что къ изготовленію фермъ заводъ могъ бы приступить при условіи предоставленія достаточнаго для трехмѣсячной работы количества угля, смазочныхъ матеріаловъ и, главное, продовольствія для рабочихъ.

Центръ усмотрѣлъ въ этомъ отвѣтѣ саботажъ, и въ Екатеринославъ пріѣхала особая комиссія съ профессоромъ Ломоносовымъ, инженеромъ-коммунистомъ Вайцманомъ и нѣсколькими сотрудниками изъ Всеукраинской Чека.

Комиссія осмотрѣла мостъ, бѣгло осмотрѣла мертвые цехи Брянскаго завода и уѣхала въ Харьковъ.

Репортеръ совѣтскихъ «Извѣстій», давъ замѣтку о пріѣздѣ комиссія, такъ былъ очарованъ любезностью Ломоносова, что закончилъ замѣтку словами: — «Послѣ завтрака въ салонъ-вагонѣ профессоръ Ломоносовъ отбылъ въ Харьковъ».

За слово «отбылъ» репортеръ попалъ въ Чеку и, заболѣвъ тифомъ, былъ выданъ родственникамъ для домашняго лѣченія.

Убѣдившись, что на капитальный ремонтъ моста рассчитывать не приходится, большевики, забрасывая Брянскій и Каменскій заводы запросами, стали пробовать сдать ремонтъ моста частнымъ подрядчикомъ, требуя устройства временныхъ деревянныхъ настиловъ, годныхъ для движенія поѣздовъ. Взались за дѣло частные подрядчики, подвезли немного угля Брянскому заводу, дали немного нефти заводу Гантке и работа на мосту пошла. Матеріалы лѣсные реквизировались, и двѣ колоссальныя лѣсныя пристани, имѣвшія огромные склады строительнаго лѣса, были по льду перетащены къ мосту. Кое-какъ пошла работа въ Брянскомъ заводѣ, изъ случайнаго подбора разныхъ старыхъ кусковъ фермъ скомбинировали одну цѣлую и надежную ферму; частные подрядчики дѣлали деревянный настилъ и деревянные устои, заводъ Гантке изготовилъ около двухъ тысячъ пудовъ болтовъ, и работа по возстановленію моста успѣшно двигалась. Рабочимъ платили не по ставкамъ, а сдавали работы сдѣльно и артелямъ; матеріалы, которые не удавалось реквизировать, покупали и платили высокія спекулятивныя цѣны; подрядчикамъ выдавали крупные авансы; рабочимъ, кромѣ платы по соглашенію, отпускали полный красноармейскій боевой паекъ, состоявшій изъ полутора фунтовъ хлѣба, полуфунта мяса, сала, сахару, табаку, спичекъ...

Принципы коммунистическаго производства были большевиками отброшены; инженерамъ, техникамъ и надсмотрщикамъ выдавались частыя и крупныя денежныя и продовольственныя награды. Работа пошла такимъ быстрымъ и успѣшнымъ темпомъ, что когда въ концѣ апрѣля большевики объявили пробу моста, какъ то не вѣрилось, что большевики что-то сумѣли создать.

Первый поѣздъ прошелъ по мосту съ пустыми вагонами; потомъ былъ пущенъ второй поѣздъ съ грузомъ и нѣсколько увеличенной скоростью, а спустя нѣсколько дней черезъ мостъ часто проползали длинныя товарныя составы, изъ вагоновъ которыхъ выглядывали красноармейцы и виднѣлись лошади.

Началась переброска войскъ на западъ, гдѣ, какъ мы только потомъ узнали, шла жестокая война съ поляками. Тогда всѣмъ стала понятна щедрость и честность большевиковъ при возстановленіи моста. Въ официальныхъ совѣтскихъ «Извѣстіяхъ» стали появляться сводки съ западнаго фронта и часто упоминались имена Савинкова, Балаховича...

* * *

Когда выяснилась паличность у большевиковъ двухъ серьезныхъ фронтовъ, наиболѣе непримиримые къ совѣтской власти рѣшили не идти къ большевикамъ работать и, разыскавъ старыя карты русско-германской войны, вечерами создавали разныя стратегическія комбинаціи и вычисленія, по которымъ выходило такъ, что въ концѣ августа, въ одинъ и тотъ же день, Екатеринославъ будетъ занятъ съ запада поляками, а съ юга — Врангелемъ, а большевики окажутся «въ кольцѣ». А пока что жены выносили на толкучій рынокъ старенькіе штаны, «все равно ненужный черный сюртукъ», «и такъ безъ дѣла стоящій» спиртовой кофейникъ и, смѣясь, продавали «какимъ то дуракомъ выдуманная» большія хрустальныя вазы... Надо вѣдь только до августа продержаться, а тамъ ужъ, будьте покойны!.. Врангель, павѣрное, съ

нѣмцами, и поляки съ французами, и теперь-то ужъ большевикамъ крышка!.. А пока фракъ-то все равно не нуженъ, можно его и продать, да кстати и посуды много!..

Дамы проводили цѣлые дни на рынкѣ, продавая вещи, шутя и улыбаясь, а вечеромъ голодные возвращались домой и думали о томъ, что фракъ мужа продавать-то и не слѣдовало, а лучше было бы «загнать» эти утомляющія глаза тяжелыя драпировки. Утромъ выносились на базаръ драпировки и эта «теперь совершенно ненужная» настольная электрическая лампа. А непримиримые сидѣли дома и часами, не отрываясь, комбинировали по картѣ.

И вдругъ какъ громомъ ударило всѣхъ воззваніе къ русскимъ людямъ, русскому народу и русскому офицерству о вступленіи въ ряды красной арміи на борьбу съ поляками, подписанное Брусиловымъ, Клембовскимъ, Гуторомъ и Заіончковскимъ...

Слова «матушка-Россія» рядомъ со словами «геройски сражающаяся красная армія» и подписи видныхъ русскихъ генераловъ истинныхъ недавнихъ народныхъ героевъ.

Мнѣ вспомнился генераль Гуторъ, когда онъ, какъ председатель Одесскаго Военно-окружного Полевого Суда, часто наѣзжалъ къ намъ съ сессіей Суда и ликвидировалъ остатки революціонныхъ броженій девятьсотъ седьмого года. Что ни дѣло, то смертная казнь чрезъ повѣшеніе, и вдругъ этотъ старый царскій вѣшатель, заодно съ большевиками, призываетъ русскій народъ къ защитѣ совѣтской власти... Или Брусиловъ!.. Нѣтъ, неправда!.. Очередной большевистскій обманъ!..

Но скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что Гуторъ, это тотъ самый царскій вѣшатель, и что Брусиловъ — это тотъ самый нашъ родной... русскій... народный герой Львова и Перемышля...

И непримиримые стали падать духомъ...

Измѣнилъ Россіи, предалъ народъ Брусиловъ!.. — такъ сколько же за нимъ пойдетъ слабыхъ и колеблющихся? А гдѣ же настоящая Россія, если Брусиловъ зоветъ Россію подъ красныя знамена интернаціонала на борьбу съ поляками?..

Насколько это воззваніе произвело на непримиримыхъ страшное и подавляющее впечатлѣніе, — въ такой же противоположной мѣрѣ сильно это подѣйствовало на колеблющія массы, и самъ Г. Зиновьевъ на митингъ въ Харьковѣ открыто сознался, что Кремль пораженъ тѣмъ патріотическимъ подъемомъ, который вызвало воззваніе русскихъ генераловъ.

«Мы, говорилъ онъ, никогда не думали, что Россія имѣетъ столько патріотовъ, ибо въ первый же день появленія воззванія на улицахъ Москвы въ Военный Комиссаріатъ являлись тысячи офицеровъ, ранѣе отъ службы въ красной арміи уклонившіеся, и десятки тысячъ интеллигентовъ, рабочихъ, и изъ деревни крестьянъ.»

Выброшенный тогда Троцкимъ лозунгъ «Воръ въ домъ», связанный съ содержаніемъ Брусиловскаго воззванія, вызвалъ въ арміи большой подъемъ. И когда на улицахъ города появились воззванія Брусилова и зажигательный лозунгъ Троцкаго, — къ нашему губернскому военному комиссаріату въ лихорадочномъ возбужденіи спѣшили и офицеры, и рабочіе, и отдѣльные, ранѣе колебавшіеся, интеллигенты.

«Кому-кому, говорили они, но только не Польшѣ подавлять русскую революцію и не имъ вмѣшиваться въ русскую жизнь... Мы, говорили они, идемъ сейчасъ не защищать большевиковъ, къ чему насъ предательски призываетъ Брусиловъ, а идемъ только изгнать поляковъ изъ русской земли, помня, что, когда придетъ часъ съ большевиками мы справимся сами, и ужъ, во всякомъ случаѣ, безъ помощи Польши!..»

За двѣ-три недѣли до появленія воззванія Брусилова, въ сводкахъ глухо сообщалось объ угрожающей со стороны поляковъ опасности Кіеву, а когда къ нашимъ пристанямъ пристало нѣсколько пароходовъ, съ которыхъ сносили трупы большевиковъ, убитыхъ пулеметнымъ огнемъ съ польскаго аэроплана, стало яснымъ, что Кіевъ «приказалъ намъ долго жить» и что волна польскаго наступленія широко разлилась по всей Украинѣ.

Приѣхавшая особымъ поѣздомъ Кіевская Чека, еще до появленія официальной сводки, привезла вѣсть о занятіи Кіева поляками и о страшныхъ потеряхъ въ рядахъ красныхъ войскъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, Кіевскіе чекисты выѣхали со всѣмъ своимъ багажомъ къ Харьковъ, и это опредѣленно указывало на то, что поляки продвигаются отъ Кіева глубже на Украину, и что надежды на скорое возвращеніе въ красный Кіевъ чекисты не имѣютъ.

Съ сѣвера на западъ непрерывно шли поѣзда съ войсками, пушками... Съ Крымскаго фронта были сняты лучшія коммунистическія части и переброшены на западъ, и Врангель, почувствовавъ слабость и немногочисленность красныхъ, впервые сталъ выходить изъ Крыма.

* * *

Почувствовавъ непрочность положенія Совѣтской власти на Украинѣ, узнавъ о сохранившемся ядрѣ новой русской арміи, идущей изъ Крыма на большевиковъ, имѣющей на своихъ знаменахъ лозунги: земля — крестьянамъ, — мужички стали исподтишка рѣзать коммунистовъ и открыто не выполнять совѣтскихъ распоряженій.

Отъ добровольной сдачи продовольственной разверстки крестьяне отказались, и, при существованіи на Украинѣ польскаго и Врангелевскаго фронтовъ, большевикамъ пришлось формировать особые продовольственно-карательные отряды по принудительному отобранію у крестьянъ зерна, скота, масла, птицъ и яицъ, въ нормахъ, опредѣленныхъ продовольственной разверсткой.

Не предпринимая никакихъ самостоятельныхъ выступленій, деревня ожидала прихода къ ней продовольственно-карательнаго отряда и только тогда выявляла всю свою звѣриную озлобленность и хитрость.

Не имѣя никакихъ свободныхъ воинскихъ частей, большевики объявили специальную мобилизацію на новый продовольственный фронтъ, который, какъ гласили мобилизаціонные приказы, нисколько не угрожая жизни идущихъ на этотъ фронтъ, — въ то же время является опаснѣйшимъ фронтомъ для жизни и существованія всей Совѣтской власти, если мобилизація на этотъ фронтъ не дастъ тѣхъ результатовъ, на которые разсчитываетъ власть трудящихся.

Мобилизація была проведена черезъ профессиональные союзы на томъ принципѣ, что всякое предпріятіе, учрежденіе, заводъ или фабрика, мастерская или кустарная организація обязана предоставить въ распоряженіе Особой Продовольственной тройки по четыре челоуѣка на каждые сто числившихся въ предпріятіи людей. Такимъ образомъ, предпріятіе, имѣвшее хотя бы пять-шесть челоуѣкъ, должно было дать Тройкѣ одного «продовольственника»; учрежденіе, имѣвшее до двадцати пяти челоуѣкъ, обязывалось дать не менѣе двухъ «продовольственниковъ»; имѣвшее до пятидесяти челоуѣкъ — не менѣе трехъ, а имѣвшія свыше пятидесяти челоуѣкъ — по четыре «продовольственника». До этой мобилизаціи и въ теченіе самой мобилизаціи большевики развили усиленную агитатію за продовольственный фронтъ, посылая въ учрежденія, фабрики и заводы специальныхъ ораторовъ, увѣрявшихъ массы въ томъ, что надо только умѣло и тонко подойти къ крестьянину — и онъ отдастъ все, что по продовольственной разверсткѣ положено.

Отряды формировались изъ двѣнадцати лицъ, имѣвшихъ на себѣ чисто хозяйственныя по сбору разверстки функціи; изъ восемнадцати кавалеристовъ при одномъ пулеметѣ, имѣвшихъ на себѣ функціи карательнаго характера на случай отказа деревни отъ добровольной сдачи продразверстки, и во главѣ этихъ тридцати челоуѣкъ отъ партійнаго комитета ставился одинъ коммунистъ, которому весь отрядъ подлежалъ безусловно, по фронтовому, подчиненію, и который, къ тому еще, носилъ на себѣ обязанности чисто партійныя по произношенію предъ крестьянами рѣчей, развитію предъ ними всей красоты коммунистическихъ идей и долженъ былъ продѣлать намѣченную партіей работу по сближенію крестьянина съ городскимъ пролетаріатомъ.

Эта мобилизація, какъ для безпартійныхъ, такъ и для коммунистовъ была болѣе страшна, чѣмъ посылка на настоящій боевой фронтъ, такъ какъ къ этому времени въ районѣ всей Екатеринославской губерніи стали снова организовываться повстанческіе отряды, и неуловимымъ чортомъ по деревнямъ носился батько Махно. На этотъ разъ его постоянная боевая база, село Гуляй-Поле, находилось какъ разъ посрединѣ фронта между большевиками и Врангелемъ, и, забравшись съ незначительнымъ отрядомъ въ лѣса Павлоградскаго уѣзда, онъ продѣлывалъ свою обычную работу по ограбленію воинскихъ поѣздовъ, порчѣ путей, взрыву и поджогу мостовъ, и совершенно случайно Врангель пріобрѣлъ полезнаго союзника, наносившаго большевикамъ колоссальный ущербъ въ дѣлѣ снабженія ими частей, противопоставленныхъ Врангелю.

Большинство всадниковъ, бѣжавшихъ послѣ поразительнаго уничтоженія Жлобы и укрывшихся въ лѣсахъ, спасаясь отъ Врангеля, тамъ встрѣтились съ зелеными повстанческими отрядами Махно и коммунистическій интернаціональ промѣняли на безпечное, разгульное житіе лѣсныхъ разбойниковъ. Большевики сейчасъ же всенародно объявили Махно внѣ закона, но это нисколько не помѣшало ему самымъ жестокимъ и беспощаднымъ путемъ истреблять не только коммунистовъ, но даже все то, что носило на себѣ хотя бы какіе нибудь слѣды коммуны.

Узнавъ, что въ Павлоградѣ находится главная полевая касса Крымской группы красныхъ войскъ, и зная, что въ этой кассѣ находится золотая русская и иностранная валюта, Махно всему своему отряду нацѣпилъ на папахи коммунистическія звѣзды, приказалъ сшить красные флаги и вечеромъ двинулся къ Павлограду. Застава у самага города, увидѣвъ приближавшихся кавалеристовъ со стороны ст. Зайцево, ничего подозрительнаго не подумала, такъ какъ по этому пути часто пѣшимъ и коннымъ порядкомъ шли на фронтъ войска. Вплотную приблизившись къ заставѣ, отрядъ дружно запѣлъ:

«Мы на горе всѣмъ буржуямъ
міровой пожаръ раздуемъ!..»

и совершенно свободно въѣхалъ въ городъ, распѣвая:

«Это будетъ послѣдній
и рѣшительный бой!..»

Подѣхали къ дому, гдѣ помѣщалась касса, расположились вокругъ дома незамѣтно такъ, что выйти изъ ихъ круга стало невозможнымъ, и впустивъ уже поздно ночью въ помещеніе своихъ болѣе испытанныхъ друзей, спокойно вступили въ бесѣду съ наружнымъ карауломъ. Внутри, тѣмъ временемъ, часовые были связаны, вся наличность кассы была размѣщена по карманамъ, и съ такими же веселыми пѣснями отрядъ вышелъ изъ города, исчезнувъ снова въ густо заросшихъ лѣсахъ.

Продовольственно-карательные отряды были сформированы, причѣмъ кавалеристовъ Исполкомъ взялъ на временное пользованіе изъ Особыхъ кавалерійскихъ отрядовъ Чека, изъ особыхъ отрядовъ войскъ внутренней охраны Республики, носившей сокращенное названіе «Вохра». Партийный комитетъ выставилъ и прикрѣпилъ къ отрядамъ самыхъ тупыхъ и бездарныхъ коммунистовъ, нерѣдко совершенно безграмотныхъ.

Меня удивилъ такой выборъ партіи на весьма отвѣтственную и чрезвычайно важную работу, и когда я мое удивленіе высказалъ коммунисту Шаляхину, считавшемуся въ партіи крайне правымъ, онъ, махнувъ рукой, досадливо сказалъ:

«Да такъ, знаете... Все равно они не вернуться, такъ для партіи хотя бы не будетъ замѣтной потери...»

И Шаляхинъ, знавшій больше меня, помиловавшаго контръ-революціонера, былъ правъ; не прошло и трехъ дней, какъ въ городъ стали возвращаться отдѣльные продработники, еле спасшіеся отъ жестокой и коварно-хитрой мести крестьянъ.

Въ село Перещепино былъ высланъ удвоенный продовольственно-карательный отрядъ, такъ какъ это село лежало вблизи района дѣйствій Махно и отличалось вообще не очень нѣжной любовью къ коммунѣ.

Вѣхавшій отрядъ крестьяне встрѣтили угрюмо. На небольшой площади предъ школой, гдѣ помѣщался комитетъ деревенской бѣдноты, глава отряда, коммунистъ, выступилъ предъ крестьянами съ рѣчью, доказывая, что они должны сдать разверстку, иначе армія уйдетъ съ фронта и сюда придутъ польскіе паны и Врангелевскіе золотопогонники. Они должны сдать продналогъ, такъ какъ Совѣтская власть дала имъ всю землю помѣщиковъ, и сейчасъ всякій крестьянинъ можетъ обработать земли столько, сколько ему самому захочется.

Крестьяне молча слушали оратора, и когда тотъ кончилъ, заявили, что они все согласны сдать продналогъ, только у нихъ нѣтъ ни одного мѣшка, и предложили оратору пойти съ ними до «млына» и тамъ выяснитъ дѣло съ мѣшками. Коммунистъ отъ счастья просіялъ; приказалъ всадникамъ разсѣдлатъ лошадей и, бесѣдуя съ окружившими его крестьянами, направился съ ними къ млыну... Только они вернулись къ млыну, послышался частый пулеметный огонь, и въ ту же секунду коммунистъ свалился, получивъ въ упоръ выстрѣлъ въ черепъ. Изъ ловко скрытыхъ и умѣло разставленныхъ пулеметовъ крестьяне перебили до одного весь отрядъ. Коммунисту крестьяне вскрыли животъ, всыпали въ брюшную полость зерна, привязали къ груди записку съ надписью: «получайте продналогъ» и съ однимъ оставшимся въ живыхъ, но тяжело раненымъ продработникомъ, на подводѣ отправили трупъ въ городъ...

И по всей губерніи, какъ и во всей тогда клокотавшей Украинѣ, въ томъ или другомъ видѣ, повторялись такія же картины.

* * *

Предпринимая шаги къ ограбленію крестьянства, подъ предлогомъ продовольственной разверстки, большевики рѣшили порыться и въ сундукахъ рядового городского обывателя, и тогда по инициативѣ Г. Зиновьева, восторгавшагося въ Харьковѣ патріотическимъ подъемомъ русскаго народа, первымъ починомъ въ Харьковѣ, а потомъ уже и по всей Украинѣ и Россіи, была устроена «недѣля бѣдноты».

Модныя тогда безпартійныя конференціи устраивались по всякому поводу и безъ всякаго повода. Этими конференціями коммунисты пытались выяснитъ подлинное лицо и настоящія мысли безпартійной массы, что имъ, понятно, не удавалось... На одну изъ такихъ конференцій пріѣхалъ старый знакомый Васька Аверинъ, въ то время бывший на посту Предсѣдателя Харьковскаго Губернскаго Исполнительнаго Комитета. И около часу ночи по улицамъ города разсыпались «пятерки», имѣвшія въ себѣ одного коммуниста на четырехъ безпартійныхъ. По улицамъ были разставлены частые патрули, и «пятерки», беря съ собой предсѣдателя домового комитета, входили въ квартиры и производили «изъятіе излишковъ». Послѣ этой ночи многіе остались совершенно нищими, ибо «пятерки», взвинченныя зажигательной рѣчью Аверина, и состоящія хотя и изъ безпартійныхъ, но изъ тѣхъ же пролетаріевъ, которые за время революціи въ корнѣ измѣнили обычные взгляды на чужую собственность и въ особенности на фабрично-заводское имущество, продѣлывали ночной грабежъ съ рѣдкимъ ожесточеніемъ и оставляли обывателямъ по одной парѣ бѣлья. Забирали все: бѣлье, наличныя деньги, превышавшія сумму въ двадцать тысячъ совѣтскихъ рублей, золотыя часы, кольца, портсигары, ложки, а въ квартирахъ буржуазныхъ взламывали полы и частенько извлекали оттуда, казалось бы такъ надежно спрятанныя, брилліанты.

Городъ былъ ограбленъ такъ, какъ не грабили его ни пьяные казаки генерала Ирманова, ни дикіе чеченцы пьянаго Слацова!

Грабежъ былъ продѣланъ именно такъ, какъ объ этомъ со скрежетомъ зубовымъ говорилъ Аверинъ.

«Мы, говорилъ онъ, должны сейчасъ пройти по квартирамъ мелкой, средней и высшей буржуазіи и организовано ограбить у нея всѣ тѣ излишки, которые позволяютъ буржуазіи, не служа и не работая у Совѣтской власти, нормально питаться и ждать изъ Кіева поляковъ, а изъ Крыма Врангеля... Мы должны ограбить у буржуазіи тѣ народные милліарды, которые хитрая буржуазія превратила въ шелковое бѣлье, мѣха, ковры, золото, мебель, картины и посуду... Мы должны все это у буржуазіи отобрать и раздать пролетаріямъ и заставить буржуазію за паекъ пойти на работу къ Совѣтской власти!»

Вѣроятно, послѣдній намекъ Аверина на раздачу отобраннаго пролетаріямъ вызвалъ у нихъ такіе грабительскіе инстинкты, ибо мнѣ лично пришлось долго слезно упрашивать «товарища» оставить мнѣ бѣлую клеенку, которая нужна была тогда моей болѣвшей женѣ.

Забравъ все же клеенку, онъ съ какимъ то особымъ удовольствіемъ сказалъ:

«Ничего... Когданибудь и моя жена заболѣетъ!..»

«Дай, Господь!» въ тонъ отвѣтилъ я ему.

Десятки пудовъ серебра, мѣшки золота и большое количество брилліантовъ было въ ту ночь забрано у населенія, а къ утру, до сдачи на центральный сборный пунктъ, цѣнности таяли, и спустя нѣсколько дней многіе коммунисты подали заявленія объ усталости, прося разрѣшенія выйти изъ рядовъ партіи.

Цѣнности въ ничтожномъ количествѣ были сданы на храненіе въ Финотдѣль тов. Каменскому и Гальперсону, которые тоже продѣлали какія то ловкія комбинаціи по извлеченію брилліантовъ и всаживанію дешевыхъ рубиновъ, а то и простого шлифованнаго мальцевскаго стекла.

Была назначена особая комиссія по распредѣленію изъятыхъ у буржуазіи излишковъ, и надо было видѣть лица пролетаріевъ, когда на заводы имъ привезли старые рваные штаны, рубахи въ заплаткахъ, похожіе на тряпье съ торчавшими ключьями ваты пальто, и ни одной мѣховой шубы, ни одного пиджака, ни одной пары цѣлыхъ брюкъ, тогда, когда они сами кучами изъ почти каждой квартиры выносили новое бѣлье, свѣжее платье, хорошія пальто, мѣховыя вещи, ковры, люстры, дорогую посуду, художественные альбомы, фарфоровыя статуэтки, электрическіе кофейники и еще много, много разныхъ вещей нормальнаго средне-буржуазнаго обихода.

Но «съ собаки и шерсти клокъ».

Рабочіе, глухо ругаясь, брали и это тряпье, увидѣвъ, что даже въ такомъ чисто воровскомъ дѣлѣ, гдѣ этика всегда соблюдается строго, большевики тоже оказались вѣрными своему постоянному поведенію и девизу: «грабь награбленное».

* * *

Въ Кіевѣ какъ будто прочно засѣли поляки и уже нѣсколько замедленнымъ темпомъ продвигались внизъ по Днѣпру.

Изъ Мелитополя частенько, дѣйствительно, по змѣиному выползали Врангелевскія части и, впуская жало въ красныя полки, снова убѣгали на длительную паузу.

Безконечно рѣзвился Махно, совершая частые налеты на Александровскъ, Лозовую, Павлоградъ и Синельниково, несмотря на то, что на этомъ участкѣ непрерывно проходили красныя воинскія части.

Какъ то утромъ по желѣзнодорожному мосту, направляясь въ городъ, прошла кавалерія, поразительно похожая на еще сохранившуюся въ памяти кавалерію генерала Шкуро...

Тѣ же худыя лошаденки; всадники съ скуластыми и улыбающимися лицами, лукаво выглядывавшими изъ подъ высокихъ мохнатыхъ папахъ.

Неописуемо было удивленіе, когда этотъ отрядъ, въѣхавъ въ городъ, рассыпался на небольшія группы въ три-пять всадника и занялъ тѣ самыя конюшни, въ которыхъ эти же лошади съ этими же казаками стояли, будучи въ рядахъ конницы Шкуро.

Казакѣ улыбаѣлись и говорили, что они противъ коммуны, но и противъ поляковъ, и что если бы Деникинъ не повѣсилъ ихъ Кубанскихъ вождей изъ Рады, то они взяли бы Москву, и Россія была бы Россіей, но и казачество имѣло бы свою самостоятельность. А теперь ни ему, ни намъ, а чертямъ — коммунистамъ!.. Мы, говорили казаки, сейчасъ всѣ идемъ на поляковъ, и вотъ завтра увидите много старыхъ знакомыхъ!..

Съ трепетомъ ожидали мы прихода старыхъ знакомыхъ, ожидая новыхъ грабежей...

Но каково было видѣть, когда непрерывной лентой въ теченіе трехъ дней шли казаки черезъ городъ, останавливаясь, застрявшей къ ночи частью, на ночлегъ въ городъ, и не только ни одного ограбленія, но ни одного выкрика не было слышно.

Въ старыя квартиры на нѣсколько минутъ, «чтобы повидаться», заворачивали бывшіе добровольческіе хорунжіе, сотники и есаулы, безъ погонь, но съ какими то нашивками на рукавѣ.

Днемъ въ городѣ играли три оркестра музыки, и Буденный съ Ворошиловымъ, оба верхомъ, съ восторженными криками «ура» и «даешь Варшаву!», пропускали мимо себя десятки тысячъ сыновъ Дона и Кубани.

За три дня сплошной лентой черезъ Екатеринославъ, направляясь на западъ, прошло свыше сорока пяти тысячъ всадниковъ, и тѣ же самые казаки, которые всего только годъ тому назалъ день и ночь грабили городъ, сейчасъ проѣхали по городу, какъ лучшая изъ лучшихъ дисциплинированныхъ армій.

Чтобы поднять настроеніе населенія большевики выпустили плакаты о поимкѣ частями Буденнаго бандита Махно, но части Буденнаго давно и далеко ушли за Екатеринославъ, и спустя два дня мы узнали, что Махно вырѣзалъ весь Лозовскій Исполкомъ.

Заѣхавшій къ намъ повидаться казакъ, кѣмъ то умышленно уязвленный тѣмъ, что нынѣ служить и идетъ на бой подъ командой «жида-Троцкаго», горячо и убѣжденно возразилъ:

«Ничего подобнаго! Троцкій не жидъ... Троцкій боевой!.. Нашъ!.. Русскій!.. А вотъ Ленинъ тотъ — коммунистъ... жидъ, а Троцкій — нашъ... боевой... русскій!.. Нашъ!»

И хлестнувъ нагайкой коня, помчался догнать ушедшихъ далеко впередъ товарищей...

* * *

Въ виду опасности, угрожавшей со стороны Врангеля, Исполкомомъ рѣшено было начать постепенную разгрузку города и эвакуацію наиболѣе цѣннаго имущества. Въ первую очередь принялись за заводы. Съ большого завода Гантке было погружено въ вагоны свыше восьмидесяти тысячъ пудовъ гвоздей, болтовъ, гаскъ, разной обработанной проволоки; весь магазинъ завода, впоследствии разграбленный, частью во время погрузки, а частью изъ вагоновъ, былъ погруженъ въ двѣнадцать вагоновъ; тамъ было: три вагона олова, цинка и свинца; два вагона электрическихъ лампъ и различныхъ электрическихъ принадлежностей; ремни кожаные и резиновые; какіе то особые химическіе препараты.

Такіе же матеріалы, но въ значительно болѣе крупныхъ количествахъ, были погружены съ Брянскаго завода, двухъ заводовъ Шодуара. Съ небольшихъ заводовъ, какъ «Старръ и Ко», «Гвоздильный заводъ бр. Фрумкинскихъ», большевики сняли съ установокъ и погрузили въ вагоны менѣе тяжелые и наиболѣе дорогие гвоздильные и шилечные станки.

Изъ Екатеринослава было вывезено больше пятисотъ вагоновъ заводскихъ цѣнностей, безъ которыхъ заводы оказались мрачными и безжизненными инвалидами. Безъ охраны, безъ описи, вагоны были двинуты на Харьковъ, Москву и Саратовъ, но такъ какъ на Синельниково часто палетали и Врангель, и Махно, большевики рѣшили все эвакуируемое имущество направлять черезъ Пятихатку на Кременчугъ и кружнымъ путемъ двигать эвакуацію на сѣверъ.

За дѣло взялся и тов. Трепаловъ, имѣвшій переполненныя тюрьмы контръ-революціонеровъ, саботажниковъ и бандитовъ. Какъ предсѣдатель Чеки, онъ потребовалъ составить ему списокъ наиболѣе видныхъ контръ-революціонеровъ, саботажниковъ и бандитовъ, и когда въ списокѣ набралось около пятидесяти человекъ, онъ противъ фамилій, наиболѣе ему не понравившихся, писалъ сокращенное «рас», что означало — расходъ, т. е. расстрѣль. Помѣтки онъ дѣлалъ толстымъ краснымъ карандашомъ и такъ, что его помѣтки не всегда были противъ той фамиліи, которую онъ отмѣчалъ, а мѣстами нѣсколько выше или немного ниже.

Когда былъ полученъ приказъ эвакуировать Чека, первымъ оставилъ городъ Трепаловъ, а чекисты, получивъ списокъ, стали разбираться въ немъ, кого слѣдуетъ выпустить, а кого надо вывести въ расходъ; но такъ какъ помѣтки Трепалова были сдѣланы небрежно, то и въ отдѣльныхъ случаяхъ трудно было установить, къ какой собственно фамиліи относятся буквы «рас»...

И чтобы не выпустить случайно какого-нибудь замореннаго контръ-революціонера, одинъ изъ чекистовъ прямо рѣшилъ:

«Чего тамъ, товарищи, копаться... Вали всѣхъ!»

И всѣ пятьдесятъ были «выведены въ расходъ», во славу власти рабочихъ и крестьянъ. —

Эвакуація города въ десятыхъ числахъ сентября шла горячимъ темпомъ; семьи коммунистовъ изъ коммунистическихъ общежитій были переведены на стояншіе подъ парами пароходы, каждую минуту готовые къ отплытію на Кременчугъ; на заборахъ, стѣнахъ и столбахъ красовались проклятія на голову контръ-революціонной змѣи, которой только изъ за предательства сидящихъ въ штабѣ бѣлыхъ офицеровъ не удалось размоzzжить голову такъ же, какъ размоzzжили черепъ гаду Деникину... Но это еще не конецъ!! Пролетаріатъ себя еще покажетъ!.. И остающіеся въ городѣ пролетаріи пройдутъ еще одно послѣднее испытаніе и вѣрятъ, что Совѣтская власть еще вернется и ужъ навсегда освободитъ ихъ отъ ига бѣлыхъ генераловъ!..

Все это оказалось ненужнымъ...

Двадцатаго сентября Врангелевскія части со стороны Синельниково и со стороны Никополя двинулись къ Екатеринославу, имѣя впереди въ паникѣ убѣгавшія, разрозненныя красныя части и, подойдя къ ст. Игрень со стороны Синельниково и къ Каменкѣ со стороны Никополя, остановились въ шести-восьми верстахъ отъ совершенно оставленнаго большевиками города.

А на утро двадцать перваго сентября опять отошли за Синельниково въ то время, когда большевики въ паническихъ бѣгствѣхъ были уже далеко за Пятихаткой. —

Получивъ свѣдѣнія о новомъ отходѣ Врангеля, большевики стали осторожно приближаться къ городу, и, по мѣрѣ ихъ подхода къ городу, Врангелевскія войска отходили все глубже на югъ, и къ тому моменту, когда войска Врангеля отошли къ Александровску — большевики снова вошли въ городъ, находясь все время въ полной боевой готовности и держа военныя учрежденія и госпитали въ полуразвернутомъ видѣ.

Въ самыхъ первыхъ числахъ ноября казаки и махновцы ворвались въ Крымъ, и вскорѣ вылавливали офицеровъ въ Керчи, Феодосіи, Севастополѣ и Ялтѣ. —

А двадцать четвертаго ноября, особымъ приказомъ по Крымской арміи, Фрунзе потребовалъ у Махно, помогавшаго ему въ наступленіи на Крымъ, расформированія его частей, несмотря на то, что по заключенному соглашенію Махновскіе отряды должны были оставаться самостоятельными боевыми единицами, только въ оперативныхъ вопросахъ подчиненными штабу Крымскаго фронта.

На добровольное расформированіе отрядовъ, для разсылки ихъ по различнымъ краснымъ частямъ красной арміи, Фрунзе предоставилъ Махно срокъ въ два дня до двадцать шестого ноября, но уже двадцать пятаго ноября Махно, имѣвшій свои главныя силы по эту сторону перешейка, и сдѣлавшій видъ, что на такое расформированіе онъ соглашается, вывелъ изъ Крыма ворвавшіяся туда вмѣстѣ съ красными

свои найбільше горячія передовія части, и его вновь раздавшійся разбойничій свистъ разнесся по Екатеринославщинѣ, Полтавщинѣ, Черниговщинѣ и Херсонщинѣ.

За одержаніе побѣды надъ Врангелемъ и за очищеніе послѣдняго островка отъ остатковъ русской контръ-революціи, постановленіемъ ВЦИКА, Фрунзе получилъ званіе «Крымскій герой».

О томъ, что происходило въ Крыму, до насъ доходили самыя смутныя слухи; въ Крымъ пропускали только по особымъ пропускамъ Всеукраинскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, а выпускали исключительно по особымъ ордерамъ, подписаннымъ Бела-Куномъ.

Шли предварительныя переговоры съ поляками о перемиріи, и наступившая жестоко-холодная зима сковала всѣ мысли, чувства и вѣру въ то, что когда нибудь, кѣмъ нибудь будетъ смятенъ опутавшій Россію красный кошмаръ.

Жуткими зимними вечерами, въ нетопленной комнатѣ, при еле мерцавшемъ огонькѣ коптилки, мрачными и печально траурными тѣнями вырисовывались Колчакъ, Юденичъ, Деникинъ, Врангель, и, какъ что-то далекое, давно ушедшее, блѣдно и свято выплывали Алексѣевъ, Корниловъ, Духонинъ и тѣ тысячи безвѣстныхъ, которые за честь Родины, за святость Земли Русской, безъ траура, молча сложили свои головы на великомъ просторѣ родныхъ полей...

* * *

Въ совѣтскихъ учрежденіяхъ храбро боролись съ холодомъ совѣтскіе служащіе, сжигая въ желѣзныхъ печахъ письменныя столы, стулья, бумаги.

Тифъ свирѣпствовалъ, унося ежедневно десятки людей; расположенные въ городѣ красныя пѣхотинцы, изнывая отъ холода въ нетопленныхъ казармахъ, выходили ночью на охоту и снимали съ жилыхъ построекъ наружныя деревянныя лѣстницы.

Дѣти въ пріютахъ и больные въ больницахъ умирали отъ холода и голода.

Изыскивая средства полученія топлива, Исполкомъ предложилъ Комунхозу намѣтить брошенные буржуазіей дома, которые теперь, придя въ негодность, могли бы быть снесены съ тѣмъ, чтобы лѣсъ отъ построекъ былъ распределенъ на топливо для больницъ, пріютовъ и казармъ.

Коммухозъ указалъ десятокъ домовъ, которые могли бы еще простоять добрую полсотню лѣтъ, и началась разборка домовъ. Каждый рабочій, уходя съ работы, уносилъ съ собой «шабашку», а потомъ, вмѣсто «шабашекъ», у рабочихъ появились малыя санки, на которыя все же укладывалось четыре-пять пудовъ дровъ.

Приставленные на ночную охрану лѣса милиціонеры всю ночь стрѣляли въ воздухъ, непрерывно нагружая подводы и сани, отправляя дрова своимъ домой, знакомымъ и пріятелямъ.

А когда большіе каменные дома были разобраны, Гублѣскомъ явился за полученіемъ лѣса, и ему было показано на сваленныя въ кучу водосточныя грубы и на старое, проржавленное кровельное желѣзо.

И вся затѣя кончилась тѣмъ, что въ разныхъ частяхъ города торчали голыя каменные стѣны, зіявшія дырами бывшихъ оконъ и дверей.

Страдавшіе отъ жестокихъ морозовъ и въ холодныхъ учрежденіяхъ совѣтскіе служащіе снимали ставни съ оконъ и кое какъ топили печи; служащіе желѣзнодорожнаго отдѣла попытались ввести отопленіе нефтью и послѣ перваго же опыта вызвали пожаръ, уничтожившій весь громаднй корпусъ Управленія, идущій вдоль по Проспекту.

Чека нашла поводъ объявить, что контръ-революція снова начинаетъ протягивать свои костлявыя руки къ мирному существованію Республики и, не имѣя открытыхъ силъ, выстунаетъ исподтишка, поджигая лучшіе дома — достояніе трудящихся.

И тутъ же было объявлено, что гдѣ бы и по какой бы причинѣ ни случился пожаръ, предъ карающимъ окомъ Чека виновенъ предсѣдатель домового комитета того дома, въ которомъ случился пожаръ. А наказаніе самое нормальное: разстрѣль.

Съ ранняго утра носились запуганные предсѣдатели домовыхъ комитетовъ по квартирамъ жильцовъ, провѣряя установку печей, трубъ, требуя поправокъ и перестановокъ. Пошла грызня, руготня, развились доносы, а наиболѣе буржуазные дома, вообще не пользовавшіеся любовью мѣстныхъ совѣтскихъ властей, опасаясь какого либо несчастнаго случая, единогласно постановили: топить... а ни-ни!.. и никому!.. И такъ и протянули до весеннихъ дней.

А на толкучемъ рынкѣ, тамъ же, гдѣ наши дамы продавали или вымѣнивали «всѣ эти неизвѣстно кому нужны» и «неизвѣстно какимъ дуракомъ выдуманные» гардины, коврики, — стройно въ рядъ располагались бабы, имѣя у ногъ нѣсколько дощечекъ изъ паркетнаго пола, общимъ вѣсомъ не болѣе десяти фунтовъ и цѣна въ тысячахъ рубльяхъ равнялась количеству фунтовъ.

Веселымъ развлеченіемъ являлись принудительныя очистки тротуаровъ и улицъ отъ снѣга, и когда послѣ пяти часовъ на темную улицу выгоняли все мужское «буржуазное» населеніе на чистку снѣга, становилось весело, и улица оглашалась бодрими криками, и твердые снѣжки больно шлепались въ спину.

Много забавной возни было съ часто и въ разныхъ мѣстахъ лопавшимися водопроводными трубами. Не было воды ни кружки, и вдругъ — вся комната наполнялась водой на полъ-аршина отъ пола.

А ночью, цѣпенѣя въ тепломъ пальто подъ одѣяломъ, ковриками и разнымъ тряпьемъ, лежишь и думаешь: «а какъ хорошо должно быть сейчасъ въ Африкѣ!.. Жарко тамъ... всѣ ходятъ въ ...голомъ, а у насъ здѣсь...бр... бр...» И ледяной холодъ сковывалъ мозгъ.

* * *

Упорно торговались поляки съ большевиками; было какъ то странно читать, что поляки требуютъ отъ Россіи столько то паровозовъ, столько то русскихъ уѣздовъ, и какъ ни ненавистны были большевики, — порою какое то чувство удовлетворенія охватывало, когда видно было, какъ большевистскіе делегаты не соглашаются на отдачу русскихъ паровозовъ, русскихъ вагоновъ и русскихъ людей съ ихъ искони русской землей.

Переговоры велись медленно, тяжело, и совершенно непонятно было, почему платитъ Россія — Польшѣ, а не Польша — Россіи... Обѣ стороны были совершенно обезсилены войной, и все же въ этомъ безсиліи Россія, даже коммунистическая, даже вшивая и тифозная, была неисчислимо сильнѣе маленькой и послѣдней войной совершенно обезкровленной Польши.

Въ числѣ делегатовъ, ведшихъ въ Ригѣ мирные переговоры съ поляками, былъ и цеховой конторщикъ нашего Брянскаго завода, коммунистъ Квирингъ, упрямый и жестокой латышъ.

* * *

Голодъ усиливался съ каждымъ днемъ; самыя боевыя предпріятія, зачисленныя Совѣтомъ Труда и Обороны Республикѣ на ударный паекъ, цѣлыя недѣли не получали хлѣба; голодъ неимоვნю усиливалъ неописуемыя страданія, и часто среди рабочихъ стали раздаваться опредѣленныя угрозы по адресу большевиковъ.

Насколько съ голодомъ шла кое-какъ борьба путемъ примѣненія различныхъ суррогатовъ, въ отношеніи холода ничего придумать не удавалось, а нужно было только топливо, топливо и топливо.

И Исполкомъ объявилъ новый «дровяной» фронтъ.

Павлоградскій уѣздъ, Верхнеднѣпровскій уѣздъ богаты колоссальными лѣсами, и Губернскому Лѣсному Комитету, въ лицѣ его двухъ представителей, коммунистовъ Глушкова и Кацнельсона, было поручено приступить къ разработкѣ этихъ лѣсовъ и, въ первую очередь, снабдить дровами желѣзнодорожное депо ст. Екатеринославъ, а затѣмъ уже рабочихъ.

На созванномъ совѣщаніи, въ теченіе двухъ часовъ, лѣса были срублены, милліоны сажень дровъ подсчитаны, и, послѣ горячихъ споровъ, между представителями различныхъ организацій, кое какъ подѣлены. Желѣзной дорогѣ досталась львиная доля, рабочимъ завода Шодуаръ меньше, чѣмъ рабочимъ Брянскаго завода, и съ совѣщанія всѣ ушли удовлетворенные огромной и полезной, продѣланной на совѣщаніи работой.

Утромъ въ холодныя, пустыя и грязныя комнаты Гублѣскаго пришли Глушковъ и Кацнельсонъ и вспомнили о томъ, что вчера на совѣщаніи такъ горячо и дѣловито обсуждалось. Лѣса предстояло только еще вырубить, заготовленные дрова свезти къ станціямъ, а тутъ рабочихъ рукъ нѣтъ; инструментовъ, пилъ, напильниковъ, топоровъ, клиновъ — никакихъ; лѣса отъ города расположены на добрые десятки верстъ и какъ разъ въ самыхъ повстанческихъ районахъ, да и сами то лѣса всегда служили лучшимъ пріютомъ для повстанцевъ всякаго типа.

Глушковъ, котораго всегда вслухъ занимала мысль: «якъ чоловіку отрубить голову, чы вона ще довго живе», и Кацнельсонъ, находившійся въ послѣдней стадіи туберкулеза, вдругъ просвѣтлѣли и рѣшили созвать новое совѣщаніе и сказать: хотите, товарищи, получить дрова? — пожалуйста въ лѣса съ топорами, пилами и валяйте кому надо!.. А Гублѣскомъ будетъ раздавать вамъ участки, выдавать всякія удостовѣренія и вообще административно поддерживать разработку лѣсовъ.

Созвали новое совѣщаніе, и опять въ одинъ вечеръ были созданы рабочіе батальоны, распиловщики, укладчики, десятники. Когда рабочимъ по заводамъ было объявлено, что на доставку дровъ властью рассчитывать не слѣдуетъ, а надобно самимъ взять топоры и пилы и пойти въ лѣса, рабочіе стали совершенно открыто разбирать деревянные заборы вокругъ заводовъ, деревянные заводскія постройки и уносить домой.

Усиленная агитація и не ослабѣвавшіе морозы все же сдѣлали то, что въ началѣ февраля были сорганизованы небольшія рабочія артели, направившіяся въ Павлоградскій уѣздъ, а частью въ Верхнедніпровскій.

Для перевозки дровъ изъ лѣсу до станціи, Гублѣскомъ, въ виду того, что крестьяне уклонялись отъ содѣйствія въ вырубкѣ лѣса, и не давали лошадей, рѣшилъ отъ мѣста разработки лѣса до ближайшей станціи проложить по снѣгу доски, по которымъ два человѣка могли бы безъ большихъ усилій тащить колоду. Было еще рѣшено, что въ лѣсахъ будетъ производиться только заготовка колоды, а распиловка и рубка будетъ происходить уже на территоріи завода; этимъ мѣропріятіемъ Гублѣскомъ имѣлъ въ виду бороться съ кражей дровъ. Первымъ за разработку лѣса взялся заводской комитетъ завода Гантке, получившій въ разработку дачу М. В. Родзянко въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

Всѣ строительныя доски, какія только были въ лѣсныхъ складахъ и на заводѣ, были кое какъ, на чуть двигавшейся заводской кукушкѣ, доставлены къ станціи Новомосковскъ, и, что называется, спиною къ Богу, отъ ст. Новомосковскъ начали укладывать доски по направленію къ лѣсу. Доски укладывались по три въ рядъ, образуя корыто. Съ утра до вечера работа шла дружно; доски безъ особыхъ усилій покорно ложились на снѣгъ и укрѣплялись планками на гвоздяхъ. Въ первый день былъ проложенъ путь болѣе, чѣмъ на двѣ версты, отъ станціи по направленію къ лѣсу. А артель, счастливая успѣхомъ работы, къ вечеру ушла въ городъ на ночлегъ.

Каково же было удивленіе рабочихъ, когда, придя рано утромъ къ станціи, они увидѣли на снѣгу только слѣды досокъ, за ночь унесенныхъ неизвѣстно кѣмъ.

Слова принялись за работу, и, проложивъ около полутора версты, опять ушли на ночлегъ, оставивъ человѣкъ пять дежурныхъ... Но морозъ къ ночи хватилъ во всю, а раздавшіеся недалеко отъ станціи выстрѣлы заставили дежурныхъ рабочихъ что мочи бѣжать къ городу, и къ утру артель увидѣла опять только слѣды досокъ на бѣломъ сверкавшемъ снѣгу.

Тогда рабочіе спохватились, сообразивъ, что они пока производятъ совершенно ненужную работу, къ тому еще съ такими печальными результатами, и рѣшили отправиться на разработку въ лѣсъ, а потомъ уже строить досчаную дорогу или какимъ нибудь инымъ путемъ постараться свезти лѣсъ къ станціи. Пошла артель къ лѣсу, но расположенные въ двухъ-трехъ верстахъ отъ лѣса хуторки отказались впустить къ себѣ рабочихъ не только въ свои избушки, но даже и въ лѣсъ, заявивъ, что земля сейчасъ принадлежитъ крестьянамъ, стало быть, и лѣса крестьянскіе.

Легко, по городскому одѣтые, рабочіе, протолкавшись пару часовъ на опушкахъ лѣса, посинѣвшіе отъ холода, а нѣкоторые и съ отмороженными пальцами, носами и ушами, плюнувъ — вернулись на заводъ, — такъ и не осуществивъ большихъ заданій совѣщанія по дровяному фронту.

Рабочіе небольшого завода «Старръ» получили участокъ въ Верхнеднѣпровскѣ и съ перваго же дня работы наткнулись на винтовочные выстрѣлы крестьянъ и, оставивъ одного убитаго рабочаго въ лѣсу, вернулись въ городъ.

Только одни воинскія части къ концу зимы кое-какъ наладили самоснабженіе дровами. Съ пулеметами направлялись небольшіе отряды на повозкахъ въ лѣсъ, и къ вечеру другого дня возвращались съ свѣже вырубленными колодами.

А жители города разбирали сараи, чердаки домовъ, деревянные заборы и пристройки.

Группа Агитационно-просвѣтительнаго отдѣла, расположившаяся въ зимнемъ театрѣ Англійскаго клуба, съ осени до глубокой зимы отапливала театръ, разбирая большое деревянное помѣщеніе, въ которомъ лѣтомъ шла игра въ лотто, а къ концу зимы группа стала втихомолку разбирать деревянный лѣтній театръ, и когда къ веснѣ стали вести разговоры о скоромъ переходѣ на лѣтнюю сцену, то оказалось что отъ всего театра остались только стѣны да крыша, а сцена, кулисы, декорации и старая декоративная мебель давно исчезли.

Февраль уже былъ на исходѣ; переговоры съ поляками какъ будто приближались къ положительному результату, и власть стала дѣлать попытки къ возстановленію промышленности края. Для этой цѣли, по опредѣленію Центрального Правленія Тяжелой Индустріи, носившаго сокращенное названіе «Цепти», въ Екатеринославѣ открылось Правленіе пяти крупнѣйшихъ въ Россіи металлургическихъ заводовъ, считавшихся при большевикахъ Государственными. Два завода Шадуара, Брянскій заводъ, заводъ Гантке и колоссальный заводъ въ Каменскомъ попали въ полное распоряженіе двухъ коммунистовъ, которые изъ центра были надѣлены диктаторскими полномочіями по управленію этими заводами. По указаніямъ свѣше, новое правленіе должно было вести мирную политику съ высшимъ и среднимъ техническимъ персоналомъ и имѣло заданіе пустить заводы, которые къ тому времени производили исключительно удручающее впечатлѣніе. Склады и магазины, совершенно опустошенные еще во время перваго сильнаго и послѣдняго нажима Врангеля на Екатеринославъ: деревянные постройки, разобранныя рабочими на дрова; отсутствіе на заводахъ не только угля, но даже и угольной пыли, придавало заводамъ видъ совершенно разрушенныхъ предпріятій и, несмотря на всю эту очевидную непригодность заводовъ къ какой либо работѣ вообще, — изъ Центра было получено распоряженіе объ изготовленіи въ двухмѣсячный срокъ шестидесяти тысячъ пудовъ трубъ.

На архивной бумажкѣ, съ оборотной стороны исписанной, много лѣтъ тому назадъ, плохимъ сбитымъ шрифтомъ пишущей машинки такъ и было почти дословно написано: «Филии въ Екатеринославѣ. Предлагается вамъ въ двухмѣсячный отъ сего числа срокъ изготовить шестидесять тысячъ пудовъ трубъ»... и подписи.

Получивъ эту бумажку «филия» оживилась. По телефону сейчасъ же были разсланы телефонограммы всѣмъ техническимъ и политическимъ руководителямъ заводовъ съ приказомъ на другой день явиться въ «филию» для обсужденія вопроса исключительной важности. На совѣщаніи, послѣ нѣсколькихъ рѣчей о наступившей, наконецъ, возможности приступить къ нормальной работѣ и къ возстановленію

пролетариатомъ всего того, что въ теченіе трехсотъ лѣтъ уничтожали Романовы, а потомъ Колчаки, Деникинны и Врангели, — собравшимся было объявлено, что изъ Центра пришло распоряженіе объ изготовленіи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ шести-десяти тысячъ пудовъ трубъ.

И саботажные, контръ-революціонные инженеры — техническіе руководители и ихъ постоянные по работѣ спутники — политическіе на заводахъ комиссары, положительно вытаращили отъ удивленія глаза. Послѣ всѣхъ этихъ рѣчей они ожидали какой нибудь новой реорганизациі управленія заводами, какого либо новаго изъ Центра воззванія къ труду и борьбѣ съ хозяйственной разрухой, но распоряженія изъ ничего и безъ ничего сдѣлать шестьдесятъ тысячъ пудовъ трубъ, изготовленіе которыхъ при совершенно нормальныхъ условіяхъ, когда заводъ въ ходу, требуетъ сотни тысячъ пудовъ угля, огромнаго количества пудовъ сырой для трубъ болванки и сотни пудовъ разныхъ смазочныхъ маселъ и ко всему этому кадръ высоко-квалифицированныхъ рабочихъ, которые давно оставили заводы, — такого распоряженія никто изъ заводскихъ работниковъ не ожидалъ, и только общій кошмарный прессъ власти удержалъ инженеровъ отъ дружнаго хохота.

Но присутствіе на совѣщаніи большого числа коммунистовъ заставляло дѣлать серьезное лицо, и только простой, но исключительно въ этомъ случаѣ находчивый и наивно заданный однимъ изъ инженеровъ вопросъ, — вывелъ всѣхъ изъ неловкаго положенія. Инженеръ, обращаясь къ предсѣдателю правленія заводовъ, совершенно по дѣловому, серьезно спросилъ: «А какихъ размѣровъ нужны трубы?» И всѣ, почувствовавъ въ этомъ вопросѣ счастливый исходъ изъ тяжелаго положенія, облегченно вздохнули и, перебивая другъ друга, оживленно заговорили: «Да! Какъ же это они!.. Размѣровъ то и не прислали!..» Эти фразы милаго удивленія произносились такимъ тономъ, какъ будто только въ отсутствіи размѣровъ крылась невозможность изготовленія этого требованія Центра, а такъ молъ, были бы размѣры, такъ трубы такъ бы и прокатали «за милую душу въ два счета!»

Тутъ же о бокъ съ «филіей» расположился «Главуголь», имѣвшій очень скромную задачу возстановить разрушенный Донецкій Бассейнъ и поднять производительность еще какъ будто дышавшихъ отдѣльныхъ шахтъ. Центральное правленіе «Главугля» находилось въ Харьковѣ, а Екатеринославскій отдѣлъ также располагалъ неограниченными полномочіями по возстановленію Донецкаго Бассейна, какъ и «филія» — на возстановленіе металлургической промышленности.

Въ мирное, еще довоенное время, существовалъ особый типъ угольныхъ маклеровъ, которые, получая какой то тысячный процентъ съ проданнаго при ихъ посредствѣ угля, — наживали состоянія. И вотъ большинство изъ этихъ маклеровъ заняли отвѣтственные посты въ Центральномъ Главуглѣ, устраивая въ провинціи мелкихъ маклеровъ. Учрежденіе это было причислено къ разряду ударныхъ, и, понятно, что служащіе этого учрежденія не получали также пайковъ, какъ и не получали ихъ служащіе и не ударныхъ учреждений. Но учрежденіе было создано, и Донбасъ былъ на пути къ возстановленію.

Для поднятія духа и продуктивности небольшой горсточки оставшихся въ шахтахъ рабочихъ, — Главуголь рѣшилъ снабдить ихъ производственными рабочими костюмами, бѣльемъ и сапогами. Вещи эти были получены и розданы рабочимъ, и на другой день на шахтахъ осталась только одна пятая того количества рабочихъ, которые получили костюмы, бѣлье и сапоги. Остальные рабочіе, получивъ вещи, разбрелись кто куда, оставивъ шахты и работы по возстановленію Донбаса на товарищей-коммунистовъ.

Когда глава Екатеринославскаго Главугля пожелалъ съѣздить въ Донбасъ, ему былъ поданъ на станціи особый поѣздъ. Паровозъ былъ на парахъ, но за полчаса до отъѣзда глава Главугля былъ вызванъ на какое то совѣщаніе, продолжавшееся до вечера, а такъ какъ ночью ѣхать было опасно въ виду налетовъ махновскихъ шаекъ, то паровозъ такъ и простоялъ подъ парами до утра; а утромъ глава былъ опять на какомъ то засѣданіи до вечера, и такъ больше трехъ дней паровозъ стоялъ

подъ парами до тѣхъ поръ, — пока не сжегъ всего наличнаго запаса топлива, имѣвагося во всемъ депо ст. Екатеринославъ.

Глава Главугля такъ въ Донбассъ и не поѣхалъ. А какъ то днемъ въ «Главуголь» вбѣжала маленькая, вертлявая курсисточка и, размахивая замерзшими руками и топая по полу ооченѣвшими ногами, скороговорной палила въ товарища, главу Главугля:

«Я, товарищъ, командирована изъ Центра обсяѣдовать положеніе промышленности и Донбасса... Главнымъ образомъ меня интересуеть металлургическое дѣло и дѣло возстановленія Донбасса... Я хотѣла бы отъ васъ, товарищъ, узнать, какими собственно, по вашему мнѣнію, мѣрами можно и удалось бы возстановить металлургическую промышленность и Донбассъ... Я, товарищъ, много слышала о васъ въ партіи и поэтому намѣрена ваши соображенія положить въ основу моего доклада Центру о мѣрахъ, необходимыхъ предпринять для возстановленія металлургпрома и Донбасса...»

И по прежнему топая медленно отогрѣвавшимися ногами, подняла прежде брошенный на полъ портфель и долго отыскивала какія то бумаги.

«Товарищъ», глава Главугля, старый человекъ, имѣвшій дипломъ инженера и сейчасъ же по полученіи диплома за какую то революціонную продѣлку сосланный на двѣнадцать лѣтъ въ каторжныя работы, отбывшій до послѣдней минуты всѣ двѣнадцать лѣтъ каторги и долгіе годы жизни пробывшій на поселеніи, уныло глядя на эту мило щебетавшую дѣвочку, мрачно и глухо произнесъ:

«Вашъ мандатъ, товарищъ!..»

«Да, пожалуйста... Я вотъ какъ разъ мандатъ то и ищу!» — и, вытащивъ какую то страшно длинную бумагу, не безъ гордости, дала ее «товарищу». —

Тамъ въ мандатѣ было все: и право смѣны любого работника, какой бы онъ постъ ни занималъ; и право ареста; и право пользованія особыми поѣздами и реквизиціей паровозовъ; и пользованіе внѣ всякихъ внѣочередныхъ очередей телеграфомъ и еще...и еще...

Чуть склонивъ посѣдѣвшую на каторгѣ голову, товарищъ тономъ приговореннаго къ смерти изложилъ ребенку всѣ тѣ соображенія и мѣропріятія, которыми по его мнѣнію можно было бы поднять совершенно омертвѣвшую металлургическую промышленность и приступить въ возстановленію Донбасса...

Нужно въ достаточномъ количествѣ обезпечить рабочихъ продовольствіемъ... Нужно дать возможность неголоднаго существованія высшему и среднему техническому персоналу; нужно собрать и прикрѣпить къ заводамъ всѣхъ разбѣжавшихся рабочихъ; нужно создать условія нормальныхъ взаимоотношеній между политическими комиссарами предпріятей и техническими руководителями..

«А главное, — продолжалъ старый коммунистъ, уныло глядя на собесѣдницу, — намъ, товарищъ, нужно дать рабочимъ кушать!.. жрать!!! Понимаете?.. Хлѣба!!!»

«Такъ вы, товарищъ, думаете, что если снабдить рабочихъ продовольствіемъ такъ мы все это возстановимъ!..» оживленно прошептала уже немного согрѣвавшаяся дѣвочка...

«Да, товарищъ! — глядя на полъ, произнесъ старикъ — если дать рабочимъ продовольствіе, такъ мы все это возстановимъ..»

«Такъ я такъ и запишу, и мысль эту еще разовью. А сейчасъ, товарищъ, пока до свиданія!.. Спѣшу на вокзалъ. Тамъ меня ждетъ комиссія... Мы еще должны сдѣлать обслѣдованіе Кіевскаго кожевеннаго раіона... Такъ... пока!..»

И съ милымъ щебетаніемъ порхнула въ дверь...

Долго старикъ стоялъ у окна, барабанилъ пальцами по стеклу, о чемъ то большомъ, тяжеломъ и больномъ думалъ и вслухъ только произносилъ пустое, ничего не значащее: — «Да!.. Да!..»

А потомъ круто повернулся, рѣшительно сѣлъ къ столу и написалъ одно заявленіе о выходѣ изъ партіи коммунистовъ, а другое заявленіе въ Центръ объ освобожденіи его отъ обязанностей предсѣдателя комиссіи по возстановленію Донбасса...

Заявленіе его въ партіи надѣлало большой шумъ: видные въ городѣ коммунисты пытались уговорить старика взять свое заявленіе обратно и ужъ, въ крайнемъ случаѣ, дать какую нибудь мотивировку своего выхода изъ партіи и отказа отъ занимаемаго отвѣтственнаго поста, но старикъ досадливымъ жестомъ закидывалъ сѣдые волосы, падавшіе ему на лобъ, и уклончиво говорилъ:

«Усталъ я, друзья мои... Усталъ!..»

И на шестой день послѣ отправки заявленія старикъ получилъ телеграфный приказъ Центра немедленно выѣхать въ Харьковъ...

Пошатнувшася и подгнившася въ коммунистической твердости коммуниста Центръ торопливо и предусмотрительно убиралъ, опасаясь зараженія имъ проявлявшихся большую нестойкость и разочарованность коммунистическихъ рядовъ...

* * *

Польскій фронтъ замеръ. Морозы сковали жизнь на Украинѣ. Всѣ контръ-революціонные генералы были разбиты и жуткіе, давящіе будни совѣтской жизни вырисовывались во всей ихъ повседневной жестокости. Настали дни нуднаго, голоднаго и холоднаго, безнадежнаго и безпросвѣтнаго существованія. Тифъ ежедневно помогаль многимъ десяткамъ совѣтскихъ гражданъ перенестись въ лучшій міръ, и не было ни одного двора во всемъ городѣ, гдѣ нельзя было бы найти одного, двухъ или больше тифозныхъ больныхъ.

И большевики объявили новый «противотифозный фронтъ». Въ сотый разъ заставили врачей, фельдшеровъ, сидѣлокъ и санитаровъ регистрироваться, и совершенно по непонятнымъ видамъ и соображеніямъ проведеніе этой регистраціи было поручено Чека. Изъ уѣздовъ поступали ужасающія вѣсти о вымирающихъ отъ тифа деревняхъ, но и въ самомъ городѣ тифъ обильно косилъ населеніе, и объ уѣздахъ никто и не думалъ.

Были вездѣ и всюду, на всѣхъ тумбахъ, сохранившихся чудомъ заборахъ, стѣнахъ домовъ расклеены плакаты, изображавшіе огромную вошь, величиною съ хорошую сытую свинью, и въ глаза надоѣдливо выпиралъ новый лозунгъ совѣтскаго дня:

«Смерть вшамъ!.. Всѣ на борьбу съ вошью!.. Вотъ — врагъ пролетаріата и лучшій сообщникъ контръ-революціонныхъ генераловъ!!..»

Но при всемъ этомъ виѣшнемъ шумѣ, — въ борьбѣ съ тифомъ не было ни одного шага сдѣлано для дѣйствительнаго противодѣйствія этой страшной эпидеміи. За время своего пребыванія у власти большевики разорили и окончательно закрыли всѣ частныя аптеки, оставивъ только нѣсколько совѣтскихъ аптекъ, въ которыхъ можно было получить порошокъ очищенной соды или чудовищныхъ размѣровъ пузырь для льда.

Всѣмъ врачамъ власть всячески препятствовала въ ихъ частной практикѣ, требуя обязательнаго посѣщенія больныхъ только и исключительно по ордерамъ Губздрава, который за каждое такое посѣщеніе расплачивался съ врачомъ по установленнымъ Медикосантрудомъ тарифнымъ ставкамъ. Для болѣе успѣшной борьбы съ частной практикой врачей, — Губздравъ приказалъ совѣтскимъ аптекамъ отпускать лѣкарства исключительно по рецептамъ съ печатью Губздрава. И получилось то, что семьи, имѣвшія дома нѣсколько тифозныхъ, прохлопотавъ нѣсколько дней для полученія по наряду доктора, добившись, наконецъ, посѣщенія больныхъ докторомъ, бѣгали еще нѣсколько дней въ Губздравъ для полученія печати на рецептъ, и только тогда бѣжали въ аптеку, гдѣ дежурный фармацевтъ, возвращая рецептъ, спокойно отвѣчалъ: «Этого, товарищъ, у насъ нѣтъ...»

Этимъ скорымъ и денежнымъ, почти бесплатнымъ лѣченіемъ, могли пользоваться только члены, совѣтскихъ профессиональныхъ союзовъ, а вся остальная масса отдавалась въ жертву жадному и жестокому тифу. Понятно, что врачи находили способъ для посѣщенія больныхъ на дому, а для изготовленія ихъ рецептовъ выросло нѣ-

сколько тайныхъ домашнихъ аптекъ, къ которымъ въ сильный разгаръ тифозной жатвы стали обращаться и всеильные товарищи изъ Исполкома, Губкома и даже изъ Чека.

Какъ въ борьбѣ съ голодомъ, холодомъ и общей разрухой, такъ и въ борьбѣ съ эпидеміей проявлялась большевиками исключительная безпомощность.

Жизнь плелась тягуче медленно, придавленная и немилая. Совѣтскія «Извѣстія» писали о какихъ то колоссальныхъ торговыхъ успѣхахъ Красина у Ллойд-Джоржа, а изъ Екатеринослава въ Харьковъ съ большими усиліями удавалось отправить одинъ разъ въ двѣ недѣли поѣздъ, который по два-три дня безпомощно стоялъ на пути между Зайцевымъ и Павлоградомъ изъ за пущенной паровозомъ течи.

И вдругъ какъ то утромъ, въ одинъ изъ тусклыхъ дней совѣтскихъ будней, на первой страницѣ «Извѣстій» большими буквами было напечатано: «Быть на чеку!»

Еще наканунѣ этого дня вечеромъ, когда я по обычаю стоялъ въ подворотнѣ и вель очередную бесѣду съ такими же, какъ и я, бывшими людьми о томъ, что пайковую селедку лучше всего дня два продержать въ водѣ, а потомъ уже ѣсть, и у всѣхъ участниковъ бесѣды густо текли слюнки, пробѣжавшій мимо подворотни наборщикъ, позвалъ меня и пугливо сунулъ мнѣ свѣже-отпечатанную гранку.

«Провокаторъ!» со страхомъ подумалъ я, когда наборщикъ, оставивъ у меня въ рукахъ гранку, быстро побѣжалъ впередъ.

То, что я бѣгло прочиталъ, поразило меня, и я въ ту же секунду далъ гранку моимъ собесѣдникамъ, которые, съ ужасомъ въ глазахъ, въ одинъ голосъ заговорили: «Порвите!.. Порвите!.. Сейчасъ же уничтожьте!.. Это къ вамъ подбираются!.. Это — провокація!..»

Всю ночь я не спалъ, ожидая прихода чекистовъ. Гранка была изорвана въ мельчайшіе клочки, розданные всѣмъ собесѣдникамъ и пущенные по вѣтру въ разныхъ концахъ улицы... Письма и кое какія книги были въ тысячный разъ «на всякій случай» еще разъ просмотрѣны, и до разсвѣта въ мозгу безпокойно и пугающе билась одна мысль: «Провокація!.. Добираются!..»

Никто ночью ко мнѣ не пришелъ, и когда утромъ, напуганный и измученный кошмарной ночью, я вышелъ на улицу и, приблизившись къ «Укростѣ», увидѣлъ свѣже наклеенную газету съ аршинными буквами: «быть на чеку!», я, еще разъ оглянувшись, вплотную подошелъ къ стѣнкѣ и съ жадностью впился въ блѣдныя, еле читаемыя, газетныя строчки.

Нѣтъ! Не провокація!.. нѣтъ!.. а что-то большое, свѣтлое, настоящее... Какъ разъ то, что должно было быть...

«Возстаніе въ Кронштадтѣ!»

Безслѣдно пронеслись предъ глазами фамиліи Козловскаго, Петриченко, а главное и самое важное было то, что противъ угнетателей, противъ гасителей жизни, духа и мысли, возсталъ именно Кронштадтъ, тотъ самый Кронштадтъ, который...

«Да что тамъ читать!.. Кронштадтъ возсталъ!! Понимаете?!.. Возсталъ!!»

И слова «Кронштадтъ возсталъ!» какъ бы торжественно перешлетались съ храмовыми звуками «Христосъ Воскресе!»

«Самое цѣнное то, что Кронштадтъ, а не какойнибудь Орель или Рыбинскъ!!»

И по всѣмъ жиламъ угасавшей жизни пробѣжалъ стремительный и горячій порывъ, и новая вѣра, новая надежда свѣтлымъ пламенемъ вошла въ сердца медленно изнывавшихъ подъ гнетомъ красныхъ людей.

Зашевелились большевики...

Вмигъ была отброшена и забыта вошь, на далекій задній планъ были отодвинуты заботы о тысячахъ тифозныхъ, и митинги, конференціи, аресты и разстрѣлы проносились съ инсцениграфической быстротой.

По телеграфному распоряженію изъ Харькова были въ одну ночь «изъяты изъ обращенія» всѣ меньшевики. Многихъ изъ меньшевиковъ чекисты снимали съ постели, — когда тѣ находились въ тифозномъ бреду.

И снова на митингахъ и въ тотчасъ же выпущенныхъ плакатахъ запестрѣли проклятыя на головы міровыхъ хищниковъ, путемъ союза съ меньшевиками пытающихся въ послѣдній разъ взорвать власть трудящихся, власть рабочихъ и крестьянъ!..

И меньшевики, эти худые, голодные наборщики, и профессиональные работники, стали самыми опасными врагами большевиковъ.

Всѣхъ, свыше сотни, арестованныхъ меньшевиковъ заперли въ одномъ изъ особняковъ Чеки; никого къ нимъ не допускали, и всѣ жесточайшія проклятыя, которыя не такъ давно сыпались на Пилсудскаго, Савинкова, Деникина и Врангеля, съ той же азартностью бросались меньшевикамъ. Арестованнымъ оказался и тотъ наборщикъ, о которомъ я цѣлую ночь такъ плохо думалъ...

Но послѣ нѣсколькихъ дней нервнаго подъема и напряженнаго ожиданія оба лагеря, и большевики, и населеніе, каждый по своему, были удивлены, поражены и совершенно не понимали всего того, что такъ стремительно быстро промелькнуло...

«Возстаніе подавлено... Кронштадтъ палъ... Мятежники бѣжали въ Финляндію... Новый ударъ міровыхъ хищниковъ еще разъ геройски отраженъ непобѣдимой красной арміей и славными красными курсантами!..» читали мы на той же первой страницѣ «Извѣстій», гдѣ всего нѣсколько дней тому назадъ набатнымъ пасхальнымъ звономъ пѣли и звали огромныя, вѣру вселявшія слова: «Кронштадтъ возсталъ!»

Меньшевиковъ крѣпко держали въ Чека. Оставшіеся на свободѣ товарищи арестованныхъ меньшевиковъ смѣло проникали къ рабочимъ на заводы и рассказывали истинную подкладку Кронштадтскихъ событій... Выборные совѣты, подлинная совѣтская — народная власть, — безъ диктаторской коммунистической партіи, свободные выборы и еще много... много хорошихъ демократическихъ принциповъ.

Началось броженіе... Приѣзжавшихъ на заводы большевистскихъ агитаторовъ встрѣчали гикомъ, свистомъ и криками «долой!»... Выносили на митингахъ резолюціи съ требованіемъ немедленнаго освобожденія всѣхъ арестованныхъ меньшевиковъ... Къ открыто выражавшимъ недовольство рабочимъ — тихо стали примыкать и желѣзнодорожные рабочіе, начавшіе осторожно итальянскую забастовку... Болѣе дерзкимъ и смѣлымъ тономъ жены рабочихъ, базарныя спекулянтки, стали разговаривать съ базарной милиціей...

И изъ Харькова пришло распоряженіе выловить всѣхъ, по какому либо случаю оставшихся на свободѣ меньшевиковъ и въ кратчайшій срокъ перевезти арестованныхъ въ Харьковъ...

Приказъ былъ выполненъ въ точности; кое кого изъ меньшевиковъ, случайно не арестованныхъ — задержали, кое кого изъ случайно арестованныхъ не меньшевиковъ освободили, и особымъ поѣздомъ, подъ конвоемъ, социаль-демократы были увезены въ столицу пролетарской республики — Харьковъ.

Броженіе не унималось...

Вмѣстѣ съ меньшевиками — рядовыми, былъ увезенъ старый меньшевикъ, рабочій Василий Худокормовъ, — только во время революціи вернувшійся изъ ссылки, куда попалъ, борясь съ заводчиками за рабочія больничныя кассы. Этого меньшевика одинаково любили и уважали и большевики, и вся та масса, которая вообще враждебно относилась ко всякимъ партійнымъ ярлыкамъ.

Спокойный, политически много начитанный, ярко и образно говорившій Худокормовъ во всѣхъ своихъ митинговыхъ выступленіяхъ открыто бросалъ совѣтской власти всѣ ея пагубные недостатки, всю ея варварскую политику поработенія массъ, и большевики, зная вѣсь и значеніе Худокормова въ рабочей массѣ района, улыбаясь выслушивали разоблаченія, оставляя его внѣ стѣнъ Чека.

И поскольку выступленія и рѣчи мѣстныхъ коммунистовъ не только не успокаивали массы, но еще болѣе разжигали страсти — большевики стали откуда то доставать хлѣбъ и въ первую очередь направлять рабочимъ наиболѣе опасныхъ заводовъ. Желѣзнодорожникамъ выдали по нѣсколько аршинъ мануфактуры и по два фунта сахару. Тогда рабочіе Брянскаго завода потребовали и для нихъ мануфактуры и сахару.

Большевики стали создавать особую комиссію для удовлетворенія рабочихъ мануфактурой и сахаромъ, и незамѣтно вниманіе рабочихъ съ кронштадтскихъ событій и ихъ послѣдствій было перетянуто на внутренніе споры и раздоры о лишнемъ аршинѣ ситцу или недоданномъ при развѣскѣ полуфунтѣ черной крупной соли.

А потомъ, чтобы окончательно сгладить въ памяти рабочихъ всякія воспоминанія о Кронштадтѣ, пріѣхалъ самъ «красный батъка всея Руси» — тов. Калининъ.

По виду очень похожій на средней руки подрядчика, Калининъ выступилъ предъ рабочими съ докладомъ о событіяхъ въ Кронштадтѣ... И основной мыслью его доклада было то, что возставшіе были почти правы, но вся бѣда въ томъ, что руководили возставшими — міровые капиталисты, которые хотѣли обѣщаніями демократическихъ свободъ заставить трудящихся вырвать власть изъ рукъ коммунистической партіи, той партіи, которая только и сможетъ дать и когда нибудь дастъ счастье всему пролетариату всего міра.

Калининъ тягуче-медленно, съ трудомъ нащупывая мысль, простымъ фабричнымъ говоромъ касался міровыхъ вопросовъ и плелъ до одури всякую чушь...

«Насъ влекетъ сила къ міровой революціи... До насъ доходитъ вопль нашихъ западныхъ братьевъ, рабочихъ и крестьянъ... Мы не можемъ имъ не помочь... И поэтому да здравствуетъ непобѣдимая Красная Армія!».

Но по сценѣ ходилъ рабочій, говорилъ по рабочему, ругалъ большевиковъ, какъ администраторовъ на мѣстахъ, но восхвалялъ партію, какъ авангардъ міровой революціи... И масса слушала внимательно и напряженно.

А старикъ пускалъ чувствительную слезу:

«Да какъ же вы, товарищи, хотите отъ насъ всего того, что было до революціи. Намъ, товарищи, не даютъ спокойно работать!.. Насъ заставляютъ увсе время воивать!.. На насъ міровая буржуазія натравляетъ разныхъ генераловъ, и мы должны все время съ винтовкой въ рукѣ защищать красную Россію отъ нашествія бѣлыхъ генераловъ, а съ ними и міровыхъ хищниковъ — поработителей пролетариата!.. Мы, товарищи, все время воюемъ и нѣтъ у насъ свободныхъ силъ для борьбы и на фронтѣ съ врагами и въ странѣ съ разрухой...»

И сошедшаго со сцены старика рабочіе проводили долгими криками восторга до самой поджидавшей его у театра кареты.

* * *

Пришли весенніе теплые дни...

Кругомъ шла суета по борьбѣ съ хозяйственной разрухой...

Исчезнувшій холодъ оставилъ прежній, но еще болѣе усилившійся голодь... Изъ квартиръ на толкучій рынокъ выносились послѣднія рубахи, а кругомъ носились автомобили, возившіе спасителей Красной Россіи, восстановителей разрушенной хозяйственности.

Увлечательной сказкой ничегонедѣланія вскружила головы рабочимъ нашумѣвшая электрофикація...

Въ городѣ создалось огромное учрежденіе, которое должно было электрофицировать Днѣпровскіе пороги; установить на порогахъ колоссальной силы динамо-машины и посмѣяться надъ жалкимъ старикомъ Донбассомъ, снабжая все заводы, фабрики и электрическія станціи бѣлымъ углемъ, который вотъ... вотъ будетъ извлеченъ изъ стихійной силы Днѣпровскихъ пороговъ.

А въ городѣ не было не только большой силы динамо-машинъ, но и простого штепселя для настольной лампы, и учрежденіе электрофикаціи разослало по всей Россіи агентовъ для розыска и покупки или реквизиціи динамо-машинъ, моторовъ, шнура, кабеля, лампочекъ и штепселей.

Учрежденію по электрофикаціи было предоставлено право закупки матеріаловъ у частныхъ лицъ по рыночнымъ цѣнамъ и по соглашенію, и изъ заводовъ рабочіе стали выносить электрическіе моторы, установки, рубильники, вынося по частямъ

цѣлыя установки большихъ заводскихъ электрическихъ станцій, которыя тутъ же черезъ ловкихъ посредниковъ продавались учрежденію за баснословные милліоны. Хищническіе пріемы и дерзкія кражи заводскаго имущества обратили на себя вниманіе Исполкома, и нѣсколько рабочихъ были поставлены къ стѣнкѣ...

Кражи прекратились, но среди рабочихъ пошло броженіе, и все чаще стали повторяться нападки на специально большевиками на заводы поставленную промышленную милицію.

Прекратились хищенія, и снова пришелъ голодь... Продовольственные органы обмѣнивали синія карточки на бѣлыя, красныя на голубыя, а хлѣба такъ и не давали, и холера теплыми лѣтними днями увѣренно заняла мѣсто уставшаго тифа.

Истощенные недоѣданіемъ организмы, жадно поглощавшіе всякую зелень, покорно отдавались холернымъ вибрионамъ, и большевики выбросили новый фронтъ — борьбы съ холерой...

Повторилась исторія тифознаго фронта...

Утромъ на улицѣ о чемъ то пошутилъ съ встрѣчнымъ знакомымъ, а вечеромъ съ ревомъ врывается жена умершаго знакомаго... А къ утру другого дня Домкомъ умоляетъ Губздравъ дать нарядъ на тачку, чтобы вывезти изъ квартиры умершихъ отъ холеры супруговъ...

Устроенные для холерныхъ больныхъ бараки не имѣли ни горячей воды, ни лѣкарствъ, ни коекъ, а больные свозились туда только для того, чтобы меньше выдѣлать изъ себя холерной заразы въ городѣ и околѣть на голомъ соломенномъ матрацѣ, а то и просто на землѣ...

Узнавъ прелести этихъ барачковъ, близкіе заболѣвшихъ холерой скрывали своихъ больныхъ отъ сосѣдей... отъ врачей... отъ милиціи, опасаясь насильственного увоза обреченнаго. И только, когда за первымъ въ семьѣ сваливался въ судорогахъ и другой — начиналась бѣготня въ Губздравъ... въ милицію... въ санитарные участки, амбулаторіи съ мольбами забрать трупъ оконченнаго и корчащагося въ судорогахъ другого... Никто не приходилъ, и здоровые люди въ смертельномъ ужасѣ бросали и трупъ, и умирающаго, и убѣгали къ знакомымъ, оставляя квартиру на произволь судьбы...

На окраинахъ и въ рабочихъ районахъ холера справляла сытую тризну, и затаенный шопотъ о карѣ Божьей, о проклятіи Господнемъ сталъ глубоко проникать въ разслабленные умы голодныхъ, измученныхъ и истощенныхъ людей...

Въ хижинѣ одного холернаго проявилась икона. Холерный въ мученическихъ судорогахъ умеръ, но въ маленькую хижину желѣзнодорожнаго стрѣлочника устремились сотни бабъ, имѣвшихъ дома корчившихся отъ холеры мужей, сыновей и дочерей.

Обновилась икона и въ домѣ заводскаго слесаря, и жена его, уже почти холодная и скрюченная холерными судорогами, взглянувъ на обновленную икону, черезъ нѣсколько часовъ выздоровѣла и рассказывала тысячной толпѣ о чудѣ, сотворенномъ иконой Богородицы...

Легенды пошли и объ обновившихся иконахъ въ селахъ и деревняхъ, и партійный комитетъ, увидѣвъ нарастающее стихійнымъ темпомъ религіозно фанатическое движеніе, рѣшилъ вмѣшаться въ эти божескія чудеса и для большей вѣрности въ работѣ привлечь лучшихъ агентовъ Чека.

Всѣ квартиры, въ которыхъ иконы обновились, были опечатаны и къ дверямъ и иконамъ были поставлены вооруженные коммунисты.

Когда уже во время работы комиссіи изъ партійнаго комитета и агентовъ Чека — обновилась еще одна икона гдѣ то на окраинѣ, масса стала ежевечерно наполнять церкви, требуя отъ священниковъ служенія молебновъ о поддержаніи силы Божескихъ чудесъ на землѣ.

Большевики нисколько не препятствовали народу въ церквахъ выявлять свои религіозныя чувства, но въ свою комиссію по обследованію обновленій пригласили двухъ популярныхъ въ городѣ инженеровъ, одного священника и двухъ рабочихъ.

Объявивъ въ газетѣ о сформированіи такой комиссіи, большевики съ удивительнымъ въ этомъ случаѣ тактомъ приступили къ работѣ, публикуя ежедневно въ газетѣ результаты обследованій, въ видѣ подробныхъ протоколовъ, за подписью всѣхъ членовъ комиссіи.

Комиссія установила во всѣхъ случаяхъ обновленія грубую подрисовку иконъ съ подкладываніемъ по бокамъ рамокъ фольги, отъ чего ликъ какъ бы дѣйствительно прояснялся.

И тогда была открыто пущена въ ходъ Чека съ приказомъ во что бы то ни стало раскрыть исторію этихъ обновленій, такъ какъ комиссія установила, что всѣ обновленія въ городѣ и въ ближайшихъ къ городу деревняхъ были сфабрикованы изъ одного и того же матеріала и какъ бы чуть ли не одной и той же рукой.

И черезъ нѣсколько дней изъ какаго то глухого села чекисты приволокли въ городъ связанныхъ веревками сельскаго батюшку, какаго то бывшего иконописца и одного неизвѣстнаго, который упорно отказывался назвать себя.

Всѣ трое упорно не сознавались въ приписанномъ имъ преступленіи, и хотя Чека объявила о найденныхъ у задержанныхъ лицъ остаткахъ фольги и золотистыхъ красокъ, но и священникъ, и иконописецъ, и оставшійся неизвѣстнымъ, падая подъ гулками выстрѣлами чекистскаго нагана, унесли съ собой жуткую тайну, еще болѣе страшную въ дни слабаго, судорожнаго трепетанія придавленной и запуганной человѣческой мысли...

* * *

Тѣ тайные склады, изъ которыхъ Исполкомъ, черезъ продовольственные органы, въ самыя критическія и опасныя для власти минуты извлекалъ кое какіе продукты, скупо подбрасываемые наиболѣе опаснымъ рабочимъ, оппозиціоннымъ группировкамъ, въ концѣ концовъ изсякли.

На сотни тысячъ, вырученныя желѣзнодорожниками за проданную мануфактуру, они полуголодно кормились нѣсколько дней, и когда голодь опять ударилъ въ головы и подкашивая ноги спазматически и судорожно сжималъ желудокъ — новое, глухое рокотаніе выползло изъ мрачныхъ желѣзнодорожныхъ цеховъ, проникая въ заводы, на улицу, въ учрежденія и въ пѣхотныя части войскъ.

«Хлѣба!.. Дѣтямъ хоть каплю молока!..» жалобнымъ стономъ неслись глухія молебны истощенныхъ и на половину голыхъ, кое какъ въ тряпье укрывшихся, женщинъ — женъ рабочихъ и матерей, и припухавшихъ отъ голода дѣтей.

«Хлѣба!.. Только... одного только хлѣба...» тономъ безнадежной покорности просили рабочіе у пріѣзжавшихъ въ мастерскія успокаивать ихъ коммунистовъ.

Хлѣба не давали, а по городу носились автомобили, въ которыхъ важно разваливались сытые и довольные верхи совѣтской власти.

И часовъ около трехъ, перваго іюня, тревожно загудѣлъ гудокъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Словно испуганные звѣри дикимъ ревомъ заговорили всѣ стоявшіе подъ паромъ паровозы; отозвались пугающими гудками мрачныя громады заводовъ и нервнымъ переливчатымъ стономъ влились крики еле державшихся на Днѣпрѣ судовъ краснаго Днѣпровскаго флота.

Огромныя толпы измученныхъ желѣзнодорожниковъ направились къ Управленію дороги.

Сквозь гулъ грозной тысячной толпы и кошмарный ревъ гудковъ ярко выдѣлялось слово «хлѣба!» Голодные, придавленные и обезсиленные рабочіе оставили мастерскія и умоляюще кричали «хлѣба!», стоя подъ окнами Управленія.

Работа на дорогѣ остановилась.

По прямому проводу предсѣдатель Исполкома, тов. Клименко, снесся съ Харьковомъ и оттуда получилъ отвѣтъ:

«Это похоже на Крошштадтъ... Возстаніе подавить безъ пощады... Использовать конницу Буденнаго...»

Бывшій въ то время въ штабѣ Буденнаго тов. Ворошиловъ пытался успокоить рабочихъ, но въ отвѣтъ посыпались камни... Начальникъ желѣзнодорожной милиціи, вынуженный почему то изъ кобуры револьверъ, былъ настигнуть погнавшимися за нимъ рабочими и выброшенъ изъ окна четвертаго этажа. Появившихся въ толпѣ желѣзнодорожныхъ чекистовъ рабочіе повалили на землю и по головѣ били ихъ стаместками и долотами, растапывая тѣла до безформенной массы крови, тряпокъ и костей.

Къ желѣзнодорожникамъ стали подходить кучки городскихъ рабочихъ.

Раздавались крики: «долой мучителей!.. долой тирановъ!.. Смерть захватчикамъ!..»

Положеніе для большевиковъ создавалось опасное.

Пытавшійся выступить предъ рабочими съ рѣчью тов. Клименко получилъ сильный ударъ камнемъ въ грудь...

Казакъ Буденнаго не сразу согласился двинуться на обезумѣвшихъ отъ голода рабочихъ.

Толпа росла.

Тогда предсѣдатель Губернской Чеки, тов. Трепаловъ, ввелъ въ дѣло свой конный отрядъ особаго назначенія и весь наличный штатъ чекистовъ.

Когда къ вечеру усталые рабочіе разбрелись по домамъ, чтобы съ утра снова открыто стать противъ красныхъ тирановъ, — ночью по всему рабочему району, на окраинахъ и поселкахъ разсыпались конные и пѣшіе чекисты, и къ утру, вмѣсто новаго организованнаго выступленія, въ подвалахъ Чека толпилось около двухсотъ рабочихъ.

Къ вечеру второго дня состоялся судъ надъ «мятежниками», и пятьдесятъ одинъ рабочій были приговорены къ немедленному разстрѣлу.

Остальныхъ рабочихъ потребовала для расправы Всеукраинская Чека въ Харьковѣ.

Ночью второго іюня осужденные на двухъ грузовикахъ были доставлены къ крутому берегу Днѣпра и за ихъ спинами былъ поставленъ пулеметъ.

Какъ подкошенные, падали разстрѣленные рабочіе въ воду... Трупы относило теченіемъ... Нѣкоторые трупы оставались тутъ же на берегу...

А утромъ третьяго іюня къ берегу Днѣпра никого не допускали, и о судьбѣ арестованныхъ никто ничего не зналъ.

Но спустя день, два, вода стала выбрасывать трупы на берегъ.

Расправа пролетарской власти надъ рабочими открылась.

И по Днѣпру тихо и медленно стали плавать лодки съ женщинами и мальчиками-подростками... Длинными шестами прощупывали они дно Днѣпра и отъ времени до времени вытаскивали трупъ, который сейчасъ же снова отталкивали въ воду...

Оказался не свой... чужой... Еще вытасченный трупъ и пронзительный, дикій крикъ... Свой!.. Мужъ!.. Отецъ!.. Братъ!.. Свой!..

Припухшій, со слѣдами крови на грузномъ рабочемъ платьѣ — трупъ отца, мужа, брата, сына...

Нѣсколько «своихъ» труповъ удалось найти.

Большевики растерянно и испуганно запретили эти розыски.

И долго потомъ, нѣсколько недѣль подрядъ, мутныя волны Днѣпра выбрасывали на берегъ трупы рабочихъ, но уже распухшіе, безформенные, неузнаваемые...

Эти трупы на берегу грызли собаки...

«Возстаніе», или, какъ говорили мѣстные большевики, «маленькій Кронштадтъ» былъ подавленъ, и первое іюня кровавой страницей вошло въ исторію пролетарской революціи Екатеринославскихъ рабочихъ.

Надо было какъ нибудь сгладить затихшее, но ушедшее въ глубину движеніе, и большевики пустили рядъ конференцій, митинговъ и докладовъ.

И первымъ боевымъ докладомъ было выступленіе Ворошилова... Съ какимъ

то сладким упоением рассказывал Ворошилов о том, как ворвавшиеся в Кронштадт красные курсанты рѣзали мужское население города, стремясь съ корнем вырвать идею свержения советской власти...

Много досталось на докладѣ П. Н. Милюкову, статьи котораго Ворошилов цитировал по старым номерам «Последнихъ Новостей».

«Эта старая, буржуазная, контръ-революционная крыса, эта старая дипломатическая обезьяна, послѣ перваго же выстрѣла возставшаго Кронштадта, — стала упаковывать чемоданы, собираясь на пару дней въ Кронштадт, а тамъ и въ Петербургъ!..» — заключалъ Ворошиловъ, читая выдержки изъ статей П. Н. Милюкова...

«Какъ разъ къ моменту полученія свѣдѣній о возстаніи, въ Кремлѣ, шло ночное совѣщаніе бюро коммунистическаго интернаціонала. И какъ только было оглашено сообщеніе о мятежѣ, — докладывалъ на митингѣ Ворошиловъ, всѣ товарищи до одного встали, вооружились винтовками и экстреннымъ поѣздомъ выѣхали въ Петербургъ, сразу же влившись въ ряды наступавшихъ войскъ.»

«Когда наши красноармейцы, рассказывалъ Ворошиловъ, увидали плечомъ къ плечу, рядомъ съ собой, своихъ вождей, такъ же храбро и самоотверженно двигавшихся подъ страшнымъ огнемъ фортовыхъ орудій возставшихъ, какъ и цѣпи красныхъ курсантовъ, ихъ воинственный подъемъ возросъ въ сотни разъ, и неприступныя твердыни Кронштадта пали... Шедшій рядомъ со мной мой адъютантъ, продолжалъ Ворошиловъ, получивъ на вылетъ пулю въ шею, шелъ въ цѣпи до тѣхъ поръ, пока не свалился на ледъ отъ сильной потери крови...»

И изъ всего доклада Ворошилова за пустыми и яркими фразами о стоголовой гидрѣ контръ-революціи, міровыхъ хищникахъ и о всесвѣтно возстающемъ пролетаріатѣ, совершенно открыто и очевидно выдѣлялось то, что въ Кронштадтѣ были разстрѣляны тысячи рабочихъ и крестьянъ, въ отчаянны рванувшихъ на себѣ цѣпи тяжелаго рабства...

«Когда было что жрать, говорилъ послѣ Ворошилова выступившій «со словомъ» Буденный, я самъ говорилъ моимъ казакамъ: ты, Федосій, съѣдаешь въ день два фунта сала, на!.. Получай три!.. ты, Егоръ, лопаешь сразу по три фунта пшеничнаго хлѣба, на!.. лопай пять!.. Но за то теперь, когда хлѣба и сала нема, такъ и ты, Федосій, и ты, Егоръ, — ни гу-гу!.. и ни звука... Значить нѣту!.. И разговоръ никакихъ, и всякія тамъ антимоіи къ чорту!..»

И сѣлъ, но вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, вскочилъ и сказалъ:

«Да!.. И вотъ что!.. Тутъ вы, товарищи, давеча антимоію завели... Такъ вы больше того!.. теперь поосторожниѣй!.. А то мои полки готовы!.. И расправа будетъ коротка...»

На этомъ митингѣ были допущены пренія, и самъ Ворошиловъ, клянясь коммуной, заявилъ, что на этомъ митингѣ всякій можетъ совершенно открыто высказать все, что у него на умѣ, и какія бы то ни были высказаны контръ-революціонныя мысли, онъ, Ворошиловъ, гарантируетъ оппоненту полную безнаказанность...

На сцену вышелъ меньшевикъ Гурвичъ, находящійся въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

«Позвольте мнѣ, началъ маленькій, сухой и сторбленный чахоточный, напомнить товарищу Ворошилову, что ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мы вмѣстѣ съ нимъ сидѣли за одной рѣшеткой въ Луганской тюрьмѣ за организацію рабочей сходки и массовки на паровозостроительномъ заводѣ Гартмана... Это напоминаніе я дѣлаю потому, что сейчасъ товарищъ Ворошиловъ стоитъ рядомъ со мной въ чинѣ краснаго генерала, а я по прежнему остался революціонеромъ, который и теперь, имѣя у власти своего же Ворошилова, произноситъ сейчасъ эти слова, опасаясь на ночь попасть въ «подвалъ»... Но, продолжалъ возбужденный Гурвичъ, сейчасъ я отъ Чеки защищенъ клятвой самого Ворошилова, который въ дуиѣ самъ то не увѣрепъ, что по выходѣ изъ этого помѣщенія меня все таки не схватятъ мальчишки Держинскаго... Я, главнымъ образомъ, еще и для того напомнилъ здѣсь о товарищеской тюремной съ Ворошиловымъ рѣшеткѣ, чтобы послѣ моеіи рѣчи и во время рѣчи

никто не сталъ бы упрекать меня въ буржуазности, контръ-революціонности и пособничествѣ міровымъ хищникамъ въ порабощеніи пролетарскихъ массъ... Я, какъ вы видите, съ трудомъ говорю, обливаюсь крупными каплями пота и, можетъ быть, сегодня-завтра лопнетъ послѣдній клапанъ моихъ легкихъ... И потому, зажегся Гурвичъ, я въ этомъ случаѣ высказалъ все, что накопилось у меня на душѣ и высказалъ это все и предъ двумя генералами отъ революціи Ворошиловымъ и Буденнымъ и предъ Вами, дорогіе товарищи, я вижу чудо, дающее мнѣ, можетъ быть, предъ завтрашней смертью сказать нашимъ генераламъ слово истиннаго пролетарія и истиннаго революціонера...»

«Итакъ, товарищи, я приступаю къ моей рѣчи.»

И набравъ въ дырявые легкія воздуху, Гурвичъ громкимъ голосомъ, съ медленной разстановкой, прокричалъ: «Совѣтская власть, дѣйствующая именемъ русскихъ рабочихъ и крестьянъ, является самымъ безпощаднымъ и жестокимъ истребителемъ рабочихъ и крестьянъ, какимъ не былъ Императоръ Николай Второй! Совѣтская власть, въ крови, мукахъ и стонахъ...» хотѣлъ дальше говорить Гурвичъ, но въ аудиторіи, разсыпанные въ ложахъ и на верхнихъ ярусахъ мальчишки Дзержинскаго подняли невообразимый шумъ, свистъ и крики «долой!», и слова Гурвича потонули въ поднявшемся хаосѣ...

Рабочіе вскочили съ мѣсть, и ихъ крики «просимъ! просимъ!.. долой палачей!..» слились въ одинъ общій страшный шумъ...

Ворошиловъ стоялъ спокойно на сценѣ и улыбался.

На этотъ митингъ были командированы сотрудники всѣхъ Чека, и городской, и желѣзнодорожной, и районно-транспортной. Молодчики эти, оставивъ дома галифе и кубанки и спрятавъ револьверы въ карманы, разсѣлись въ театрѣ и имѣли заданіе помнить лица всѣхъ тѣхъ, которые пойдутъ на умышленно заброшенную Ворошиловымъ удочку. И торжественное обѣщаніе Ворошилова было только однимъ изъ пріемовъ Чеки съ цѣлю выявить копошащіяся въ рабочей и полу-интеллигентской массѣ сознательныя, противобольшевистскія единицы.

Но сами же чекисты, пытаясь просимулировать возмущеніе рабочихъ рѣчью Гурвича, хватили черезъ край и оказались въ положеніи мальчишки-вора, убѣгающаго отъ городского и кричащаго «ловите вора!»

Схватку успокоить не удалось, и сами же чекисты сорвали такъ удачно начатую Ворошиловымъ охоту на тайныхъ враговъ рабоче-крестьянской власти.

Искры такъ ярко вспыхнувшаго кронштадскаго пожара разнеслись по всей Россіи, и идеи, брошенные кронштадтцами, чаще и чаще обсуждались рабочими.

Большевики двинули тяжелую артиллерію, и на Украину поѣхали Раковский, Бухаринъ и Фрунзе съ опредѣленной программой окончательно загасить кронштадскія искры и увѣрить ожесточающихся въ безвыходности рабочихъ въ томъ, что вотъ!.. вотъ!.. еще немного терпѣнія и будетъ хорошо... сытно и надъ Совѣтской Республикой счастливо засіяетъ коммунистическая звѣзда.

* * *

Когда въ «Извѣстіяхъ», къ тому времени переименованныхъ «Къ труду», появилось сообщеніе о предстоящихъ докладахъ Раковского, Бухарина, Фрунзе, все въ городѣ зашевелилось. Коммунисты ждали какихъ то особыхъ ново-открытій изъ устъ своихъ вождей; начавшіе опредѣленно организовываться меньшевики, спасшіеся отъ ареста, готовили своихъ ораторовъ къ открытымъ выступленіямъ предъ культурнымъ Раковскимъ и «умницей» Бухаринымъ, а широкая, густая, безпартійная масса втихомолку высказывала предположенія, сводившіяся къ тому, что больно часто что то стали наѣзжать главари — нѣтъ ли какой либо новой виѣшной опасности для власти красныхъ...

Въ большомъ зимнемъ театрѣ на семь часовъ вечера по совѣтскому времени, а по солнечному только въ четыре часа дня, было назначено объединенное засѣданіе

всѣхъ профессиональныхъ организацій, Губернскаго Исполкома и Губернскаго Партийнаго комитета для заслушанія докладовъ тов. Раковскаго о внутреннемъ положеніи совѣтскихъ республикъ, тов. Бухарина о международномъ положеніи республикъ, и тов. Фрунзе о военномъ положеніи республикъ и о состояніи Красной Арміи.

Въ пять часовъ вечера залъ, сцена, всѣ ложи и фойэ были переполнены коммунистами, чекистами, рабочими, совѣтскими служащими, членами совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красно-армейскихъ депутатовъ, меньшевиками, робко прятавшимися въ темныхъ углахъ коридоровъ.

На сценѣ въ полномъ составѣ расположилась высшая губернская власть въ лицѣ президіума Губернскаго Исполкома и Бюро Губернскаго Партийнаго Комитета; часамъ къ шести на сценѣ появились тов. Ворошиловъ съ двумя элегантными молодыми адъютантами изъ бывшихъ лучшихъ кавалерійскихъ полковъ и тов. Буденный, командующій I-ой Красной конной арміей...

По залу пронесли слухи, что съ поѣздомъ Раковскаго случилось какое то несчастье... Слухи эти были не безъ основанія, такъ какъ въ это время отдѣльныя части Буденновской конницы бродили по району линій Екатеринославъ-Павлоградъ-Александровскъ-Лозовая и шомполами и разстрѣлами выжимали у крестьянъ продовольственный налогъ, что вызвало новыя выступленія разрозненныхъ махновскихъ шаекъ, часто совершавшихъ исключительные по смѣлости налеты на проходившіе въ этомъ районѣ поѣзда.

Только по какой то особой случайности поѣздъ Калинина проскочилъ этотъ районъ и все же въ вагонахъ поѣзда оказалось много выбитыхъ пулями стеколъ.

Общая взвинченность, подозрительность и напуганность усилились въ сотни разъ и дошли до какого то психоза, когда и въ восемь часовъ, и въ девять часовъ, и въ десять часовъ вечера вождей еще не было среди напряженно ожидавшей ихъ массы...

Снестись съ ближайшими станціями не было тогда возможности... Махновцы каждую ночь рвали провода, и только въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось сноситься съ Синельниково по прямому проводу.

Были высланы на вокзалъ, кромѣ ожидавшихъ тамъ делегатовъ для встрѣчи, особые курьеры, имѣвшіе заданіе, какъ только вожди пріѣдутъ, сейчасъ же дать знать въ театр...

Напряженность и вѣроятность какого либо нападенія или крушенія создали полную увѣренность въ томъ, что съ поѣздомъ Раковскаго что-то случилось. Шнырявшіе съ залу чекисты злобно сверкали глазами.

Но въ началѣ одиннадцатаго ночи, возбужденные и запыхавшіеся курьеры вбѣжали въ театръ и, пробираясь сквозь густую толпу къ сценѣ, радостно кричали: «Пріѣхали!.. Пріѣхали!..»

Минуть черезъ двадцать, — болѣе получаса театръ положительно дрожалъ отъ рукоплесканій, энтузіастическихъ выкриковъ тысячной толпы, привѣтствовавшей появившихся на сценѣ Раковскаго, Бухарина и Фрунзе.

«Да здравствуетъ герой Крыма, товарищъ Фрунзе!» раздается по залу театра, и новый взрывъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ...

«Да здравствуетъ герой «Потемкина», вождь красной Украины, товарищъ Раковскій!»

И снова громы аплодисментовъ и гулъ, и ревъ тысячной толпы...

Восторженность улеглась, и предсѣдатель Губернскаго Исполкома, тов. Клименко, объявилъ, что слово для доклада по внутреннему положенію республикъ представляется предсѣдателю совѣта народныхъ комиссаровъ Украины, тов. Раковскому.

И раздался повторный ревъ наэлектризованнаго зала...

Въ черныхъ галифэ и въ такомъ же френчѣ, гладко выбритый, очень похожій на кинематографическаго актера, Раковскій быстрыми шагами приблизился къ рампѣ и уже на ходу началъ:

«Отъ имени Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Украины привѣтствую васъ!..»
Фраза была произнесена фальцетомъ, сразу показавъ, что говоритъ иностранецъ, блестяще владѣющій русскимъ языкомъ...

Опозданіе поѣзда Раковскій объяснилъ тѣмъ, что, когда они подъѣхали къ Павлограду, казаки Буденнаго пригнали на станцію триста пойманныхъ повстанцевъ и что ему вмѣстѣ съ Бухаринымъ пришлось тутъ же произвести судъ и расправу надъ возставшими сынками крестьянскихъ кулаковъ...

Говорилъ Раковскій быстро, спѣша за мыслью, и рѣдко запинался, подыскивая иногда какое нибудь нужное, болѣе ярко оттѣняющее мысль, слово.

Всѣ кошмары совѣтской жизни Раковскій взваливалъ на гражданъ совѣтскихъ республикъ. Не выдѣляя ни саботажниковъ, ни спецовъ, ни бѣлыхъ, ни красныхъ, Раковскій доказывалъ, что все несчастіе въ томъ, что граждане республикъ почему то прониклись мыслью, что Совѣтская власть должна ихъ содержать и снабжать ихъ всѣмъ тѣмъ, что нужно человѣку для нормальной жизни и работы. Чуть коснувшись безпартійной массы, Раковскій всѣми стрѣлами своей пылкой рѣчи обрушился на тѣхъ коммунистовъ, которые, занявъ какой либо отвѣтственный постъ, сразу усваиваютъ себѣ всѣ отрицательныя стороны и замашки бывшихъ царскихъ чиновниковъ, въ то же время не обладая ни опытомъ, ни знаніемъ, ни работоспособностью послѣднихъ...

«У насъ нѣтъ людей!.. У насъ нѣтъ товарищей, которые помогли бы намъ, стоящимъ на вершинѣ власти, вести жизнь республикъ такъ, какъ этого требуютъ условія момента, условія жизни... Воры, карьеристы, жулики, своевременно обезпечившіеся партійнымъ билетомъ, засоряютъ нашъ слабый, разстроенный государственный аппаратъ, и только самая безпощадная и жестокая борьба съ нашими такими же товарищами-коммунистами поможетъ намъ поставить внутреннюю жизнь республикъ такъ, какъ этого требуютъ ученія нашихъ великихъ людей!»

Рѣчь, касавшаяся отчасти и петлюровско-махновскаго настроенія украинскаго крестьянства, была въ дѣйствительности горячей агитаціей къ открывшейся тогда кампаніи по чисткѣ коммунистической партіи.

Пѣвуче, чистымъ говоромъ москвича, началъ свой докладъ Бухаринъ... Небольшого роста, на короткихъ и кривыхъ ногахъ, съ большой лысѣющей головой на тонкой шеѣ, въ несвѣжемъ старенькомъ пиджакѣ, Бухаринъ напоминалъ собою типъ ябедника-чиновника, сидящаго въ какихъ то далекихъ углахъ желѣзнодорожныхъ управленій...

Говорилъ онъ ровно, спокойно, безъ горячности Раковскаго, а мягко, съ лукавой усмѣшкой язвилъ буржуазныя государства и капиталистическихъ правителей. По докладу Бухарина и, какъ онъ въ концѣ доклада и самъ сказалъ, весь міръ со всѣми его геніальными Ллойдъ-Джорджами и Вильсонами представляетъ собой одинъ огромный страшный сумасшедшій домъ, и среди всего этого міра сумасшедшихъ здоровымъ ядромъ является одна только Россійская коммунистическая Партія — Р. К. П. —

Въ эту минуту, когда Бухаринъ сталъ развивать высказанную имъ мысль, мнѣ вспомнился обычный типъ сумасшедшаго, убѣжденнаго въ томъ, что всѣ вокругъ него съ ума сошли, а только онъ одинъ обладаетъ здравымъ смысломъ и потому его то сумасшедшіе и заперли въ душную палату.

«Сижу я частенько въ кабинетѣ Чичерина... Пугнемъ, говорю, Францію... Пусти-ка по прямому ноту въ Варшаву!.. И Чичеринъ пугаетъ... Мы-то съ Чичеринимъ хохочемъ, а изъ Варшавы, устами французскихъ имперіалистовъ летитъ къ намъ по радио встревоженный и серьезный отвѣтъ... Мы, значить, въ шутку, а они въ серьезъ!.. Мы для забавы, а они за головы хватаются, и пушы у нихъ дрожать!.. А что нашъ Красинъ въ Лондонѣ выдѣлываетъ! — заливался Бухаринъ — Чудеса да и только!.. Англичане и во снѣ видятъ наши лѣса, нашу нефть, нашу руду и нашъ Уралъ... Международные политики, товарищи, — перешелъ на серьезный тонъ Бухаринъ, — въ годы большого историческаго сдвига, продѣланнаго Россійской

Коммунистической Партіей, оказались неподготовленными къ тѣмъ формамъ дипломатіи, которыя выдвинулъ нашъ Ильичъ и которыя такъ исчерпывающе полно и тонко схватилъ и понялъ нашъ Чичеринъ, хотя тоже старый царскій дипломатъ... Вся ошибка и самое страшное для міровыхъ дипломатовъ это то, что мы говоримъ опредѣленнымъ языкомъ, и слово «да» на языкѣ нашей коммунистической дипломатіи означаетъ исключительно положительную сторону дѣла, т. е. чистое, утверждающее событіе «да»; они же, выжившіе изъ ума міровые дипломаты, въ нашемъ открытомъ «да» ищутъ какихъ то несуществующихъ въ немъ оттѣнковъ уклончивости, отрицанія, и до глупаго, до смѣшного бродятъ межъ трехъ сосенъ... Вся, товарищи, суть дипломатіи заключается въ томъ, что кто кого окопачить!.. Сейчасъ, товарищи, мы колпачимъ!.. Можетъ быть, настанетъ часъ, когда и насъ будутъ колпачить, но сейчасъ, товарищи, повторяю, мы колпачимъ всю Европу!.. весь міръ!.. и на сѣдой головѣ Ллойда-Джорджа красуется невидимый для міра, но видимый намъ, большой остроконечный колпакъ, возложенный нашими славными товарищами, Красинымъ, Литвиновымъ и Чичеринымъ...»

Въ докладѣ Бухаринъ смѣялся надъ заключеннымъ съ Англіей торговымъ договоромъ и, коснувшись коммунистическихъ теченій милліоновъ мірового пролетаріата, набросалъ такую яркую, живую картину, что казалось, что завтра, послѣ завтра, не успѣетъ доѣхать Бухаринъ до Харькова, какъ въ Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, Парижѣ и Берлинѣ прочно укрѣпится совѣтская власть съ серпомъ и молотомъ подъ красной пятиконечной звѣздой...

Много досталось отъ язвительнаго остроумія Бухарина образовавшимся на окраинахъ Россіи буржуазнымъ государствамъ...

«Это, товарищи, не государства, а мелкая размѣнная монета, выпущенная міровыми хищниками для удобства расчета въ могущихъ создаться осложненіяхъ въ буржуазномъ лагерѣ крупныхъ государствъ».

«Вамъ, товарищи, не нужно сейчасъ думать о томъ, почему центромъ Красной Украины является не Кіевъ, а Харьковъ, и пусть многіе изъ васъ не скорбятъ о томъ, что нѣтъ одной Красной Москвы, безъ красныхъ центровъ Харькова, Азербейджана, Минска и Ташкента, а думайте, товарищи, о томъ, что скоро и очень скоро вырастетъ міровымъ колоссомъ одна интернаціональная коммунистическая власть трудящихся всего міра — Лондона, Парижа, Нью-Йорка, и Берлина — съ однимъ интернаціональнымъ краснымъ Центромъ — нашей русской коммунистической Москвой!!»

Скучнымъ, вялымъ тономъ армейскаго капитана, восхвалялъ силу и духъ Красной Арміи Фрунзе, и только къ разсвѣту торжественное засѣданіе было закончено общимъ пѣніемъ Интернаціонала...

Уѣхали вожди, направляясь вглубь Украины на Полтаву, Кіевъ, Кременчугъ, и тяжелые, давящіе будни тифа, голода и холеры быстро ступевали всѣ слова, фразы и обѣщанія сытыхъ и довольныхъ вождей...

Съ какимъ то сладостнымъ упоеніемъ присяжный повѣренный Я., зарабатывавшій въ дореволюціонное время до ста тысячъ въ годъ, разсказывалъ о томъ, какъ вчера прошло совѣщаніе юристовъ на квартирѣ предсѣдателя Ревтрибунала, коммуниста Обуховскаго...

«На столѣ полная коробка хорошихъ папиросъ... А во время засѣданія всѣмъ поднесли по стакану чая съ сахаромъ и лимономъ... А когда совѣщаніе окончилось, насъ пригласили въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ... Ветчина, колбаса, сало, швейцарскій сыръ, и сколько угодно масла съ бѣлымъ хлѣбомъ... И чай съ сахаромъ...»

И у слушателей загорались глаза; и открытая зависть была къ этому человѣку, который вчера только пилъ настоящій чай съ сахаромъ и кушалъ масло, да еще на бѣломъ хлѣбѣ... А ветчина!.. Господи!.. да мы уже забыли, какого она вида!

А крупный промышленникъ, сидя на чемоданѣ въ маленькой, оставленной ему послѣ реквизиціи комнаткѣ, вслухъ мечталъ:

«Богъ съ нимъ... съ голодомъ!.. Но по чѣмъ у меня страшная тоска — это по письму съ почтовой маркой, печатью почты какого нибудь города... когда медленно разрѣзаешь конвертъ и читаешь письмо... Все равно отъ кого, но письмо... изъ другого города... отъ другихъ людей... И потомъ газета... Утромъ, за чаемъ, разворачиваешь листы свѣже отпечатанной и сильно пахнувшей краской газеты... И пачкаетъ руки...»

* * *

Жили мы, какъ полудикіе люди на необитаемомъ островѣ... Продолжительное недоѣданіе и въ послѣдніе мѣсяцы опредѣленный, ничѣмъ не прикрытый голодъ вызывалъ въ мозгу бредовыя мысли о бѣгствѣ куда нибудь въ Европу... Америку... куда нибудь... лишь бы спасти себя и свою малую семью отъ приближавшагося призрака мучительной голодной смерти... Къ тифу, холерѣ и цынгѣ прибавилась какая то странная, врачами не раскрытая, болѣзнь, возникшая на почвѣ остраго недоѣданія... Сильныя головныя боли валили голоднаго съ ногъ, и послѣ нѣсколькихъ дней мучительной головной боли больного записывали въ очередь въ одну изъ братскихъ могилъ кладбища...

Такой исходъ болѣзни только радовалъ близкихъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ головныя боли кончались полнымъ сумасшествіемъ больного, и на улицахъ города часто попадались люди, блаженно улыбавшіеся и мечтательно жевавшіе вѣтку акаціи или какую нибудь старую грязную тряпку.

Власть ушла отъ всякихъ заботъ о кормленіи населенія и, жестоко и отчаянно разстрѣливая крестьянъ, обстрѣливая деревни орудійнымъ огнемъ, а нерѣдко и сжигая деревни до основанія, выколачивала продовольственный налогъ для прокормленія чекистовъ, членовъ коммунистической партіи и арміи.

Преступленія и кражи во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ развились до ужасовъ; поддѣлывали подписи комиссаровъ и, путемъ соглашенія съ кассирами банка или учрежденіями, получали изъ кассъ милліонныя суммы; поддѣлывали ордера и выдавали имущество въ видѣ мѣшковъ, мануфактуры, желѣза, гвоздей; крали изъ продовольственныхъ складовъ сахаръ, муку, соль...

Крали и сами комиссары-коммунисты, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ творящейся въ ввѣренныхъ имъ учрежденіяхъ вакханаліи, и частенько стали прибѣгать къ помощи того или другого спеца для болѣе тонкаго и осторожнаго проведенія дѣла.

Всесильные главки устраивались проще. Завѣдывавшій Губернскимъ Земельнымъ отдѣломъ Шаляхинъ выписывалъ изъ своихъ складовъ Харитоненку, завѣдывавшему тогда отдѣломъ Соціального обезпеченія, нѣсколько пудовъ картофеля, лукъ, сушеные фрукты и керосинъ, а тов. Харитоненко выписывалъ тов. Шаляхину ордеръ на полученіе изъ склада Соціального Обезпеченія тридцати аршинъ лучшей мануфактуры, шести паръ бѣлья, дюжины катушекъ нитокъ... Завѣдывавшій Губернскимъ Отдѣломъ Здравоохраненія, врачъ, коммунистъ Козловскій, выписывалъ комиссару дороги усиленное питаніе, выдавая ему со складовъ по нѣсколько фунтовъ мяса, масла, десятка яицъ, какао, шоколадъ и бѣлую муку, а комиссаръ дороги присылалъ Козловскому домой десятки пудовъ дровъ и угля.

Продовольственныя учрежденія, получая что либо для населенія, первымъ дѣломъ снабжали своихъ сотрудниковъ пайкомъ и, проявляя въ этомъ случаѣ исключительную и небывалую въ совѣтскихъ учрежденіяхъ честность, выплачивали своимъ сотрудникамъ задолженныя, ранѣе не выданные пайки...

«Миѣ, товарищъ, еще за февраль!», кокетничая съ коммунистомъ, щебетала машинистка, дочь недавняго крупнаго буржуа.

И «товарищъ» выдавалъ паскъ и за февраль, хотя дѣло происходило въ маѣ или въ іюнѣ...

И въ такіе дни, въ часы послѣ занятій, можно было встрѣтить людей со счастливыми лицами тащившими на плечахъ или въ спеціально приспособленныхъ повозочкахъ мѣшки муки, кульки сахару, банки керосину, десятокъ селедокъ, нѣсколько

фунтовъ соли, свѣчей, десятокъ коробокъ спичекъ, а отвѣтственные «спецы» и товарищи-коммунисты для доставки своихъ пайковъ домой прибѣгали къ помощи лошадей...

Населеніе оставалось при карточкахъ, а чтобы было какое нибудь развлеченіе, продовольственныя организациі объявляли бѣлыя карточки недѣйствительными, выдавая взамѣнъ бѣлыхъ — голубыя. Недѣлями стояли голодные дѣти, женщины и старики въ очередяхъ по обмѣнѣ карточекъ только для того, чтобы черезъ мѣсяцъ подчиниться новому приказу и стать въ новую очередь по обмѣну голубыхъ карточекъ на бѣлыя...

Миръ съ Польшей былъ давно подписанъ, никакихъ внѣшнихъ фронтовъ не было, и только крестьянство на Украинѣ кровью комиссаровъ и коммунистовъ заливало свое стихійное негодованіе и возмущеніе властью красныхъ.

Ленинъ бросилъ толпѣ своихъ полусумасшедшихъ и истеричныхъ коммунистовъ новый лозунгъ «товарообмѣнъ», и голодавшіе мелкіе коммунисты съ энтузіазмомъ бросились на постиженіе новаго ученія великаго Ильича.

Потомъ голодной массѣ коммунистовъ ловко подсунули принципиальныя разногласія по профессиональному вопросу между Ленинымъ и Троцкимъ, и новая волна горячихъ митинговъ, докладовъ и рефератовъ отвлекла больные умы коммунистовъ отъ самаго страшнаго и ничѣмъ не поправимаго голода.

Когда появились на заборахъ воззванія организовавшагося въ Москвѣ общественного комитета помощи голодающимъ — никто не сомнѣвался въ томъ, что эта новая ловушка еще сохранившихся въ Россіи общественныхъ силъ окончится печально для всѣхъ участниковъ комитета, взявшаго на себя непосильную работу по борьбѣ съ голодомъ...

Подписи подъ воззваніями графини Толстой, Кишкина, Прокоповича, Щепкина, и само воззваніе, составленное не въ такихъ грубыхъ тонахъ, какими дышалъ призывъ Брусиловской компаніи генераловъ, ни въ комъ не вызвало сомнѣній въ искренности благихъ, человѣческихъ стремленій общественниковъ, но творившаяся кругомъ совѣтская вакханалія, царившій произволъ и безпредѣльная разнузданность носителей власти на мѣстахъ, въ умахъ интеллигенціи съ первыхъ же дней вызывали досадливое недоумѣніе въ томъ смыслѣ, что этимъ людямъ долга, чести и ума не слѣдовало бы связаться съ большевиками, которые изъ фамилій посителей русской общественности создадутъ для всего какую нибудь новую обманную игру.

Въ успѣхъ дѣла, которому вызвался служить комитетъ, никто не вѣрилъ, такъ какъ была твердая убѣжденность въ томъ, что большевики созданіемъ этого преслѣдуютъ не цѣли борьбы съ голодомъ, а какія то особыя свои коммунистическія задачи.

И когда вскорѣ появились сообщенія о треніяхъ комитета съ большевиками, а потомъ объ разгонѣ и объ арестѣ нѣкоторыхъ членовъ комитета, многіе раздраженно говорили:

«Такъ имъ и надо! Пусть не играютъ въ общественность съ каторжанами, ворами и убійцами!..»

И память объ общественномъ комитетѣ канула въ вѣчность...

* * *

Въ мою личную жизнь, протекавшую такъ же голодно, холодно и напуганно, какъ и жизнь многихъ другихъ людей, оставшихся въ сторожѣ отъ «созидательной работы большевиковъ» и не пошедшихъ къ нимъ цѣликомъ душой и сердцемъ на работу, вошелъ такой случай.

Возможно, что если бы не этотъ случай, я бы голодалъ до тѣхъ поръ, пока не былъ бы отвезенъ въ какой нибудь холерный баракъ или прямо на кладбище... Но проснувшаяся воля толкнула меня на жизнь или на смерть... — «Все равно, думалъ

я, чѣмъ такъ существовать, лучше попытаться бѣжать, и во всякомъ случаѣ — хуже не будетъ... А если поймаютъ и разстрѣляютъ, то въ концѣ концовъ и лучше, чѣмъ такъ кошмарно тянуть дни, незамѣтно слагавшіеся въ годы!..»

Была объявлена мобилизація журналистовъ для посылки на газетную работу въ Ташкентъ и Самаркандъ...

Не знаю, имѣла ли эта мобилизація прямой цѣлью развитіе коммунистическаго печатнаго слова въ томъ краѣ или ея цѣлью было избавиться отъ бывшихъ журналистовъ, не пошедшихъ въ большевистскія газеты, но, во всякомъ случаѣ, мнѣ угрожала принудительная высылка въ далекій край, и отъ этой высылки надо было спастись во что бы то ни стало...

Помогъ одинъ ихъ друзей, оставшійся безпартийнымъ, но благодаря своей исключительной ловкости и приспособляемости сумѣвшій занять у большевиковъ постъ главноуполномоченнаго по распредѣленію металла на Дону, Кубани и Украинѣ...

Проданные остатки мебели, альбомы Художественнаго театра, цинковая ванна, желѣзная печка, бездѣлушки, статуэтки, — дали мнѣ сумму, достаточную для двухнедѣльнаго существованія.

Получивъ отъ главноуполномоченнаго колоссальный мандатъ разъѣздного представителя, мнѣ удалось на виду у всѣхъ шипѣвшихъ вокругъ меня красныхъ журналистовъ легально вырваться изъ города.

Простоявъ съ вечера до трехъ дня другого дня въ очереди за полученіемъ пропуска, я на слѣдующій день, на разсвѣтѣ, отправился на вокзалъ. На Харьковъ отправлялся одинъ поѣздъ въ недѣлю и не попасть въ этотъ поѣздъ — значило остаться въ городѣ еще на недѣлю, просрочить пропускъ и оказаться въ положеніи преступника, пойманнаго послѣ неудачной попытки къ побѣгу.

Вокзалъ съ утра былъ переполненъ людьми, стремившимися уѣхать... Всѣ имѣли какія то командировки, всѣ были снабжены особыми командировочными удостовѣреніями, и только часамъ къ двѣнадцати, когда составъ былъ поданъ, Чека приступила къ провѣркѣ документовъ вообще и, главнымъ образомъ, командировочныхъ.

Молча чекисты просматривали бумаги, и часто, не произнося ни одного звука, уничтожали тѣ удостовѣренія, обладателей которыхъ чекисты по какимъ-то, имъ только извѣстнымъ, соображеніямъ не желали выпустить изъ города. Возраженія, просьбы въ такихъ случаяхъ не приводили ни къ чему хорошему, такъ какъ чекисты спустя минуту также молча рвали въ мелкіе кусочки аршинный мандатъ какого нибудь «спеца».

«Товарищъ!.. Вы не поѣдете!»

Если же «товарищъ» не успокаивался и не отставалъ отъ чекиста, умоляя дать ему возможность проѣхать до Харькова — чекисть, игриво улыбаясь, спрашивалъ:

«А по какому дѣлу, товарищъ, вы ѣдете?»

«Видите ли... я командированъ отъ Химотдѣла за полученіемъ матеріаловъ, и если я не поѣду, то...»

«То и не поѣдете!» рѣзко прерывалъ чекисть, направляясь къ другимъ, съ трепетомъ и страхомъ поджидавшимъ его жертвамъ.

Каждый, послѣ провѣрки документовъ, могъ свободно влѣзть въ товарный вагонъ, предварительно показавъ красноармейцу, что бумаги на поѣздъ имѣются на рукахъ.

Часамъ къ шести вечера вагоны были густо набиты... Составъ поѣзда состоялъ изъ нѣсколькихъ классныхъ вагоновъ, въ которыхъ по два-три человѣка спокойно располагались важные и неважные комиссары, изъ нѣсколькихъ отремонтированныхъ съ койками товарныхъ вагоновъ, въ которыхъ весело щебетали совѣтскія барышни походныхъ канцелярій комиссаровъ, и ряда старыхъ, грязныхъ теплушекъ, въ которыя, какъ въ зимнюю стужу къ горящему камину, устремились счастливы-уѣзжающіе.

Со станціи поѣздъ тронулся только въ первомъ часу ночи и медленно, нудно потянулся, часто останавливаясь; паровозъ пыхтѣлъ, шипѣлъ, свистѣлъ и на какомъ-то глухомъ полустанкѣ категорически отказался тащить дальше и комиссаровъ, и барышень, и всю ту безформенную массу, которая молчаливо, руками, ногами и головами сплелась въ одно многоголовое, хрипящее, стонущее и кашляющее чудо-вище.

Къ утру паръ въ паровозѣ поднялся, и поѣздъ потянулся, тяжело взбираясь на небольшой уклонъ... Только составъ большей своей частью перетянулся на спускъ, вагоновъ десять шаловливо съ трескомъ отдѣлились отъ состава и, развивая на бѣгу скорость, понеслись внизъ по уклону.

Часа черезъ два удалось составъ сцѣпить и ... поѣздъ все же дальше не пошелъ... Трубы въ паровозѣ дали такую течь, которая привела машиниста въ страшное негодование, и онъ наотрѣзъ отказался вести поѣздъ. Ближайшія депо, запрошенныя по телефону, отказались дать паровозъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что годныхъ къ поѣздкѣ паровозовъ нѣтъ. Все же къ вечеру былъ присланъ паровозъ, который вмѣстѣ съ прежнимъ паровозомъ, надрываясь, потащилъ составъ.

Въ Харьковъ насъ притащило на четвертый день ночью, и когда всѣ бросились къ выходу — раздались дикіе крики — «назадъ!.. всѣ назадъ!.. въ вагоны! Стрѣлять будемъ!»

Желѣзнодорожная Чека пожелала провѣрить документы пріѣхавшихъ и ничего другого не могла придумать, какъ загнать всю обалдѣвшую отъ четырехдневнаго пути массу обратно въ вагоны...

Плачь, истерическіе возгласы, руготня, проклятья, дикіе, властные окрики «начальства» слились въ одинъ жуткій шумъ, утихшій только тогда, когда часа черезъ два, истерзанные, окровавленные люди, потерявъ свои послѣдніе котомки и мѣшки, снова забились въ вагоны...

«Выходи по одному!» — раздалась команда на перронѣ, и изъ cadaго вагона держа, бумаги въ рукѣ, стали выползать напуганныя существа...

Красноармеецъ, не просматривая бумагъ, пропускалъ мимо себя въ темнотѣ всѣхъ пріѣхавшихъ, и я тогда и теперь не понималъ и не понимаю, для чего же нужна была вся эта исторія, вся эта кошмарная процедура по обратному заgonу въ вагоны.

Тутъ же на вокзальной площади, поздней ночью, шелъ какой то уличный митингъ съ кинематографомъ, и на полотнѣ двигались какія то тѣни генераловъ, офицеровъ и страшно толстыхъ, сытыхъ людей...

Какой то человѣкъ, стоя на возвышенности, напрягая хриплый голосъ, что то выкрикивалъ и смѣшно жестикулировалъ...

У помѣщенія вокзала вся пріѣхавшая масса расположилась на мостовой и дружно-громкимъ храпомъ влилась въ общій шумъ митинговавшей толпы.

Къ утру двинулись въ городъ.

При всемъ моемъ колоссальномъ мандатѣ, мнѣ въ Харьковѣ совершенно печего было дѣлать, и одна упорная, настойчивая мысль разжигала мозгъ;

«Впередъ... дальше... въ Москву!.. дальше... дальше!...»

Поплелся къ «бывшимъ» людямъ... Встрѣтилъ знакомыхъ актеровъ... Предлагали остаться въ какихъ то репертуарныхъ комиссіяхъ съ «пайкомъ»... Не подходитъ... Нужно двигаться къ Москвѣ... Оказалось, что изъ Харькова выбраться не такъ-то легко... При отходѣ поѣзда на Москву производится исключительно строгая провѣрка документовъ, и въ случаяхъ малѣйшаго сомнѣнія въ правдивости документовъ можно легко очутиться въ Особомъ Отдѣлѣ.

Къ несчастью, тогда же былъ изданъ законъ о лишеніи права на бесплатный проѣздъ всѣхъ ѣдущихъ по командировочнымъ удостовѣреніямъ и о необходимости уплаты полной стоимости проѣзда учрежденіемъ, которое командируетъ своего сотрудника...

За сохранившійся у меня хорошій кожаный портфель какой то репортеръ «Коммуниста» взялся помочь мнѣ выѣхать изъ Харькова.

По улицамъ на столбахъ были расклеены большіе плакаты съ полнымъ описаніемъ процесса какой-то раскрытой Савинковской организаціи, и въ концѣ значились двѣнадцать фамилій приговоренныхъ къ разстрѣлу и, какъ гласилъ плакатъ, уже разстрѣлянныхъ.

На толкучемъ рынкѣ, недалеко отъ зданія Управленія Южныхъ дорогъ, происходила та же вакханалія съ продажей старыхъ и новыхъ тряпокъ, мебели, посуды.

Возбужденные, голодные и злые люди вырывали другъ у друга какія-то кружевные занавѣски, а собственница занавѣсокъ съ трудомъ поспѣвала за ними, съ страшной быстротой переходившими изъ рукъ въ руки... Какіе то подростки оттолкнули женщину, и спустя минуту она громко ревѣла, потерявъ свои занавѣски въ общемъ хаосѣ хватающихъ рукъ и говорящихъ людей...

Парень въ хорошей деревенской чумаркѣ купилъ у красноармейца новую пару сапогъ, гимнастерку и черные штаны... Уплативъ нѣсколько милліоновъ за все это добро, онъ торопливо выбрался изъ клокотавшей толпы и въ тихомъ переулкѣ былъ настигнутъ двумя красноармейцами...

«Что несешь?! Развѣ не знаешь, что за покупку военной аммуниціи — разстрѣль? Становись къ стѣнкѣ!»

Сапоги, штаны и гимнастерка были тотчасъ же отданы красноармейцамъ, къ которымъ въ тотъ же мигъ присоединился продавшій парню «аммуницію»... Послѣ быстрой дѣлежки заработка, «аммуниція» снова вернулась на толчокъ для новаго и прибыльнаго оборота...

Центръ былъ поглощенъ работой по введенію въ жизнь декрета о товарообмѣнѣ...

На одномъ изъ митинговъ въ театрѣ Муссури выступилъ съ рѣчью тов. Раковскій, развивавшій мысль, что де теперь власть отказывается отъ системы разверстокъ и палоговъ, а пойдетъ къ крестьянству за хлѣбомъ, предлагая въ обмѣнъ необходимые крестьянамъ предметы деревенскаго обихода... Предполагалось по смыслу декрета установить какія то особыя таблицы пуда — желѣза и пуда — зерна, пуда — гвоздей и пуда — жировъ, и еще какія то страшно сложныя и запутанныя схемы пуда — овощей и аршина — мануфактуры...

Это мѣропріятіе, которое по мнѣнію всѣхъ совѣтскихъ экономистовъ должно было совершенно переродить всю совѣтскую прежнюю политику, въ дѣлѣ извлеченія хлѣба у крестьянъ, проводилось съ страшнымъ шумомъ, и воспаленному мозгу голодныхъ мелкихъ коммунистовъ казалось, что теперь то Ленинъ наконецъ нашелъ путь къ амбарамъ кулаковъ и «хлѣбъ — до сыта» не за горами.

Верхи коммунистическіе разжигали массу, и казалось, что дѣйствительно вопросъ выкачиванія у крестьянъ хлѣба разрѣшенъ чрезвычайно легко...

Послѣ доклада Раковского были открыты пренія, и понадобились выборы предсѣдателя... Митингъ шелъ подѣ флагомъ «широкой безпартійной конференціи», и когда избраннымъ оказался какой то старый рабочій паровозостроительнаго завода, рабочій этотъ поднялся на сцену и отказался отъ чести быть предсѣдателемъ митинга, такъ какъ онъ, рабочій, — воръ и сегодня только вынесъ съ завода ручной сверлильный станокъ...

«И никакіе товарообмѣны намъ не помогутъ, а подыхать намъ всѣмъ, какъ псамъ смердячимъ, — потому мы всѣ воры и только валяемъ дурака!.. И самъ нашъ товарищъ Раковскій воръ!.. Потому какъ онъ ѣхалъ какъ-то, то взялъ въ вагонъ десять фунтовъ какао, да полъ пуда шеколаду, и ликеровъ... и вина...»

Поднялся шумъ... крики, свистъ...

Раковскій выступилъ съ оправдательнымъ объясненіемъ и сказалъ, что, дѣйствительно, когда онъ съ комиссіей выѣзжалъ на Украину, онъ выписалъ себѣ изъ Продоргановъ какао и шеколадъ, но не для себя одного, а для всѣхъ членовъ комиссіи...

И смѣшнымъ, и нелѣпымъ казался этотъ изящный человекъ, по мальчишески глупо оправдывавшійся въ томъ, что съѣлъ лишнюю плитку шеколаду.

Дѣло выдачи мнѣ пропуска и казенной оплаченной командировки въ Москву осложнилось, и мнѣ пришлось пустить въ ходъ сохранившуюся у меня старинную

трубку изъ морской пѣнки. Трубка была вручена какому-то члену коллегіи, и я получилъ проѣздные документы до Москвы, увѣряя, что въ Москвѣ только я смогу дѣйствительно быть полезнымъ власти, такъ какъ тамъ творится настоящее дѣло по поднятію хозяйственныхъ силъ страны.

Изъ Харькова отправлялось на Москву три поѣзда въ недѣлю, не считая особыхъ скорыхъ ВЦИКовскихъ поѣздовъ, которые почти ежедневно курсировали въ этихъ направленіяхъ.

Въ вагоны посадка производилась также послѣ провѣрки документовъ, и когда всѣ вагоны до отказа набились людьми, мѣшками и чемоданами, на перронѣ осталась огромная толпа, спокойно смотрящая на процедуру съ провѣркой документовъ и заботливой посадкой въ вагоны уѣзжающихъ.

Когда посадка была закончена, мирно стоявшая на перронѣ толпа съ оглушительнымъ крикомъ бросилась къ вагонамъ и усаживалась на головахъ тѣхъ, которые ранѣе легально влѣзли въ вагоны...

Красноармейцы, подъ напоромъ толпы, ринулись подъ вагоны, и одинъ красноармеецъ, вброшенный толпой въ вагонъ, вытирая потное лицо, говорилъ:

«И каженный разъ такъ само выходитъ!.. Провыряютъ... провыряютъ, а послѣ спекуляція и беретъ!.. И увсе здря!»

Уже въ пути, когда трясущійся вагонъ утрамбовывалъ смѣшавшіяся тѣла въ одну неразрывную массу, кто то мнѣ басилъ въ ухо:

«Понимаете!.. Это все на насъ мѣшечники насѣли... Они гуртомъ даютъ на станціи чекистамъ нѣсколько лимончиковъ, а чекисты и позволяютъ имъ врываться въ вагоны безъ документовъ, безъ командировокъ и безъ билетовъ...»

Выйти изъ вагона не было никакой возможности и только благодаря тому, что на какихъ то переднихъ вагонахъ загорѣлись буксы и огонь обхватилъ дерево вагоновъ — всѣ бросились изъ вагоновъ и потомъ долго расправляли онѣмѣвшія руки и ноги.

Поврежденные вагоны пришлось выбросить изъ состава и къ намъ въ вагоны прибавилось еще сотни двѣ пассажировъ.

Мимо нашего поѣзда часто проносились комиссарскіе скорые поѣзда съ паровозами, имѣвшими топку, — передѣланныя на нефть.

Въ Курскѣ поѣздъ стоялъ восемь часовъ... и никто не рѣшался выйти изъ вагона, опасаясь встрѣчи съ какимъ нибудь начальствомъ, которое придерется къ документамъ и «сниметъ» съ поѣзда.

До Москвы мы плелись шесть дней, и на Рогожской заставѣ поѣздъ выбросилъ всѣхъ тѣхъ, которые съ такой поразительной выносливостью провели почти недѣлю въ грязномъ, душномъ и вонючемъ вагонѣ, безъ горячей воды, безъ мыла, безъ сна, а нерѣдко и безъ пищи...

Купленные мною въ Харьковѣ два фунта черного хлѣба, въ послѣднемъ ихъ крошечномъ сухарикѣ, были мною жадно проглочены по пути съ Рогожской заставы на Большую Дмитровку...

Та же Москва-рѣка, спокойно отражающая мягкіе лучи ранняго утренняго солнца... Тотъ же лѣсъ крестовъ, тянущихся къ небу; та же бойкая и оживленная Театральная площадь, а сама то Москва не та... и люди ходятъ по ней не тѣ, а какіе то новые, стремительные, кричащіе, чуждые спокойствія дремлющей Москвы-рѣки, величію мрачныхъ стѣнъ Кремля и всей недавней московской медлительности...

По Тверской, съ пѣніемъ какой то революціонной пѣсни на какомъ то гортанномъ и хрипящемъ языкѣ, потрясая красными знаменами, почти бѣгомъ проносится толпа подростковъ изъ Коммунистическаго Союза Молодежи...

Со всѣхъ угловъ назойливо лѣзутъ въ глаза, какъ недавніе Шустовскіе коньяки, конскія головы съ краткими надписями:

«Здѣсь продается конина» —

Величавымъ, печальнымъ и мрачнымъ гигантомъ одиноко стоитъ Храмъ Христа Спасителя, навѣвая величавыя воспоминанія о силѣ, могуществѣ и красотѣ большой и великой Россіи...

На заборахъ, стѣнахъ домовъ, всюду коммунистическія надписи...
Давно нѣтъ Деникина, безслѣдно погибъ Юденичъ, а вотъ тебѣ съ забора, надры-
ваясь, кричитъ футуристически нарисованный человѣкъ:
«Всѣ на палача Деникина!..»
«Да здравствуетъ Красная Москва!..»
«Да здравствуетъ Красный Кремль!..»
И тутъ же изъ за угла аляповато исписанный заборъ:
«Смерть польской шляхтѣ!!»
«Ура! — Красной Варшавѣ!!»
И старымъ, давно забытымъ звучитъ призывъ на стѣнѣ какого-то гиганта-дома:
«Донбассъ — кочегарка міровой революцій!.. Всѣ на защиту Донбасса!!»
А рядомъ выдержки изъ коммунистическихъ изреченій:
«На развалинахъ стараго — построимъ новое!!»
«Мечемъ не мечъ, а миръ несемъ мы міру!..»
«Кто не работаетъ, тотъ не ѣстъ!..» нахально выкрикиваетъ какой то оборвышъ,
прикрѣпленный къ забору кистью совѣтскаго футуриста, предательски напоминая
о голодѣ, такъ изнуряющемъ мозгъ.

* * *

Удивило меня очень то, что изъ Москвы въ Минскъ и обратно ежедневно кур-
сируютъ по три поѣзда, приходящіе и отходящіе минута въ минуту по расписанію.

Чистый и просторный Александровскій вокзалъ былъ разукрашенъ портретами
Ленина, Троцкаго, Маркса, Бухарина, Зиновьева, Луначарскаго.

Швейцаръ въ ливреѣ, съ блестящими пуговицами, носильщики съ мѣдными
бляхами-номераами на бѣлыхъ фартукахъ, вода, свободно льющаяся изъ всѣхъ водо-
проводныхъ крановъ, электрическія лампы, давашія свѣтъ, парикмахерская при
уборной вокзала — все какъ будто такъ, какъ было...

Но тутъ же, недалеко на площади, группа людей, говорившихъ на разныхъ
языкахъ, но только не на русскомъ, съ ружьями на перевѣсь продѣлывая какіе то
ружейные приемы и, закончивъ ученье, на непонятномъ языкѣ огласила площадь
звуками «Интернаціонала».

Швейцаръ, узнавъ о моемъ намѣреніи пробраться въ Минскъ, довѣрчиво и
намекающе улыбнулся и, взглянувъ на оравшую Интернаціональ группу, обратился
ко мнѣ:

«Сколько ихъ тутъ по Москвѣ бродить!! Господи! И откуда нехристей столько
въ Москвѣ то, никакъ ужъ не додумаюсь!.. День-деньской, и въ дождь, и въ морозъ
горлають да поютъ... А всѣ то здоровые... сытые... Сапоги то какіе... Прошу
посмотрѣть!..»

Мальчики были дѣйствительно хоть куда! Рослые, крѣпкіе, всѣ въ новомъ,
по военному одѣты, они твердо шагали по мостовой и по звучности голосовъ видно
было, что для нихъ пайка не существуетъ, а кормежка идетъ во всю... на славу
Зиновьевскаго Интернаціонала.

Сравнительно за небольшую сумму я былъ взять въ служебный вагонъ отходя-
щаго въ послѣобѣденное время на Минскъ поѣзда съ гарантіей быть доставленнымъ
въ городъ безъ всякихъ документовъ, пропусковъ и мандатовъ.

На вторыя сутки ровно въ восемь часовъ утра, поѣздъ остановился у разрушен-
наго во время войны поляками Минскаго вокзала, а около девяти часовъ я жадно
пилъ какую то мутную горячую жидкость — кофе съ сахариномъ, и возлѣ меня назой-
ливо вертѣлся какой то, неопредѣленныхъ лѣтъ, человѣкъ, пытавшійся подъ разными
предлогами со мной заговорить.

Чтобы помочь ему, я первый обратился къ нему и съ увѣреннымъ тономъ спро-
силъ:

«Скажите, товарищъ, гдѣ здѣсь помѣщается Паркомъ?»

Но вмѣсто отвѣта онъ, щуря глаза, улыбнулся и, приблизившись ко мнѣ, произнесъ:

«Вы развѣ коммунист?» — и выдержавъ короткую паузу, сказалъ:

«Я уже вижу, какой вы коммунист!»

И знакомство завязалось...

Долго водилъ онъ меня по узенькимъ кривымъ улицамъ уютнаго Минска, рассказывая о томъ, сколько онъ уже имѣлъ такихъ коммунистовъ, какъ я, какъ всѣ эти коммунисты очень любятъ совѣтскую власть, но всѣ они стремятся жить не въ самомъ Минскѣ, а такъ верста на сорокъ подальше...

И тономъ опытнаго ловца, угадывающаго матеріалъ для обработки, онъ на ходу какъ бы невзначай бросилъ:

«Если и вы хотите поселиться за Минскомъ, такъ я васъ познакомлю съ однимъ моимъ знакомымъ... который...»

Я его не дослушалъ...

На стѣнѣ деревянной лавки, прибитый мелкими гвоздями, висѣлъ списокъ фамилій, надъ которыми крупно выдѣлялись слова: «кого караетъ Чека».

На ходу глазомъ схватилъ я цифру «46»... Мой спутникъ потянулъ меня за собой и, оглянувшись назадъ, скороговоркой проговорилъ:

«У насъ здѣсь это не новость... Списокъ мѣняется каждый день... Но если увидятъ, что вы списокъ читаете, то васъ могутъ взять въ Чека и долго будутъ допрашивать о томъ, кого вы въ спискахъ ищете? Они всѣ говорятъ, что если среди вашихъ знакомыхъ нѣтъ враговъ совѣтской власти, то вамъ незачѣмъ интересоваться этими списками, а если вы интересуетесь и читаете списки, то кто нибудь изъ вашихъ близкихъ, родныхъ или знакомыхъ, или вы сами думаете попасть въ эти списки... Такъ мы всѣ, минчане, такъ списки эти и не читаемъ... Разстрѣливаютъ, — со вздохомъ добавилъ онъ, — каждый день по нѣсколько десятковъ человѣкъ!..»

Послѣ трехдневныхъ разговоровъ съ новымъ знакомымъ на разные темы, онъ самъ какъ то открыто и просто затронулъ то, что для меня казалось невозможнымъ, страшнымъ и жуткимъ.

«Хорошо!..» съ первыхъ же моихъ словъ согласился онъ... Я вижу, что вы человѣкъ не богатый, даже не то, что не богатый, а, простите, бѣдный... Вы только возьмите у меня это письмо и какъ только переѣдете туда, отправьте по адресу въ Америку... Мнѣ ночью снилось, что вы это исполните, и дайте мнѣ всѣ ваши бумаги и вы будете тамъ...» «Петры» не помѣшаютъ и, если у васъ есть штукъ десять — дайте... хуже не будетъ!..»

* * *

Еще въ Харьковѣ старый опытный желѣзнодорожникъ, помогая мнѣ въ выборѣ маршрута на Минскъ, волнуясь и вода пальцемъ по картѣ, говорилъ:

«На Москву ѣхать надо... Никакихъ Бахмачей!.. Поѣдете на Москву, а оттуда имѣете по три поѣзда на день безъ пересадки до самага Минска!..»

Все дѣло было въ томъ, что я не вѣрилъ старику тогда, когда онъ говорилъ о трехъ поѣздахъ на день, но оказалось, что сообщеніе Москвы съ Минскомъ шло въ лучшемъ видѣ...

И какъ Москва — столица Красной Россіи — въ такой же степени Минскъ — столица Красной Бѣлоруссіи, и въ послѣднемъ случаѣ носители верховной власти Красной Бѣлоруссіи, страдаютъ отъ полнаго непризнанія ихъ упрямыми минчанами.

Въ Минскѣ существуютъ свои особые и будто вполнѣ самостоятельные Народные Комиссаріаты Юстиціи, Финансовъ, Продовольствія, Путей Сообщенія, Почтъ и Телеграфовъ, Внутреннихъ дѣлъ, Соціального Обезпеченія, Народнаго Труда, Иностранныхъ дѣлъ, и еще рядъ тѣхъ же Народныхъ Комиссаріатовъ, которые густо разсыпаны въ Москвѣ и въ Харьковѣ, какъ въ столицѣ Украины.

Когда съ одного изъ моихъ документовъ понадобилось снять и завѣригъ официальную копію, меня направили къ Наркому Юстиціи!

«Позвольте!.. При чемъ же здѣсь Народный Комиссаръ Юстиціи всей вашей Бѣлорусской Республики, когда мнѣ нужно только удостовѣрить копію?!»

«Вотъ для этого то мы васъ и направляемъ къ Наркому Юстиціи!.. Идите и не теряйте времени!..» поторопили меня мои собесѣдники...

На большомъ домѣ висѣла маленькая вывѣска, на которой краснымъ по бѣлому было написано: «Б. С. Ф. С. Р. Народный Комиссариатъ Юстиціи»... И совсѣмъ мелкимъ, еле читаемымъ шрифтомъ, подъ серпомъ и молотомъ, было нацарапано: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь».

Въ этомъ же домѣ помѣщался Верховный Революціонный Трибуналъ Бѣлорусской Республики, Народный Слѣдователь, Народный Судья...

И въ тѣ дни, когда шло засѣданіе въ Трибуналѣ, совершенно бездѣйствоваль Народный Судья, а когда Народный Судья разсматриваль какое нибудь дѣло объ оскорбленіи Бѣлорусской Республики, безъ работы сидѣлъ весь Трибуналъ. И въ Верховномъ Трибуналѣ, и въ засѣданіяхъ Народнаго Судьи участвовали одни и тѣ же лица, и дѣятельность ихъ протекала въ условіяхъ полной другъ отъ друга зависимости.

Въ мѣстной газетѣ Предсѣдатель Народныхъ Комиссаровъ Бѣлоруссіи велъ какую то ожесточенную полемику съ самимъ Ленинымъ, подчеркивая, что Народные Комиссары Р. С. Ф. С. Р. мало удѣляютъ вниманія благополучію окраинныхъ совѣтскихъ республикъ, и угрожалъ полнымъ отдѣленіемъ Бѣлорусской Республики отъ Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссаръ по сношенію съ иностранными государствами писалъ колоссальныя статьи о невыгодности Рижскаго договора для рабочихъ и крестьянъ Совѣтской Бѣлоруссіи, и требоваль пересмотра всѣхъ пунктовъ мирнаго договора.

«Довольно быть намъ въ зависимости отъ хорошаго настроенія товарища Наркома Финансовъ Р. С. Ф. С. Р! Пора намъ обзавестись собственной платежной единицей!» съ пѣной у рта выкрикиваль Народный Комиссаръ Финансовъ Бѣлорусской республики, выступая на митингахъ.

А населеніе и граждане, въ виду близости границы, кое какъ добывавшіе себѣ на пропитаніе, открыто смѣялись надъ всѣми своими Народными Комиссарами, и Народный Судья, онъ же замѣститель Народнаго Комиссара Юстиціи, стоналъ подъ тяжестью валившихся на него дѣлъ по обвиненію гражданъ въ оскорбленіи Бѣлорусской Республики.

Когда стали циркулировать слухи о миролюбивомъ отходѣ Минска къ полякамъ, — Наркомъ по сношеніямъ съ иностранными государствами громомъ и молніей обрушился на эластичную политику и уступчивость Москвы, и въ скверненькой, небрежно набранной статьѣ призываль весь пролетаріатъ Бѣлоруссіи поднять голосъ въ защиту коммунистической Совѣтской Бѣлоруссіи...

Весь пролетаріатъ Бѣлоруссіи—человѣкъ сорокъ подростковъ, до большевиковъ работавшихъ на укусномъ и чернильномъ заводахъ, — а такъ какъ сейчасъ, въ виду отсутствія сырья, заводы эти бездѣйствуютъ, то и пролетаріатъ шатается по городу, — отъ вечера до ночи, болѣе или менѣе удачно въ ту или другую сторону перебрасывая контрабанду...

Бѣлоруссія со всѣми ея страшно умными и исторически великими Народными Комиссарами — это Минскъ и какіе то два уѣзда, прилегающіе къ Минску, отходятъ не то къ Польшѣ, не то къ Р. С. Ф. С. Р.

Но это нисколько не удерживаетъ Наркомфина отъ разработыванія проектовъ введенія собственныхъ кредитныхъ билетовъ, а Комиссара по сношеніямъ съ иностранными государствами — отъ яростныхъ нападокъ на французскій парламентъ за открытую поддержку Польши...

Чекисты и «особисты», мальчики изъ Особаго Отдѣла, имѣютъ въ Минскѣ постоянный и вѣрный заработокъ.

Сегодня чекисты приходятъ къ соглашенію съ какой нибудь буржуазной семьей о содѣйствіи ей при переходѣ границы, подсказываютъ семьѣ, куда надежнѣе

прятать цѣнности, а на другой день предъ самымъ выходомъ изъ квартиры Особисты арестовываютъ всю семью, и спрятанныя цѣнности безшумно тонуть въ глубокихъ и просторныхъ карманахъ галифѣ юныхъ Особистовъ...

А потомъ Особисты соглашаются переправить черезъ границу какогонибудь дорвавагося до Минска буржуя, а съ обыскомъ приходятъ уже Чекисты...

Жизнь течетъ... стремящихся по ту сторону кордона много, и Чекисты, и Особисты безопасно трудятся, имѣя постоянный и вѣрный заработокъ...

* * *

Когда темной ночью нашъ бѣженскій поѣздъ тихо двигался отъ Минска къ польской границѣ, какъ то не вѣрилось, что скоро списки разстрѣлянныхъ и всѣ совѣтскіе кошмары останутся позади... Мозгъ не принималъ того, что не будетъ Чеки, не будетъ разстрѣловъ, не будетъ разпузданнаго, кроваваго хамства и кровью залитыхъ подваловъ...

И когда на самой польской границѣ поѣздъ былъ остановленъ и было приказано всѣмъ выйти изъ вагоновъ, захвативъ съ собой вещи, я рѣшилъ, что вотъ тутъ то и конецъ: «Вотъ тутъ то и отведутъ въ стоявшій неподалеку молодой сосновый лѣсъ, поставятъ къ прямой соснѣ и скажутъ: «Въ Польшу захотѣлъ? Бѣжать вздумалъ?! Къ Савинкову! къ Пилсудскому?!... Къ врагамъ коммунистической республики?! Такъ вотъ тебѣ!»... и ноганъ быстро сдѣлаетъ свое кровавое дѣло.

Но нервы и мозгъ слишкомъ разыгрались... Насъ выстроили въ рядъ и потребовали документы... У всего поѣзда были одинаковые документы, выданные Бѣлорусскимъ Главзвacomъ... Провѣрка документовъ прошла довольно гладко... Приступили къ обыску и провѣркѣ вещей.

«Валюта есть?» спросилъ меня одинъ изъ чекистовъ.

Я, стараясь быть спокойнымъ, вынулъ и показалъ ему все, что у меня было — восемь тысячъ совѣтскихъ рублей.

Онъ какъ-то кисло улыбнулся и сказалъ:

«Чѣмъ же вы будете жить въ Польшѣ? Вѣдь на восемь тысячъ вы и здѣсь умрете съ голоду, а въ Польшѣ это даже не восемь марокъ...»

И секунду помолчавъ, онъ прищурилъ глаза и, хитро улыбаясь, приниженнымъ голосомъ сказалъ:

«Караты везете?» и не давъ мнѣ произнести ни одного звука, бросилъ:

«Слѣдуйте за мной!»

Въ головѣ зашумѣлъ какой то страшный вихрь... Ноги подкашивались и хотя у меня не только каратовъ, но и лишней рубахи не было, я въ смертельномъ страхѣ поплелся за чекистомъ...

Въ небольшой комнаткѣ я увидѣлъ нѣсколько голыхъ мужчинъ, и сразу стало какъ то легче...

«Значитъ, успокаивала нервно трепетавшая мысль, не тебя, какъ убѣгающаго!.. не тебя, какъ саботажника, не тебя, по телеграфному распоряженію, а еще какихъ то людей... еще какихъ то обреченныхъ!.. А неужели же разстрѣль.»

Но чекисты, заставивъ меня раздѣться до нага, потребовали у меня все мое бѣлье, платье, ботинки, и я остался совершенно «безъ ничего».

Только часъ спустя сердитый красноармеецъ швырнулъ мнѣ какую то кучку тряпокъ, среди которыхъ я узналъ свой пиджакъ, распоротый по всѣмъ швамъ, свои брюки, перенесшіе тяжелую хирургическую операцію, и ботинки, на которыхъ безжизненно свисали совершенно оторванные подметки и каблуки, кое какъ привязанные веревкой.

Чекисты искали караты...

Напяливъ на себя выданную мнѣ рвань, я быстро выбѣжалъ изъ маленькой, душной комнаты и услышалъ торопливые возгласы красноармейцевъ и чекистовъ:

«Эй вы, гады контръ-революціонные, скорѣ садитесь въ вагоны... сейчасъ къ Пилсудскому повеземъ!..»

Всѣ бросились къ вагонамъ, торопливо бросая въ вагоны мѣшки съ вещами...

Паровозъ глухо свистнулъ и поѣздъ медленно тронулся...

Двери и окна вагоновъ были наглухо закрыты.

Медленно, черепашьимъ шагомъ, тянулся паровозъ; жуткія сумерки пугающе проникли въ вагонъ; сдерживая дыханье, сидѣли люди и не вѣрили, что еще часъ... еще два, и все страшное, умомъ непостижимое, останется позади.

Въ тягучемъ ползаніи вагоновъ чувствовалось нежеланіе Краснаго Кошмара выпустить живыми изъ своихъ лапъ нѣсколько сотъ человѣкъ...

Вагоны все же ползли... разстояніе все уменьшалось и кошмарныя мысли прервалъ сильный толчекъ вагоновъ...

Поѣздъ остановился...

«Выходи!..» раздались въ темнотѣ ночи громкіе крики...

У самой польской границы съ поѣзда сошли всѣ красноармейцы и чекисты, и черезъ границу поѣздъ двинулся съ машинистомъ и комендантомъ поѣзда...

Мелькнулъ передъ глазами въ свѣтѣ слабо освѣщеннаго окна красноармеецъ съ винтовкой, и какіе то размѣренные, настойчивые и густые стуки приближались къ слуху.

Все громче и слышнѣе становились стуки...

Вдали показались яркіе огоньки... и мимо вагона проскользнула электрическая станція, въ которой задорно и бойко работала моторъ...

«Жизнь!»... запѣло въ мозгу...

«Спасены!»... восторженнымъ эхомъ пронеслось по вагонамъ...

И обильно полились слезы, какъ бы смывая недавніе ужасы, кошмары и страданія.

Берлинъ, 20 Іюля 1922 г.